

# **КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

**Посвящается памяти  
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,  
заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора  
Витрука Николая Васильевича**

**Белгород, 2022**

ББК 67.400  
УДК 342  
К 65

Ответственный редактор –  
профессор М.В. Мархгейм

К 65 Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 18 ноября 2022 г.). – Издательство «Гик», Белгород, 2022. 241 с.

ISBN 978-5-6048799-5-5

В настоящем издании систематизированы материалы Международной научно-теоретической конференции, а также цикла иных научных мероприятий, ежегодно проводимых в юридическом институте НИУ «БелГУ» в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора, почетного профессора НИУ «БелГУ» Витрука Николая Васильевича. В 2022 году ему исполнилось бы 85 лет.

Материалы адресованы всем, кто интересуется научными и практическими проблемами конституционализма.

ISBN 978-5-6048799-5-5

© Авторы статей, 2022

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Тонков Е.Е.</b>	<b>ПРАВООЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: В ПОИСКЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ</b>	<b>6</b>
<b>Мархгейм М.В.</b>	<b>КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОБЪЕКТЫ УВАЖЕНИЯ</b>	<b>14</b>
<b>Куксин И.Н. Шухов Ф.Г.</b>	<b>ПРАВООЗАЩИТНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ</b>	<b>22</b>
<b>Новикова А.Е. Соболева М.М.</b>	<b>ОБЪЕКТ ПРАВООЗАЩИТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА</b>	<b>29</b>
<b>Стус Н.В. Петербургский А.П.</b>	<b>ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ</b>	<b>37</b>
<b>Безуглая А.А. Аль Талабани М.А.А.</b>	<b>МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК «ЧАСТЬ» ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ</b>	<b>42</b>
<b>Гелуненко В.В.</b>	<b>ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ: ДОГАДКИ ОБ УПРАЗДНЕНИИ ПУБЛИЧНОСТИ</b>	<b>46</b>
<b>Емельянов А.С.</b>	<b>УЧЕНИЕ Д.И. МЕЙЕРА О ПРАВОВЫХ ПРИВИЛЕГИЯХ</b>	<b>50</b>
<b>Нгатею П.А.Ш.</b>	<b>К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА</b>	<b>54</b>
<b>Никонова Л.И. Колоскова Д.А.</b>	<b>КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ</b>	<b>59</b>
<b>Пасенов А.Н. Труфанова А.С.</b>	<b>СТРЕЛЬБА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА</b>	<b>66</b>
<b>Рассказов В.Л. Аутлева Р.В.</b>	<b>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ ТОРГОВЫХ СПОРОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.</b>	<b>75</b>
<b>Рассказов В.Л.</b>	<b>ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР, ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ЭТОЙ СФЕРЕ</b>	<b>79</b>
<b>Абрамова А.В.</b>	<b>ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ</b>	<b>84</b>

Артыков Д.З.	ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ОЧЕРК ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИИ	94
Белоусов Н.В.	ИНТЕРЕСЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	101
Берент К.А.	УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ КАК ГАРАНТИЯ ПРИНЦИПА НАРОДОВЛАСТИЯ	107
Бойченко Е.М.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	112
Гафуров Д.В.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	116
Гриневич К.В.	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ	122
Дегтярев С.Н.	ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА БРАКА	128
Карпенко Т.Н.	ФАКТОР ГРАЖДАНСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	135
Лукьянова И.Ю.	ПРАВООЗАЩИТНЫЙ РАКУРС ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ПОНЯТИЙНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОДХОД	139
Мельников П.А.	РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОГРАНИЧЕНИЯ ЕГО ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА	145
Плотникова Е.С.	ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	149
Стус А.А.	ФОРМИРОВАНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ	157
Хмелевская И.Г.	МОЛОДЁЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	161
Шатерникова К.А.	ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ КАМАРОВСКИЙ – РОССИЙСКИЙ ЮРИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК	170

<b>Шерстнев В.Н.</b>	<b>ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К СУДОУСТРОЙСТВУ</b>	<b>176</b>
<b>Васильева А.Е.</b>	<b>ЗАЩИТА ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ</b>	<b>180</b>
<b>Жаббар Б.Ф.Ж.</b>	<b>ИМПЕРАТИВ НЕДОПУСТИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ</b>	<b>185</b>
<b>Ибрагимов Р.И.</b>	<b>МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН И ПРАВО О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ</b>	<b>190</b>
<b>Карабутова Е.А.</b>	<b>ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)</b>	<b>194</b>
<b>Кузьминых И.В.</b>	<b>ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</b>	<b>201</b>
<b>Мандриков А.Ю.</b>	<b>ИСКЛЮЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПРАВООЩИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ</b>	<b>210</b>
<b>Труфанова Д.А.</b>	<b>ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</b>	<b>217</b>
<b>Шарутенко В.В.</b>	<b>ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫБОРОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ</b>	<b>223</b>
<b>Швыдкова В.В.</b>	<b>ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ</b>	<b>231</b>
<b>Шейна Е.А.</b>	<b>ВКЛАД Н.В. ВИТРУКА В ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ</b>	<b>235</b>
<b>Шепель Е.Н.</b>	<b>«ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ» – ВЗГЛЯДЫ Н.В. ВИТРУКА НА КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</b>	<b>238</b>

**Тонков Евгений Евгеньевич,**  
директор юридического института  
Белгородского государственного  
национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»),  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации  
(Белгород, Россия)

## **ПРАВООЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: В ПОИСКЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ**

**Аннотация.** По мнению автора статьи, основным принципом деятельности современного цивилизованного государства является всеобъемлющее уважение к признанным и гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, их охрана и защита. Важнейшей задачей ближайшего будущего автор считает адаптацию социально-экономической и правовой систем к новой геополитической ситуации. Реализация правозащитной функции государства включает и его ответственность за формирование равных партнерских отношений с гражданским обществом, достижение компромисса и преодоление разногласий. В противном случае следующей стадией развития страны станет автократическое государство.

**Ключевые слова:** государство, Конституция, право, охрана, защита, гражданское общество, автократия, адаптация, принцип, правозащитная функция.

Происходящая трансформация геополитической реальности, непосредственными свидетелями и участниками все мы неожиданно (или ожидаемо) оказались, вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества приобретает ключевое значение. Это объясняется не только беспрецедентным осложнением отношений с Западом, но и неизбежными коллизиями в содержательном аспекте внутренней политики. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом, мы приходим к выводу, что причинами очевидного рассогласования, различных оценочных позиций стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка. Россия, как известно, не является ни колыбелью теории правового государства, ни полигоном для убедительного освоения ее практики. В отечественной юриспруденции до

сих пор недостаточно представлены фундаментальные исследования, посвященные правовому государству и правозащитной деятельности, хотя в Конституции Российской Федерации закрепляется характеристика правового государства и его элементов.

Как никогда пророчески звучат сегодня слова Председателя Конституционного Суда страны, который, размышляя о влиянии социально-государственного кризиса на правовую систему, еще более десяти лет назад озадачился вопросом, куда движется Россия – к праву или хаосу [1].

Все это подчеркивает потребность обеспечения новым методологическим инструментарием проблемы добросовестного выполнения государством своей единственной явно артикулированной конституционной обязанности защищать права и свободы человека и гражданина. Правозащитная функция государства и механизм ее реализации находятся в русле тенденции к детализации функций государственной деятельности и совершенствованию их классификации. Указанная тенденция не является случайной и формируется в результате изменения всей государственности, и, в частности, усложнения государственной деятельности по масштабности и содержанию задач и функций, назревшей необходимости консолидации общества, возрастания роли органов власти всех звеньев.

Основным принципом деятельности современного цивилизованного государства, несмотря на понятные обстоятельства, должно быть всеобъемлющее уважение к признанным и гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, учитывая, что по словам Н.В. Витрука, принцип «как руководящая идея, отражающая сущностные свойства явлений, одновременно выступает и как требование, определяющее деятельность людей, их поведение» [2, с. 87].

М.В. Мархгейм относит принципы «к тем универсальным феноменам, которые характеризуют различные области знания и продолжают разрабатываться ими» [3, с. 54]. Она справедливо указывает на способность принципов влиять на обособление и структурирование конституционно-правовых институтов [4].

Руководствуясь существующей логикой развития принципов суверенной российской государственности, учитывая вызовы современности, а также основываясь на теоретических постулатах и факторах вариативности функций государства, мы считаем необходимым сосредоточить внимание на усилении правозащитного функционала, поиске новых возможностей и смыслов его обеспечения в изменившихся обстоятельствах.

Н.И. Матузов подчеркивал, что «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Эти понятия не совпадают» [5].

Защита прав человека прочно связана с природой самих его прав, каждое из которых служит проявлением сохранения человеком своих естественных качеств и свойств. В данной связи вполне аргументированным видится мнение Ф.М. Рудинского о том, что каждое право человека принадлежит отдельной личности, неотъемлемо от нее и не может быть отчуждено каким-либо способом. Но вместе с тем вся система прав человека имеет социальный смысл. В сущности, это способы защиты человечества от многочисленных угроз его существования [6, с. 38].

Этим объясняется особая системообразующая и регулятивная роль защиты по отношению к правам человека в целом и соответствующим средствам их реализации. Поскольку защита прав и свобод человека и гражданина – конституционная обязанность государства, вполне адекватной представляется ее связь с функциями государства, в которых проявляется та роль, которую государство играет в решении основных вопросов общественного развития, в удовлетворении разнообразных интересов населения страны.

Защита человека, его прав и свобод требует от государства активных действий и предоставления ему соответствующих прав. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с помощью разнообразных норм материального и процессуального права. Однако для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека необходимы существенные усилия самого государства в материальной и духовной сферах. Именно правозащитная функция может позволить проконтролировать предпринимаемые государством в лице его уполномоченных органов действия по поводу восстановления нарушенных прав человека и гражданина. Очевидно, что ни социальная, ни охранительная функции, с учетом их природы и содержания, способствовать получению таких результатов не в состоянии.

Выявляя нормы, конституционно указывающие на наличие правозащитной функции государства, следует обратить внимание на ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации, где гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется всеми государственными органами. Ч. 2 ст. 80 Конституции РФ закрепляет, что Президент РФ является гарантом прав и свобод человека

и гражданина. Осуществляя установленную Конституцией РФ компетенцию, Президент РФ обеспечивает их реальное воплощение.

Правозащитная функция государства рассматривается нами как сущностное направление его деятельности, содержание которого выражается в предупреждении, выявлении и пресечении нарушения и восстановлении нарушенного права посредством адекватных мер, принимаемых от имени государства публичными субъектами посредством специальных механизмов и инстанций ответственности.

Каждое должностное лицо любого государственного органа обязано защищать права и свободы человека, не отдавая каких-либо предпочтений определенным категориям или слоям общества. Государственная защита может считаться справедливой, если нарушение прав и свобод должным образом устранено, и права личности были восстановлены в соответствии с законом.

Закрепленная в Конституции Российской Федерации компетенция судебной власти распространяется на все сферы общественной жизни. Это позволяет гражданину защищать в суде все без исключения права и свободы – и те, которые принадлежат ему в силу прямого указания в Конституции Российской Федерации и иных законах, и те, которые не имеют нормативного закрепления, но не противоречат закону. Очевидно, что судебная защита в Российской Федерации распространяется не только на основные права, но и на те, которые предоставлены законом, другим нормативным или индивидуальным правовым актом. Это вытекает из содержания ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, установившей, что перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее, ч. 3 данной статьи устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, «в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»<sup>1</sup>.

Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2 ст. 46 Конституции России). По мнению Ю. Е. Аврутина, «юридическая гарантированность субъективных прав отнюдь не всегда означает их практическую реализацию»

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. С. 23.

[7, с. 103]. Более того, почти всегда это обусловлено не отказом гражданина от реализации своего законного интереса, но бездействием (если не активным противодействием) органов власти. В подобных случаях, достаточно распространенных на всей территории России, партнерство государства и населения, подразумевающее конструктивный диалог и сотрудничество, замещается конфликтом.

Государство обязано взять на себя ответственность за формирование реальных, а не декларативных предпосылок для создания новых отношений с гражданским обществом, преодоления разногласий и стабилизации как социально-экономического, так и политического положения. В противном случае нашу страну подстерегает серьезная опасность превращения в авторитарное государство, в котором фактически отсутствует гражданское общество при наличии всех его многочисленных декораций, которые находятся под жестким и неусыпным державным контролем. Нет сомнений, что при такой расстановке сил, фактически находясь в плену политических иллюзий, государство не может обеспечить эффективную реализацию правозащитной функции.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды играют главную роль в защите гражданских прав, поскольку одной из важнейших форм судебной защиты прав и свобод граждан является рассмотрение судами гражданских и уголовных дел. Гражданский кодекс РФ содержит специальную норму, посвященную судебной защите гражданских прав (ст. 11)<sup>1</sup>. Предусмотрено, что защиту нарушенных и оспариваемых гражданских прав в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, осуществляют суды общей юрисдикции, арбитражные суды или третейский суд.

Защита прав и свобод граждан осуществляется и в уголовном судопроизводстве. Уголовный закон, применяемый при рассмотрении уголовных дел, охраняет граждан от преступных посягательств на их жизнь, здоровье, свободу и достоинство, политические, трудовые, имущественные, жилищные, иные права и свободы. Потерпевший от преступления и гражданский истец, т.е. лица, понесшие от преступления материальный, а в определенных случаях и моральный ущерб и предъявившие требование о его возмещении, являются полноправными участниками процесса и могут в суде отстаивать свои интересы.

---

<sup>1</sup> См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. 8 декабря 1994 г.

Право на судебную защиту гарантируется нормами процессуального законодательства. Так, ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ предусматривает, что «задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду»<sup>1</sup>.

Задачами арбитражного судопроизводства по смыслу ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ являются «защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере; обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок независимым и беспристрастным судом; укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; формирование уважительного отношения к закону и суду; содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота»<sup>2</sup>.

В ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ установлено, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения,

---

<sup>1</sup> Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 28.06.2009 г. № 128-ФЗ) // Российская газета. 20 ноября 2002 г.

<sup>2</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. от 19 июля 2009 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

осуждения, ограничения ее прав и свобод<sup>1</sup>.

В процессе реформирования российского уголовного судопроизводства права и свободы человека и гражданина выступают одним из важных и основных ценностных ориентиров. Права человека – это тот важнейший правовой фактор, который определяет назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам.

Вышеизложенное показывает, что роль судов в защите прав граждан весьма многогранна. Уровень судебной защиты прав граждан рассматривается как основной показатель места судебной власти в обществе, показатель демократичности самого общества. В ряде случаев судебная защита – единственное средство правовой защиты человека. Характер судебной защиты позволяет считать ее универсальным, а потому наиболее эффективным способом защиты нарушенных прав и свобод личности.

Только так можно заручиться хотя бы некоторой гарантией того, чтобы право в случае очередной политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. Ведь, по мнению Ф. Ницше, которое не прочь поддержать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо...у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще» [8, с. 431].

Граждане видят свой результат в преобразованных предметах и правовых явлениях (тех или иных юридических фактах), удовлетворении своих частных притязаний, а для государства эти результаты имеют качественно другую ценность, выступая в виде обобщенных показателей эффективности процесса правового регулирования. Прямая зависимость правового регулирования от характера его цели проявляется при любом масштабе государственной деятельности (абстрактная ли это цель – правовой идеал, или же – конкретная правоприменительная практика).

В этой связи мы не можем поддержать позицию В.В. Момотова, положительно оценивающего тот факт, что в последнее время в гражданском законодательстве появляются так называемые каучуковые (эластичные) нормы права, имеющие неконкретный и универсальный характер, «требующие судебной оценки, личностного измерения судьи». По его мнению, это «хороший пример взаимного влияния и взаимозависимости судебной практики и законодательства посредством восприятия судьи» [9, с. 7].

---

<sup>1</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 18 июля 2009 г.) // Парламентская газета. 22 декабря 2001 г.

На наш взгляд, это, напротив, свидетельствует о многочисленных коллизиях и пробелах в действующем законодательстве, создающих информационный базис для формирования политически ориентированной позиции правоприменителя и снижения гарантированности реализации правозащитной функции в полном объеме.

Имеющийся правозащитный потенциал элементов публичной институциональной системы позволяет реализовать конституционные установки аксиологического приоритета человека, его прав и свобод, а также обязательств государства перед личностью и обществом. Решающее значение в новой реальности имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права, а также основанные на этом подходы к оценке и реформатированию самой матрицы государственной деятельности.

### **Список литературы**

1. Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу? // Российская газета. 26 января 2012 г.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
3. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование. 2018. № 1 (92).
4. Мархгейм М.В. Принцип приоритетности как конституционно-правовая реальность // Конституционализм: симбиоз науки и практики: материалы международного круглого стола памяти Н.В. Витрука. Белгород, 2017. С.42-43.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 130-131.
6. Рудинский Ф.М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия // Право и права человека. М., 1998.
7. Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. № 10.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990.
9. Момотов В.В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9.

**Мархгейм Марина Васильевна**  
доктор юридических наук, профессор,  
заведующий кафедрой конституционного  
и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОБЪЕКТЫ УВАЖЕНИЯ**

**Аннотация.** Включение в Конституцию Российской Федерации изначальных (Отечество, права и свободы человека и гражданина) и новых (старшие, труд граждан, человек труда) традиционно-нравственных императивов уважения актуализирует обращение к раскрытию конституционного содержания и формализованных объектов уважения, и истолкованных учеными в качестве таковых (право, конституция, закон, суд, право собственности и др.). Сделаны выводы, что каждый из приведенных объектов уважения способствует раскрытию его социального и правового содержания, роли уважения в юридической сфере. Отмечена потребность в более весомом ценностно-содержательном развороте «уважения» для пользы упорядочения конституционно-правовых отношений.

**Ключевые слова:** Конституция, уважение к Отечеству, уважение прав и свобод человека и гражданина, уважение к старшим, уважение труда граждан, уважение человека труда.

Отличительной чертой обновления Конституции Российской Федерации в 2020 г. стало традиционно-нравственное наполнение ее текста. В частности, появились новые конституционные сопряжения со словом «уважение». Поскольку уважение есть универсальный социальный атрибут и мерило в человеческом сообществе, то его возведение на конституционный уровень не только вносит дополнительные актуализирующие его юридическое познание доводы, но и обещает интересные приращения правового понимания феномена уважения.

Как известно, в социуме диапазон употребления слова «уважение» распахнут от известного вопрошания «ты меня уважаешь?» до обращения «уважаемый имярек!». Уважение можно оказать, заслужить, потерять, можно быть его достойным, им можно пользоваться.

Уважение введено в юридическую среду и получило разработку как правовая категория [1], ценностное явление правовой политики и ее принцип [2], принцип в организации и деятельности публичных органов [3] и т.п.

Уважение, как известно, бывает взаимным. Более того, уважение друг к другу, наряду с вежливостью и взаимностью заслуженно трактуется как основа правового мира [4].

Не обойден научно-правовым вниманием и такой феномен, как самоуважение. Так, в рамках первой аксиомы правосознания И.А. Ильин отмечал, что «...человеку как субъекту права и творцу права, необходимо *уважать себя*. Уважать себя, значит признавать свое достоинство... и, признавая, дорожить им, гордиться им и блюсти его в жизни и в делах... Человек, чтущий в самом себе духовное начало, будет признавать его и дорожить им независимо от того, как относятся к нему другие, и чужое неуважение или даже презрение не поколеблет ни его реального духовного достоинства, ни соответствующего ему чувства уважения к себе» [5, с. 152].

Жизнь, в том числе правовая, показывает, что в знак уважения могут совершаться какие-то поступки. При этом некоторые деяния могут расцениваться как неуважение и иметь не только социально-порицательные, но и юридико-санкционные последствия. В частности, это научно акцентируется применительно к сфере отправления правосудия [6] и исполнения судебных решений [7].

Широко нами используемое слово «уважение» как позиция и отношение, как действие и оценка, как мотив и ограничение по всей логике должно иметь вполне внятное определение. Исходная помощь в его поисках, как всегда, ожидается от словарных источников. Обращение к ним на сей предмет позволило нарисовать в целом однотипную картину, что, с одной стороны, свидетельствует об устоявшемся подходе к трактовке понятия «уважение», с другой – может быть маркером его смысловой стагнации.

Итак, в авторитетном толковом словаре В.И. Даля дано следующее определение слова «уважать»: «... почитать, чтить, душевно признавать чьи-либо достоинства; ...»<sup>1</sup>. То есть уважение есть субъективная оценка и отношение.

Толковый словарь современного русского языка привел свою дефинитивную версию слова «уважать»: «Относиться с уважением к кому-чему-н.». В свою очередь «уважение» – «Отношение, основанное на

---

<sup>1</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 12. Теч-Ящи. М.: Мир книги, 2003. 416 с. С. 85.

признании чьих-н. достоинств, заслуг»<sup>1</sup>. Приведены также версии понимания однокоренных слов «уважаемый» («достойный уважения») и «уважительный» («оказывающий, выражающий уважение кому-н.», уважительное отношение, уважительно разговаривать). Здесь возникает простой вопрос, а разве не нужно уважительно вести себя с человеком, если ты не знаешь его достоинств или еще не успел оценить их? И обязательно ли это отношение связано с человеком и его качествами? К ответу на второй вопрос можно подступиться, обратившись к словарю сочетаний, где подобным с ранее приведенными словарными источниками образом предложено под уважением понимать «Чувство почтения, почтительное отношение, основанное на признании чьих-л. достоинств, заслуг, качеств...»<sup>2</sup>, но вместе с тем уважение связывается с кем-либо (отец, учитель...) или с чем-либо (труд, возраст, поступок, общество...). Следовательно, уважать можно не только конкретного, на наш взгляд, заслуживающего это человека, но и иные «объекты».

По толковому словарю С.И. Ожегова слово «уважать» означает «Относиться с уважением к кому-чему-н. ... Считаться ... с кем-чем-н., принимать во внимание и соблюдать что-н., чьи-н. интересы...»<sup>3</sup>. Уважение же, по С.И. Ожегову, истолковано традиционно, а именно «Почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств...».

Общим подходом в приведенных трактовках является определение глагола «уважать» через существительное «уважение». Здесь очевиден отступ от такого правила формальной логики, как недопустимость определения понятия через него же или однокоренное слово. Совпадающим является и связка с признанием чьих-либо достоинств, заслуг, а выражение этого отношения соотносится с человеком.

При этом обнаружилась и еще одна более, на наш взгляд, репрезентативная версия: уважать – значит считаться, принимать во внимание. Для сферы права и наших рассуждений по этому поводу такой подход является наиболее адекватным и, как представляется, плодотворным, поскольку речь будет вестись не о конкретном лице, чьи достоинства и заслуги мы можем знать, а о явлениях и процессах конституционно-

<sup>1</sup> Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. 928 с. С. 822.

<sup>2</sup> Словарь сочетаний / Под ред. Б.А. Зильберта. – Серия энциклопедия русского языка. – М.: ООО «Мир книги», 2004. 384 с. С. 371.

<sup>3</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва : Мир и образование, 2015. – 1375 с. С. 883.

правового характера. При этом уважение к ряду их них определено как императивное требование конституционной нормы.

Из этого и будем исходить, обращаясь к анализу на указанный предмет Конституции Российской Федерации. В ее тексте слова «уважать», «уважение» использованы в принципиальных сопряжениях, дающих основание причислять связанные с уважением «объекты» к особым не только по их композиционному положению в Конституции, но и по ценностному «градусу» [8].

Так, в исходном, принятом всенародным голосованием 12 декабря 1993 года тексте Конституции России были закреплены два «объекта» уважения – Отечество, а также права и свободы человека и гражданина. «Уважение к Отечеству» как объект преемственности обозначено в так называемой конституционной преамбуле – признанном средоточии базовых ценностей. В ней сказано, что многонациональный народ Российской Федерации принимает Конституцию в том числе, «... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству». Отметим кстати, что слово «читать» приводится в качестве синонима глубокого уважения.

Следующий изначально конституированный объект «уважения» – права и свободы человека. Этот объект «уважения» подтверждается в таком качестве особым конституционным субъектом (глава Российского государства) в ходе специальной конституционной процедуры (присяги) и исключительным конституционно-правовым антуражем (торжественная обстановка, присутствие федеральных парламентариев и судей Конституционного Суда России). Присягая народу в силу требований конституционной нормы ст. 82, Президент Российской Федерации клянется «...уважать ... права и свободы человека и гражданина...».

В научной юридической литературе уважение прав человека рассматривалось, например, в качестве единого вектора внутренней и внешней политики социалистических государств [9, с. 416] и принципа правового государства [10]. В диапазоне прав человека акцентируется, например, принцип уважения достоинства личности [11, с. 204]. По мнению Н.В. Витрука, уважение достоинства личности относится в категории общих принципов правового положения личности [12, с. 90-91]. Отметим, что в ранее действовавшем Законе Российской Федерации «О гражданстве РСФСР» от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «уважение достоинства, основных прав и свобод человека» были составной частью определения гражданства.

В 2020 году в результате внесения в Конституцию России поправок, одобренных общероссийским голосованием, появились три новых (и еще, к

счастью, не забытых) «объекта» уважения, а именно «старшие», «труд граждан» и «человек труда». Текстуально первым оказалось «уважение к старшим», которое заслуженно обозначено как ориентир воспитания детей наряду с патриотизмом и гражданственностью (ч. 4 ст. 67.1). Рассуждая о конституционных поправках 2020 года и проблемах их реализации, П.А. Астафичев придал «уважению к старшим» статус принципа [13], с чем в полной мере можно согласиться.

Далее конституировано «уважение труда граждан». Формулировка конституционной нормы ч. 5 ст. 75 – «Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав» – дает основания для восприятия ее как обеспеченной защитой со стороны Российской Федерации данности. При этом разработка конституционно-правового содержания положения об уважении труда граждан требует пристального научного внимания, да такого, чтобы и в голову никому не приходило обернуть это опять в пустую формальность.

С этой нормой тесно связан и другой гарантирующий конституционный посыл – «уважение человека труда»: «В Российской Федерации ... гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда...» (ст. 75.1). Анализируя эту конституционную новеллу, Ю.А. Кучина расценила ее как конституционную гарантию повышения качества трудовой жизни работников [14]. Вероятно, в скором времени появятся и иные интерпретации смысла и содержания указанного конституционного положения.

Таким образом, изложенное подводит формальную почву под исследование феномена «уважение» и его глагольной формы «уважать» с позиции юридической науки и практики.

Наряду с приведенными конституционными «объектами» уважения – Отечество, права и свободы личности, старшие, труд граждан и человек труда – в научной юридической литературе в качестве таковых определены, например, личность (Н.В. Витрук) [9, с. 469-470], само право (В.В. Момотов) [15], закон (А.Г. Лисицын-Светланов) [16], суд (Б.В. Лесив) [17], частная собственность (О.Н. Горбунова) [18]. Полагаем уместным привести вывод Г.Ф. Шершеневича, что в задачу правового воспитания входит повышение степени развития в обществе чувства законности и уважения к закону [19, с. 234]. Рассуждая о этом объекте уважения, Е.Е. Тонков сделал запоминающийся вывод, что «Уважение к закону должно превратиться в политическую религию государства, стать той национальной

идеей, поисками которой так долго и безуспешно заняты наши политики, философы и государственные деятели» [20, с. 7].

Каждый из приведенных объектов уважения способствует раскрытию его социального и правового содержания, роли уважения в юридической сфере. При этом здесь требуется более весомый ценностно-содержательный разворот «уважения» в пользу более совершенного упорядочения общественных отношений.

Обнаруживает себя исследовательский подход введения уважения в интерпретацию юридических феноменов. Так, изучая принцип национального суверенитета, А. Эсмен отмечал, что «Общественная власть существует лишь в интересах составляющих общество индивидуумов: она может законно отправляться, лишь уважая требования разума и права индивидов» [21, с. 1]. По выражению И.А. Ильина, «...уважение к себе входит в самое существо государственной власти...» [5, с. 158].

Рассматривая конституционализм в качестве общегосударственной идеологии любого правового государства, В.С. Нерсисянц определил его в качестве «идеологии уважения» к Конституции, подчеркнув, что «государство в целом, все государственные органы и должностные лица, все сторонники Конституции и конституционно-правового строя должны всемерно содействовать возвышению роли Конституции и повышению уважения к ней, реальному утверждению ее статуса как Основного закона страны, последовательной реализации ее норм, принципов и ценностей» [22, с. 8]. Он подчеркнул также значимость публично-правовой ответственности «за неуважение к Конституции, нарушение конституционных норм, процедур и порядков» [22, с. 8]. Следовательно, Конституцию предложено рассматривать объектом не просто уважения, а и прогрессирующего уважения, обеспечиваемого, помимо прочего, ресурсами юридической ответственности соответствующего толка.

Рассуждая о Конституции в категориях уважение/неуважение, В.Д. Зорькин отметил, что уважение к Основному Закону является одним «из главных условий процветания, благополучия и величия России» [23, с. 13]. Он также уточнил: «Власть, не уважающая Основной Закон превращается в произвол... Общество, не уважающее Конституцию, не желающее жить по ней, больное» [23, с. 59]. Соответственно, «Уважение к Конституции – это лучшая страховка от произвола. Формировать, воспитывать это уважение – задача и власти, и гражданского общества» [23, с. 59].

Представляется, что приведенные характеристики конституционно-правовых явлений и процессов сквозь уважение, понимаемое в глагольном

варианте как считаться, брать во внимание, выступают вектором познания упорядочивающего содержания и регулятивного потенциала самого феномена уважения. Такой ракурс внимания к уважению может порадовать исследователей не только из юридической среды и научной продуктивностью, и выявлением интересных перспектив и закономерностей в регулировании общественных отношений.

### **Список литературы:**

1. Мордовец А.С., Рагузина О.В. Уважение как принцип и ценностное явление правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 22-28.
2. Ульянова М.В. Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 57-67.
3. Грачёв А.А. Уважение как принцип организации и деятельности органов прокуратуры // Законность и правопорядок. 2016. № 1-2 (14). С. 3-7.
4. Нешатаева Т.Н. Уважение друг к другу, вежливость и взаимность – основа правового мира // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2014. № 4. С. 6-13.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительной статьи И.Н. Смирнова. – М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
6. Момотов В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 5 (203). С. 147-152.
7. Морозова Л.А. Исполнение судебных решений, или уважение к суду // Российское правосудие. 2015. № 11 (115). С. 31-38.
8. Мархгейм М.В. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 70-73.
9. Витрук Н.В. Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963-1990. М.: Российская академия правосудия. 2012. 642 с.
10. Затонский В.А. Уважение прав человека как принцип правового государства и его реализация в правовой политике // Правовая культура. 2020. № 2 (41). С. 7-24.
11. Конституция и права человека: доктрина и практика : Монография / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. – М.: ИГП РАН, 2021. 400 с.

12. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. 448 с. С. 90-91.
13. Астафичев П.А. Конституционализация принципа уважения к старшим: опыт конституционных поправок 2020 года, их содержание и проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2 (141). С. 180-191.
14. Кучина Ю.А. Уважение человека труда как конституционная гарантия повышения качества трудовой жизни работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 9-12.
15. Момотов В. Добросовестность и уважение к праву // Современные страховые технологии. 2019. № 3. С. 52-55.
16. Лисицын-Светланов А.Г. Личность и уважение к закону: проблемы и новые реалии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2007. № 4. С. 6-12.
17. Лесив Б.В. Уважение к суду как конституционная ценность: формирование доктрины // Судья. 2019. № 9 (105). С. 32-40.
18. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. 800 с.
19. Горбунова О.Н. Гласность и уважение к частной собственности – основные правовые принципы, которые должны присутствовать в управлении демократическим государством // Государство и право. 2019. № 3.
20. Тонков Е.Е. Уважение к закону как политическая религия // В сборнике: Конституционализм: симбиоз науки и практики. Материалы Международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука. Ответственный редактор Мархгейм М.В., 2017. С. 6-11.
21. Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб, 1898. С. 123-231.
22. Нерсесянц В.С. Конституционализма как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации. Сб. статей. М., 2000. С. 6-10.
23. Зорькин В.Д. Россия и Конституция России в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. 400 с.

**Куксин Иван Николаевич,**  
профессор кафедры теории и истории государства и права,  
института права и управления МГПУ, координатор секции  
по вопросам обеспечения прав и свобод гражданина в  
уголовном процессе Экспертного совета при Уполномоченном  
по правам человека в Российской Федерации  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации  
(Москва, Россия)

**Шухов Федор Гелиевич,**  
кандидат юридических наук, доцент кафедры  
организации, экономики, управления ветеринарным делом  
Санкт-Петербургского государственного университета  
ветеринарной медицины  
(Санкт-Петербург, Россия)

## **ПРАВООЗАЩИТНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**Аннотация.** Давно замечено, что проблема качества правосудия напрямую влияет на экономику, инвестиционный климат в стране и на качество жизни граждан. К сожалению, непреложным фактом остается то обстоятельство, что государству на текущий момент не удастся коренным образом переломить тенденцию недовольства граждан правосудием. У той части населения, которое в силу различных причин было вовлечено в уголовно-процессуальную сферу, а это число достаточно велико, вселилось чувство незащищенности перед судебным произволом, что весьма негативно влияет на подсознание членов общества. Эта проблема подвигла авторов на основе мониторинга поступивших за последний год обращений и жалоб в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов прокуратуры на решения, вынесенные судами, выявить системные проблемы в сфере защиты прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, а также предложить пути их разрешения.

**Ключевые слова:** Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, правосудие, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, соблюдения прав и свобод, защита, прокурорский надзор, гарантии.

Всего лишь год назад научная юридическая общественность отметила тридцатилетие с момента утверждения Концепции судебной реформы в РСФСР [1] и двадцатилетие с даты принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Как показала практика их реализации в правовую жизнь государства, названные акты придали новое качество процессам превращения правовых институтов в форму организации правовых отношений с установленными нормами, ориентировали правоприменителей на установление приоритета прав человека, расширения юридических гарантий для участников уголовного процесса в том числе и на оптимизацию процедур расследования и рассмотрения уголовных и административных дел. Если исходить из анализа прогрессивных идей судебных реформ, то, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 года получили не только закрепление, но и дальнейшее развитие такие принципы как уважение чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, состязательности и иные, учреждения суда присяжных, институт судебного контроля за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном процессе и реабилитации и многие другие. Со стороны Верховного Суда России принимаются ряд мер, повышающих защиту граждан от злоупотребления и произвола чиновников. Свидетельством этого, например, является постановление пленума Верховного Суда России от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» детально разъясняющее правила взыскания компенсации вреда, в том числе за неправомерные действия чиновников [2]. Суды, исходя из данного постановления, вправе взыскать компенсацию морального вреда причиненного, например, за незаконный обыск или задержание в качестве подозреваемого по уголовному делу или незаконного административного задержания. Более того, как пояснил Верховный Суд России, взыскать компенсацию морального вреда можно даже в случае, если с невиновного человека взяли подписку о невыезде.

Однако жизнь не стоит на месте. Обстановка в мире не только остается сложной, но и сохраняет тенденцию к дальнейшему обострению. Способствуют этому прежде всего Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза и организация Североатлантического договора (НАТО), политика которого направлена на «ослабление России, насильственное свержение власти, установление марионеточных, ручных правителей (пример Украина), создание военных баз и получение прибыли от владения сырьевыми активами» [3, с. 7]. На все эти вызовы Российская Федерация вынуждена реагировать путем перестройки как внутренней, так и внешней

политики. Это в полной мере касается и дальнейшего совершенствования национальной правовой системы и, в частности, корректировки действующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Данный вывод основан не только на складывающейся обстановке вокруг Российской Федерации, но и на анализе жалоб и обращений на нарушение прав человека в уголовно-процессуальной сфере. Уголовно-процессуальная деятельность государства всегда являлась и является мерилom равенства и справедливости в обществе и имеет не только правовой, но и глубоко нравственный смысл, поскольку выстраивает отношения уровня «человек-общество», «гражданин-государство» в одной из самых чувствительных областей жизни. Именно поэтому тема защиты прав человека в уголовном процессе продолжает оставаться в данный момент одной из самых актуальных.

Несмотря на тенденцию снижения уровня преступности, например, за девять месяцев 2021 года рост составил 1,2%, за указанный период 2022 года – 1,5%, количество жалоб к Уполномоченному от лиц, так или иначе имеющих отношение к уголовному процессу, из года в год растет, что, в свою очередь, может свидетельствовать о системных проблемах в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 31]. «Первый звонок» прозвучал в 2021 году, когда был установлен рост числа жалоб по сравнению с 2020 годом на 14%. Статистика не улучшается и в текущем году. Только за девять месяцев 2022 года было зафиксировано 8901 обращение к Уполномоченному, что составляет 27% от общего числа жалоб.

Подавляющее число жалоб, связанные с соблюдением прав человека на стадии досудебного производства. За текущий год число таких обращений составило 6253. Их анализ показывает, что их истоками отчасти является чрезмерная загруженность следователей, а иногда и низкий уровень их профессиональной подготовки [5, с. 76]. Это приводит к необъективности, неполноте и длительности сроков доследственных проверок и расследования уголовных дел, необоснованного привлечения к уголовной ответственности, нарушений при применении мер процессуального принуждения.

В связи с проведением специальной военной операции на Украине обнаружилось новые системные проблемы в сфере защиты прав человека в уголовном процессе. Прежде всего это круг вопросов, связанных со вступлением в состав России новых субъектов Федерации: Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей. Одной из приоритетных задач, является задача в ускоренном режиме разработать и принять федеральные законы, регламентирующие особенности применения Уголовного и

Уголовно-процессуального кодексов на территории новых субъектов в переходный период. Задача эта огромной важности, особенно в условиях боевых действий на указанных территориях.

Чтобы показать механизм появления новых проблем, требующих незамедлительного правового решения в современных условиях, назовем проблему, связанную с привлечением граждан к уголовной ответственности за фиктивную регистрацию в жилых помещениях.

Известно, что те зверства, которые творят неонацисты на занятых ими территориях в отношении собственных граждан, толкают многих переселяться на территорию России. Российские граждане, проявляя сострадание к лицам, ранее проживавшим в местах проведения боевых действий, регистрировали их в своих жилых помещениях, помогая устроиться на работу и получить социальные пособия. В итоге попадали под уголовное преследование. При этом, как правило, о том, что фиктивная регистрация – это преступление, граждане узнавали лишь после возбуждения уголовного дела. В связи с этим необходимо инициировать изменение соответствующих нормативных актов МВД РФ, в целях введения обязательного предупреждения об уголовной ответственности за такие действия.

Требует корректировки существующий механизм наложения ареста на имущество организаций и предъявления гражданских исков в уголовном процессе. Особенно остро проблема стоит по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. В текущий период акцент государственной политики в уголовно-процессуальной сфере шаг за шагом смещается в сторону гуманизации, отвечающей потребностям времени [6, с.128]. В отличие от гражданского и арбитражного процессов, уголовно-процессуальное законодательство не содержит строгих требований ни к форме соответствующего заявления потерпевшего, ни к его содержанию. В результате на практике возникают ситуации, когда при наличии ущерба на несколько миллионов рублей арестовывается имущество миллиардной стоимостью.

В целях гуманизации ответственности предпринимателей полагаем целесообразным ввести изменения в статью 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ в части освобождения от уголовной ответственности представителей бизнеса, впервые совершивших преступления экономической направленности, при условии возмещения причиненного ущерба.

Практика деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за последние годы убедительно показывает, что значительную часть его работы занимают жалобы на несправедливость или

грубое обращение должностных лиц полиции, прокуроров или судей в таких делах, как жилищные, о взимании налогов, об участии в выборах, о выплате благотворительных пособий. Представляется, что в текущее время надо расширять его компетенцию, в частности автор видит это в области приостановления уголовных дел. Согласно данным правовой статистики ежегодно приостанавливается порядка 45 % уголовных дел от общего количества возбужденных, большинство – в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Однако на сегодняшний день у Уполномоченного отсутствует законодательная возможность проверить обоснованность принятых решений, полноту проведенных следственных действий по установлению преступников, и, соответственно, защитить нарушенные права потерпевших. Таким образом, требуется внесение изменений в федеральный конституционный закон об Уполномоченном по правам человека.

Исходя из анализа поступавших жалоб, на повестку встала проблема качества проводимых судебно-медицинских экспертиз, назначаемых по ятрогенным преступлениям (умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью и иным законным правам и интересам пациентов). Жители многих регионов России обращают внимание властей на корпоративную солидарность и необъективность при их проведении. Для решения данной проблемы необходимо совместно с экспертами не только изучить, но и внести конкретные предложения по реформированию института экспертизы. Параллельно спланировать и провести ряд специальных мероприятий в формате круглых столов.

Кроме того, анализ судебной практики показывает, что уголовные дела о ненадлежащем оказании медицинской помощи возбуждаются по ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. В случае причинения тяжкого вреда здоровью применяется ч. 2 ст. 118 УК РФ. Однако наблюдается практика возбуждения уголовных дел в отношении медицинских работников за ненадлежащее оказание медицинской помощи по ст. 238 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение требований безопасности оказания услуг. Для решения данной проблемы и унификации правоприменительной практики представляется необходимым

включение в УК РФ отдельной статьи «Ненадлежащее оказание медицинской помощи» со специальным субъектом – медицинским работником.

Аналогичная проблема наблюдается по уголовным делам о рейдерском захвате бизнеса. В настоящее время при привлечении к уголовной ответственности за преступления, связанные с рейдерством, уголовные дела возбуждаются по целому ряду статей УК Российской Федерации: 119 (как один из способов воздействия), 159, 163 (как один из способов воздействия), 170, 170.1, 173.1 – 173.2, 179, 185.5, 196 – 197, 299 (ч. 3), 303, 327, 330. В целях эффективной защиты прав предпринимателей представляется целесообразным включение в УК Российской Федерации специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за рейдерство.

Постоянного внимания требует практика применения судами института необходимой обороны. Автор неоднократно обращался к данной проблеме, указывая на отход судов от тех рекомендаций, по которым Верховный Суд Российской Федерации настоятельно требует реализации их при рассмотрении уголовных дел по данной категории и принятия по ним решений [7, 8]. Представляется, что российское общество сегодня находится на таком этапе своего развития, что будет приветствовать внесение изменений в статью 37 УК Российской Федерации «Необходимая оборона», которая последний раз претерпевала изменения в 2006 г. В настоящее время правоприменители ориентируются на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (в редакции от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в котором сформировано 30 правовых позиций относительно института необходимой обороны. На взгляд автора, данные правовые позиции должны найти отражение не в акте разъяснения судебной практики, а в тексте уголовного закона. Помимо этого, существует запрос гражданского общества на расширение пределов необходимой обороны в части защиты прав обороняющегося от посягательств, сопряженных с опасностью не только для жизни, но и для здоровья, а также в части безусловного права на самооборону в случае посягательств в жилище обороняющегося.

К сожалению, трагедии, связанные с гибелью людей в последние годы (в пожарах, на водоемах, при нападениях на образовательные учреждения) – не редкость. Как правило это происходит по вине должностных лиц, ответственных за обеспечение безопасности, что требует широкого общественного обсуждения относительно ужесточения ответственности за преступление, предусмотренное частью 3 статьи 293 УК Российской Федерации (халатность, повлекшая по неосторожности смерть двух и более

лиц). Данные дела в силу особой сложности и большого объема проводимых следственных действий расследуются не один год, что влечет истечение сроков давности уголовного преследования и, соответственно, освобождение виновных в массовой гибели людей лиц от уголовной ответственности.

Анализ описанных проблем, вытекающих из поступивших к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации реальных обращений по проблемам защиты прав человека, позволили обозначить ряд недостатков формально-юридического и проблемно-практического характера, что требует концентрации внимания как правоприменителей, так и законодателей по их устранению. По мнению автора, представленное исследование даст новое начало формированию тех направлений, которые соответствуют требованию современным вызовам.

### **Список литературы**

1. Постановление Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
2. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // <http://www.consultant.ru/>
3. Куксин И.Н., Керимов А.Д. Сильное социальное государство как важнейший общественный институт социальной политики / Многообразие аспектов социальной политики: монография. – Тверь: РИУ ТвГУ, 2017. 182 с.
4. Куксин И.Н., Шухов Ф.Г. Защита прав человека в уголовном процессе // 300 лет прокуратуре России: история и современность: сборник материалов круглого стола в Белгородском государственном национальном исследовательском университете / под ред. Е.Е. Тонкова, В.Ю. Туранина. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – с. 30-36.
5. Куксин И.Н. Проблемные аспекты, влияющие на качество современного профессионального юридического образования // Ценности и смыслы. 2014. № 2 (30). С. 74-77.
6. Куксин И.Н. Зеко Л.Ю. Институт бизнес-омбудсмена в системе гарантий права на свободу предпринимательской деятельности // Право и образование. 2016. № 12. С.128-132.
7. Куксин И.Н. Современные трактовки необходимой обороны как обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2013. № 2 (12). С.50-63.
8. Куксин И.Н. Право человека защищать свою жизнь – это реальность или миф? // Европейское измерение 2015. Сборник научных трудов под общей

ред. С.Н. Бабурина, З.А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2015. С.415-430.

9. Куксин И.Н. Социальные и юридические аспекты ответственности // Право и общество. 2015. № 2 (14). С. 189-199.

**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
доктор юридических наук, доцент  
профессор кафедры конституционного и  
международного права юридического института  
Белгородского государственного национального  
исследовательского университета  
(Белгород, Россия)

**Соболева Мария Михайловна,**  
кандидат юридических наук,  
заместитель начальника кафедры организации работы полиции  
Санкт-Петербургского университета МВД России  
(Санкт-Петербург, Россия)

## **ОБЪЕКТ ПРАВООЩИТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Аннотация.** Консолидация функционально-ценностного предназначения статусов полиции и гражданского общества – перспективный способ реализации ими защиты прав и свобод человека и гражданина. Важное место в этом механизме отведено объекту. Раскрытие объекта правозащитного взаимодействия полиции и гражданского общества позволит систематизировать и поименовать объективные основания такого взаимодействия. В ходе исследования такими основаниями названы: функционально-ценностная предназначенность; законодательно-целевая синхронизация принципов деятельности полиции и общественных объединений и организаций; диспаративно-противоправные явления в сфере прав человека; структурно-гуманитарная специализация гражданского общества; наличие фокусных правовых позиций Конституционного Суда России.

**Ключевые слова:** личные права, свободы, полиция, гражданское общество, правозащитное взаимодействие.

Исследование объекта правозащитного взаимодействия полиции и гражданского общества в иллюстративных задачах осуществлено на примере группы личных прав и свобод человека и гражданина.

Личные права и свободы неоднократно рассматривались в юридической науке в аспектах истории [1, с. 67-73], общих вопросов [2, с. 32-33; 3], проблем реализации [4], ограничения [5, с. 211-215], обеспечения [6, с. 53-56], и др. [7].

В качестве гарантий «не последнее место в их реализации играют органы внутренних дел, у которых первоочередная задача – это обеспечение неимущественных прав и интересов граждан и, прежде всего, безопасности личности» [8, с. 43-45].

Исходя из данных доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, сами граждане высоко оценивают отдельные личные права в числе иных субъективных прав<sup>1</sup>.

Цель исследования состоит в рассмотрении отдельных личных прав и свобод граждан в контексте специфики их реализации во взаимодействии полиции и гражданского общества.

Первооснову правового статуса человека составляет право на жизнь. Полиция в соответствии с правовыми основами своей деятельности «... предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности» (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»<sup>2</sup>).

Специфика защиты полицией права на жизнь конкретизирована и рядом иных законодательных актов<sup>3</sup>. Прежде всего такая защита связана с полицейским противодействием угрозам человеческой жизни и уголовным преследованием за ее незаконное лишение. В связи с защитой права на жизнь полиция ограничена в применении огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы.

Взаимодействуя с гражданским обществом в сфере защиты права на жизнь, полиция проводит совместные мероприятия. Контроль (прежде всего со стороны СМИ) за ходом расследования дел, связанных с лишением жизни

---

<sup>1</sup> Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. 2020, 14 апреля.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2021. № 1 (часть I). Ст. 4.

<sup>3</sup> См.: федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4153; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 1 (часть I). Ст. 82 и др.

также считаем типовым примером взаимодействия институтов гражданского общества и полиции.

Построение гражданского общества, в котором права и свободы человека могут быть в полной мере реализованы, – важная цель, стоящая перед всеми гражданами, государством и его институтами, местным самоуправлением, а идея гуманизма и человекоцентризма выводит на первый план идеи о достоинстве человека как объекта правовой защиты.

Право на свободу и личную неприкосновенность означает свободу располагать собой, своим временем, самостоятельность поступков.

В рамках взаимодействия полиции с институтами гражданского общества важно рассмотреть право осужденных к лишению свободы на неприкосновенность. Доктринально, «Ю.В. Введенский определяет это право как соблюдение компетентными лицами уголовно-процессуальных правил, которые призваны ограничить произвол при привлечении лица к уголовной ответственности. Суть такой позиции выстроена так, что человек нуждается в правовой защите своей личности не только, когда совершит или уже подозревается в преступлении, но и в процессе своей бытовой деятельности. В указанном случае неприкосновенность личности принято понимать как защиту человека от любых посягательств на его свободу. В свою очередь, К.Б. Толкачев, изучая данный институт, рассматривает его как систему всех личных прав и свобод, доказывая, что, так или иначе они закрепляют неприкосновенность разнообразных сфер личной свободы и их можно рассматривать в качестве составляющих права на неприкосновенность личности» [9, с. 50].

Мы солидарны с высказанными позициями, интерпретирующими в широком смысле право на неприкосновенность.

Отметим, что в силу правозащитной телеологии деятельности полиции она очевидно реализует заявленный функционал. Вместе с тем именно правоохранительными органами нарушаются личные права человека и гражданина по сравнению с иными разновидностями субъективных прав.

«Уголовный процесс, допускающий меры принуждения к человеку (обыск, освидетельствование, привод на допрос и т.д.), в том числе связанные с проникновением помимо его воли в частную жизнь, применением изоляции от общества еще до установления его вины, вынесением приговора вплоть до пожизненного заключения, круто меняющего его судьбу, постоянно нуждается в совершенствовании своей правовой «оснастки» и в применении новых технологий и процедур, исходя из меняющихся реалий.

Статистика указывает на рост обращений в защиту прав людей, которые оказались вовлечены в расследование уголовного дела или судебный процесс, поступивших в адрес Уполномоченного в 2019 г. По сравнению с 2018 г. было получено на 9 %, количественно – 12 168»<sup>1</sup>.

Уважение к частной жизни есть один из аспектов индивидуальной свободы [10, с. 7; 11, с. 32-36]. На конституционном уровне это право на неприкосновенность частной и семейной жизни, на личную и семейную тайну (ст. 23).

В деятельности полиции тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений является проблемой в связи с осуществлением оперативно-розыскной деятельности [10, 12, 13]. Взаимодействие с институтами гражданского общества в защите рассматриваемого права затруднено негласным характером оперативно-розыскных мероприятий [14, с. 124]. В истории России данная проблема впервые на законодательном уровне была решена только в 1995 г.

Вообще достаточно сложно «обеспечить надежную защищенность личности в процессе оперативно-розыскной деятельности» [14, с. 124] в силу двойственной природы последней.

При этом невозможно разрешить противоречие, имеющееся между потребностями оперативно-розыскной практики и формой ее правового регулирования, оставаясь на позиции слепой защиты ведомственных интересов, то есть, по сути, топчась на одном месте. По мнению А.Ю. Шумилова, «снять данное противоречие корректно, на научной основе можно, только изменив существующую парадигму оперативно-розыскной деятельности, признав тем самым достаточно новую в России правовую реальность – уголовно-розыскное право» [13, с. 5]. В защите указанного права особенно важно взаимодействие полиции с адвокатурой, представляющей гражданское общество.

Право на неприкосновенность жилища является логическим продолжением неприкосновенности личности и частной жизни человека и гражданина. «Оно означает, что никто не может без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц. Неприкосновенность жилища нельзя считать абсолютной – во всех странах это право сопровождается ограничительными оговорками [15; с. 131-133].

---

<sup>1</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2019> (дата обращения 11.02.2021 г.)

Для установления сущности права на неприкосновенность жилища существенную роль играет понимание жилища, данное в ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации<sup>1</sup>, а также конкретизированное Конституционным Судом Российской Федерации. Он, сформулировав правовую позицию, согласно которой неприкосновенность жилища не исключает гарантии неприкосновенности в отношении, например, хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуальных домов» [16, с. 21-24].

Проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), допускается в случаях, предусмотренных ст. 15 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Прежде всего основанием для таких действий сотрудников полиции может быть необходимость спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях. И. Соловьев «в связи с этим высказывает сомнение в целесообразности законодательного положения, разрешающего несанкционированно проникать в жилище полицейским в случае массовых беспорядков и стихийных бедствий. «Вроде бы все правильно, но кто определяет, что начались беспорядки или чрезвычайная ситуация?» [17]. Ученый предлагает обязать полицию действовать таким нестандартным образом лишь после объявления властями соответствующих состояний.

Основанием для несанкционированного проникновения в жилище сотрудников полиции является также необходимость задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Закон допускает несанкционированное проникновение в жилище для пресечения преступления.

И последним основанием для несанкционированного проникновения в жилище сотрудников полиции является установление обстоятельств несчастного случая. Достаточными данными, свидетельствующими о

---

<sup>1</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 06.02.2020 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14; Российская газета. 2020, 10 февраля.

наличии непосредственной угрозы жизни человека, могут служить, например, крики о помощи, стоны, доносящиеся из квартиры, демонстративная попытка какого-либо лица отравиться бытовым газом или совершить самоубийство иным общеопасным способом.

В юридической литературе обращается внимание на то, что, помимо перечисленных оснований для проникновения полиции в жилище без согласия проживающих в нем лиц, есть нормы федерального закона «О полиции», закрепляющие некоторые полномочия полиции. Они сформулированы таким образом, что, хотя их реализация со всей очевидностью предполагает проникновение сотрудников полиции в жилые и иные помещения, в самом Законе об этом ничего не говорится» [16, с. 21-24]. Например, п. 22 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ уполномочивает сотрудников полиции «проводить проверки мест... хранения оружия». «Такие проверки, если иметь в виду граждан – владельцев огнестрельного охотничьего оружия, по мнению Ю.П. Соловья, невозможно провести без осмотра названных мест, а значит, и вхождения в жилище, где и должно храниться указанное оружие.

Решением Верховного Суда РФ проникновение сотрудников полиции в жилище при проверке условий хранения оружия было признано законным» [18, с. 17-25].

При проникновении в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями, сотрудник полиции вправе при необходимости произвести взлом (разрушение) запирающих устройств, элементов и конструкций, препятствующих проникновению в указанные помещения и на указанные земельные участки и территории, и осмотр находящихся там объектов и транспортных средств [16, с. 21-24].

Резюмируя приведенные основания ограничения права на неприкосновенность жилища, хотелось бы отметить необходимость включения в процесс представителей общественности. Полагаем, данный формат также можно рассматривать в аспекте привлечения ОНК для реализации контрольных действий.

«Право на свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства также выступает объектом правозащитного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, которые могут проводить совместно информационно-просветительскую работу по проблемам института регистрации. Возможно и более широкое привлечение общественных организаций к подготовке памяток для граждан в которых

будут разъяснены их права, связанные со свободой передвижения» [19, с. 46-51].

Одной из фундаментальных личных свобод является свобода совести. В защите указанной свободы полиция взаимодействует как с собственно религиозными объединениями, так и с общественными правозащитными организациями.

Подводя итоги исследования, отметим, что объектом правозащитного взаимодействия полиции и гражданского общества выступают субъективные права и свободы человека и гражданина.

К систематизированным и поименованным объективным основаниям правозащитного взаимодействия полиции и гражданского общества нами отнесены: функционально-ценностная предназначенность; законодательно-целевая синхронизация принципов деятельности полиции и общественных объединений и организаций; диспаративно-противоправные явления в сфере прав человека; структурно-гуманитарная специализация гражданского общества.

Метод классификации нами применен при характеристике видов правозащитного взаимодействия полиции и гражданского общества с учетом ряда устоявшихся критериев.

Исходя из:

- статуса регулирующего правового акта данное взаимодействие может быть конституционным, законодательным и подзаконным;
- определенности предписаний – императивным и диспозитивным;
- характера взаимодействия – постоянным, временным и ситуативным;
- специализации институтов гражданского общества – консультативно-ориентирующим, контрольно-корректирующим, информационно-осведомительным.

### **Список литературы**

1. Гребенкин А.Н. Право на свободу и личную неприкосновенность в законодательстве XIII-XVIII вв. // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 8(12). С. 67-73.
2. Бозоров У. Личные права и свободы человека и гражданина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2015. № 6(45). С. 32-33.
3. Гулиев В.Е. Социалистическая демократия и личные права. М.: Юрид. лит., 1984. 190 с.

4. Марков В.П. Проблема реализации личных прав граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Самара: НТЦ, 2004. 191 с.
5. Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые принципы как гарантия законности ограничения личных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 211-215.
6. Батурин С.С. Конституция как гарант права на личную неприкосновенность и свободу передвижения при раскрытии преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 3. С. 53-56.
7. Босхомджиева Г.Г. Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 22 с.
8. Бабурина Н.П. Роль внутренних органов в обеспечении личных прав и свобод человека // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Т. 2. № 5. С. 43-45.
9. Мнацакянц Э.Г. Проблемы реализации и обеспечение личных прав осужденных к лишению свободы // Государство и право в XXI веке. 2015. № 1. С. 49-53.
10. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. 312 с.
11. Хужокова И.М. Право на неприкосновенность частной жизни в системе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 32-36.
12. Субботина И.Г. Нравственные аспекты вмешательства в частную жизнь граждан // Доступ граждан к правовой информации и защита неприкосновенности частной жизни: Материалы международного «круглого стола», 31 мая – 02 июня 1999 г. / отв. ред. И.В. Смолькова, д.ю.н., проф. Иркутск: Изд-во ИГЗА, 2000.
13. Шумилов А.Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России: Монография. М., 1997. 229 с.
14. Казак А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1997.
15. Ростовщиков И.В. Права личности в России. Их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. 188 с.
16. Нудненко Л.А. Роль полиции в соблюдении права личности на неприкосновенность жилища // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 21-24.
17. Фалалеев М. День закрытых дверей // Российская газета. 2013, 22 января.

18. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции» // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 17-25.

19. Андрейцо С.Ю., Соболева М.М. Защита личных прав иностранных граждан институтами гражданского общества // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 2. С. 46-51.

**Стус Нина Владимировна,**  
профессор кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук  
(Краснодар, Россия)

**Петербургский Андрей Павлович,**  
аспирант кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»  
(Москва, Россия)

## **ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РАСШИРЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ**

**Аннотация.** В работе представлены авторские аргументы в пользу расширения линейки объектов судебного конституционного контроля в части включения в них постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Авторский тезис обоснован совокупностью доктринальных и прикладных позиций.

**Ключевые слова:** постановление, суд, контроль, судебный контроль, конституционный контроль.

Анализ научной литературы позволил выявить еще один возможный объект судебного конституционного контроля – Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, Е.В. Рябцева в своем исследовании, посвященном вопросам взаимодействия высших судебных органов Российской Федерации, обращает внимание на то, что Конституционный Суд «по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность не только законов, но и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющих нормы обжалуемого закона» [1, с. 39-44]. При этом автор

уточняет, что в период с 2009 по 2021 годы Конституционным Судом России «было рассмотрено девять жалоб на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» [1, с. 39-44]. По нашим подсчетам, если учитывать не только жалобы о «непосредственном нарушении» конституционных прав и свобод личности положениями постановлений Пленума Верховного Суда, но и иные, где указанные положения обжалуются наряду с законодательными нормами (в дополнение), то таких обращений было в разы больше. В частности, двадцать четыре – только за прошедший период 2022 года<sup>1</sup>.

Однако в буквальном толковании с утверждением Е.В. Рябцевой сложно согласиться. Дело в том, что все имеющиеся в официальном доступе решения Конституционного Суда по рассматриваемому вопросу имеют статус определения, то есть в каждом из них Суд отказал заявителю в принятии и рассмотрении его жалобы. Причем еще в 2018 году Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой «постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, как акты толкования закона, в силу статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и пункта 3 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не могут выступать самостоятельным предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации»<sup>2</sup>. В последующих решениях исследуемой направленности Суд неоднократно ссылался на указанное и иные решения, включающие аналогичную формулировку в мотивировочной части<sup>3</sup>. Хотя в отдельных решениях Конституционный Суд все же отмечает,

---

<sup>1</sup> Решения Конституционного Суда РФ // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 05.11.2022 г.).

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плотникова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктами 20 и 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре»» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision315989.pdf> (дата обращения 05.11.2022).

<sup>3</sup> См., например: определения Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Киселевой Натальи Леонидовны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 года № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision315989.pdf>; от 23 июля 2020 г. № 1885-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шемякина Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о

что в силу ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» такие акты – Постановления Пленума Верховного Суда России – «подлежат учету при принятии им решения по делу»<sup>1</sup>.

Между тем, по нашему мнению, Конституционным Судом все же предпринимались шаги по правовой оценке содержания Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в первую очередь, до принятия вышеуказанного определения от 25 января 2018 года № 224-О. Так, к примеру, в своем Определении от 26 октября 2017 года № 2382-О, давая оценку конституционности п. 1 ст. 1155 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте предмета жалобы, Суд также отмечает, что «применяемый судами во взаимосвязи с разъяснениями, содержащимися в пункте 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании», он также не может рассматриваться как нарушающий конституционные права заявительницы»<sup>2</sup>. Помимо указанного, Конституционный Суд в своих решениях до 2018 года ассоциировал содержание рассматриваемых постановлений Пленума с «правоприменительной практикой»<sup>3</sup>, а впоследствии уже придал им статус

---

преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489470.pdf>; от 21 июля 2022 г. № 2096-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронцова Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision630466.pdf> (дата обращения 05.11.2022) и др.

<sup>1</sup> См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукичева Олега Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 59 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также пунктом 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision641259.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2382-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коваленко Ольги Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1153 и пунктом 1 статьи 1155 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также подпунктом «б» пункта 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании»» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision300351.pdf> (дата обращения 05.11.2022).

<sup>3</sup> См., например: определения Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 2781-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мерзликина Руслана Николаевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью пятой статьи 3177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 24 постановления Пленума

«актов толкования закона». Таким образом, фактически Конституционный Суд все же осуществлял косвенный конституционный (судебный) контроль в отношении постановлений Пленума Верховного Суда, причем в своей (действующей) правовой позиции, по сути, основывается только на формально-юридическом критерии – не закреплённости указанного вида актов (Верховного Суда России) в перечнях объектов конституционного контроля, имеющих открытый характер, приведенных в Конституции Российской Федерации (ст. 125), а также – в более расширенном формате – в нормах Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 3).

В свою очередь в научной литературе Постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации придается особое юридическое, в том числе правозащитное значение. Последнее в своем исследовании, а также главную роль в судебной практике подчеркивает Г.С. Азнагулов, рассматривая указанные постановления как форму отражения разъяснений высших судебных органов [2, с. 52-56]. Также в юридической литературе отмечается, что, «с одной стороны, разъяснения Пленумов часто используются при разработке законопроектов, с другой – они обязательны для применения вне зависимости от того, нашли ли закрепление в законе» [1, с. 39-44]. Ассоциируется содержание постановлений Пленума и с такой категорией, как «правовая позиция суда», под которой, к примеру, Н.А. Власенко предлагает понимать «акт, представляющий собой текст, в котором системно изложены выводы судебной инстанции или конкретного судьи относительно применения той или иной юридической нормы (норм)» [1, с. 39-44]. Думается, будучи облеченной в юридическую форму постановления (Пленума Верховного Суда России), такая правовая позиция может быть соотнесена с содержанием общеправовой категории ненормативного правового акта, а последняя уже отнесена к объектам судебного конституционного контроля. Перспективность такого подхода подтверждается и тем, что, несмотря на устойчивую «отказную» правовую позицию Конституционного Суда, подача жалоб на нарушение конституционных прав и свобод личности (в том числе) положениями постановлений Пленума Верховного Суда не прекращается, о чем свидетельствуют результаты анализа предметных решений Конституционного Суда России, принятых в период с 1998 по 2022 годы.

---

Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision259459.pdf> (дата обращения: 05.11.2022).

Соответственно, данный вид актов является «востребованным» у граждан, защищающих свои права и свободы в порядке конституционного судопроизводства.

С учетом изложенного видится обоснованным предложение о расширении перечня объектов судебного конституционного контроля – посредством включения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в состав таких объектов, закрепленных в ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В дополнение уточним, что реализация указанного предложения также позволит расширить спектр субъектов, инициирующих судебно-контрольную процедуру, к которым можно будет отнести, помимо граждан, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, отдельных судей. Последние при формировании своей позиции по делу с целью принятия правосудного решения, обосновывая первую посредством истолкования нормы закона с опорой на официальные разъяснения Пленума Верховного Суда, изложенные в его постановлениях, смогут инициировать судебно-контрольное производство и в отношении указных постановлений при наличии сомнений в их конституционности.

#### **Список литературы**

1. Рябцева Е.В. Взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации как высших органов судебной власти в РФ // Российский судья. 2022. № 6. С. 39-44.
2. Азнагулов Г.С. Прецедентный характер решений высших судебных органов в России // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 6. С. 52-56.

**Безуглая Анна Артуровна**

доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

**Аль Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер,**

магистрант группы 01002112  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Ирак)

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК «ЧАСТЬ» ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**Аннотация.** В статье на основе анализа легальных и доктринальных источников был проведен анализ места и роли международного договора в правовой системе Российской Федерации. Отмечено, что конституционное установление международных договоров в качестве части правовой системы России – не только «реверанс» международному сообществу, но и формализация курса нашего государства на развитие правовых институтов по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Подчеркнуто, что закрепление эвентуального приоритета международных договоров над законами нивелировано конкретизирующими ч. 4 ст. 15 Конституции России нормами ст. 79 и ч. 5.1 ст. 125 и соответствующими правовыми актами. Сформулирован вывод о том, что конституционные поправки 2020 г., касающиеся международного договора в правовой системе Российской Федерации, были направлены, прежде всего, на укрепление государственного суверенитета и соответственного института конституционного строя, а не на «расшатывание» и без того «худого мира».

**Ключевые слова:** конституция, международный договор, ратификация, правовая система России, международные обязательства.

Современные глобализационные, интеграционные и политические процессы, затрагивающие мировое сообщество, обусловили активный научный интерес по исследованию вопросов места и роли международных договоров в национальной правовой системе. Данная проблема в последние годы, как в прочем и в последние десятилетия, активно разрабатывается научным сообществом [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Экстраполируя протекающие в

мире процессы на российскую плоскость, остро встает вопрос о значимости международных договоров, которые конституционно включены (ч. 4 ст. 15 Конституции России) в правовую систему нашего государства.

Устанавливая «приоритет» международных договоров (в случае их содержательной конфронтации / расхождения с «законами»), Конституция России, «как будто», ставит под сомнение свою статусность. Нивелирование такой неопределенности «для общественности» было осуществлено в ходе конституционного поправочного процесса 2020 г., посредством изменения положений ст. 79 и дополнений ст. 125 частью 5.1. Базового закона. Следует отметить, что внесенные поправки в обозначенные конституционные нормы не стали «открытием» для российского законодательства [9]. Свидетельством этому является и ряд актов, конкретизирующих ч. 4 ст. 15 Конституции.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [10] (это подтверждается и положениями ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [11]) установлено, что официально опубликованные международные договоры и не требующие принятия соответствующих внутренних актов являются обязательными. При этом уточнено, что «К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств». В данной связи закономерен вывод о том, что в случае противоречия между положениями договора и закона требуется согласие на его применение. Такое согласие может быть «дано» исключительно посредством принятия соответствующего федерального закона. Исходя из этого следует вывод, что только ратификация международного договора, отражающая императивность согласия по выполнению обязательств, позволит установить приоритет договора над законодательными актами, но не над конституционными положениями [2, ст. 143].

Среди прочих актов, раскрывающих содержательные особенности применения международных договоров, Постановление Конституционного Суда России от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» [12],

подтверждающий и дополняющий положения отраженного ранее Постановления Пленума Верховного Суда России. Так, Конституционный Суд еще раз уточнил, что только посредством реализованной со стороны России процедуры ратификации международный договор может быть включен в ее правовую систему (а как известно, данная процедура осуществляется органами государственной власти). Как справедливо отмечает Е.В. Виноградова, «Конституционный Суд РФ закрепил в своём решении важный критерий допустимости применения норм международного права, согласно которому правила международного договора, если они противоречат положениям Конституции РФ, не могут применяться» [13, с. 16].

Основываясь на анализе приведенных правовых актов, заключим, что конституционная формализация международного договора как части правовой системы не закрепляет его «силу» над всеми российскими законами. Исключение из этого «конституционного правила» составляют Базовый закон нашего государства и ратифицированные международные договоры.

Обобщая вышеизложенное, позволим себе сформулировать и отразить полученные в ходе проведенного исследования результаты. Во-первых, конституционное установление в ч. 4 ст. 15 по поводу рассмотрения международных договоров в качестве части правовой системы России – не только «реверанс» международному сообществу (ратующему за демократические, «либеральные (иногда чрезмерно политизированные, как это было с рассмотрением ЕСПЧ дела «Федотова и другие против России» [14; 2, с. 145-146])» и правовые ценности), но и формализация курса нашего государства на развитие институтов по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Во-вторых, закрепление эвентуального приоритета международных договоров над законами нивелировано конкретизирующими ч. 4 ст. 15 Конституции России нормами ст. 79 и ч. 5.1 ст. 125 и соответствующими правовыми актами (Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации, регулирующий, в том числе, все процедурные аспекты «обязательности применения международных договоров»). В-третьих, внесенные в 2020 г. поправки, касающиеся предмета данного исследования, как представляется, были направлены на укрепление государственного суверенитета, а как следствие – и конституционного строя, а не на «расшатывание» и без того «худого мира».

### Список литературы

1. Богатырев В.В., Каламкарян Р.А. Имплементация международного права во внутригосударственный правовой порядок России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 179-183.
2. Тамазова А.Д. К вопросу о соотношении международных и национальных норм // Общество и право. 2021. № 3 (77). С. 142-148.
3. Блищенко И.П. Действие международного договора на территории СССР // Правоведение. 1986. № 6.
4. Суворова В.Я. Реализация норм международного права. Екатеринбург, 1992.
5. Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28. № 4. С. 105-113.
6. Авакьян С.А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28. № 4. С. 43-48.
7. Автономов А.С. Временное исполнение международных договоров в свете российского конституционного правосудия // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 84-96.
8. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 6-12.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/637325/> (дата обращения: 06.11.2022).
10. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_44722/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/) (дата обращения: 06.11.2022).

11. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/407674/> (дата обращения: 06.11.2022).
13. Виноградова Е.В. Международные договоры в модели современного российского конституционализма // Право и современные государства. 2020. № 1. С. 13-20.
14. Постановление ЕСПЧ от 13 июля 2021 г. по делу «Федотова и другие (Fedotova and Others) против Российской Федерации». URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211016> (дата обращения: 06.11.2022).

**Гелуненко Валерия Вадимовна,**  
ассистент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ: ДОГАДКИ ОБ УПРАЗДНЕНИИ ПУБЛИЧНОСТИ**

**Аннотация.** Статья посвящена реформированному в 2020 году институту особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации. В результате исследования автором сделан вывод, что причиной преобразования института может выступать зарубежный опыт, непринятие данного института, единообразие во всех видах судопроизводства.

**Ключевые слова:** конституция; особое мнение судьи, мнение судьи; Конституционный Суд; конституционное судопроизводство; конституционная реформа

Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации всегда вызывает определённое доктринальное вдохновение, интерес, а в некоторых случаях категорическое непринятие. Последнее выражается в том, что данный институт хотя и не является новым для современного Российского государства, но до сих пор сохраняет незавершённую дискуссию. Тем не менее, пока в науке велась полемика по

поводу «за» и «против» этого института законодатель внес свои коррективы и принял одну из сторон.

В 2020 году была проведена масштабная конституционная реформа, которая, помимо прочего, затронула и Конституционный Суд Российской Федерации. В результате чего, были внесены существенные изменения в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Данные изменения, в том числе, преобразовали, институт особого мнения судьи Конституционного Суда. Согласно поправкам, судья отныне «не вправе обнародовать особое мнение и публично на него ссылаться. Особое мнение судьи приобщается к протоколу заседания Конституционного Суда Российской Федерации и хранится вместе с ним». Также судья не вправе обсуждать вопросы, которые могут стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде или уже приняты к рассмотрению, а также запрещается любая критика решений. Данные преобразования полностью не упразднили особое мнение, при этом в значительной степени ограничили любые формы публичности.

Следует упомянуть, что это не первые изменения, которые были введены в отношении данного института:

1994 г. – «обязательная публикация мнения (совпадающего) судьи в «Вестнике конституционного Суда Российской Федерации» (официальное издание Конституционного Суда). Данное требование было введено, чтобы избежать ситуаций, когда мнение судьи публиковалось раньше, чем решение самого суда; 1995 г. - предоставление особого мнения не позднее 14 дней со дня провозглашения решения; 2001 г. - публикация особого мнения в «Вестнике конституционного Суда Российской Федерации»; 2004 г. - предъявляются требования к содержанию особых мнений»[1, с.133] «не должны высказываться суждения и оценки, не относящиеся непосредственно к вопросу о конституционности или неконституционности рассматривавшихся положений нормативного правового акта либо их конституционно-правовому истолкованию»[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что постепенно на законодательном уровне увеличивались требования к особому мнению судьи, и завершилось все отменой его публичности. По всей вероятности, на последнее повлияло несколько факторов, одним из них, следует выделить единообразие. Потому как в иных видах судопроизводства административном (ст. 30 КАС), арбитражном (167 АПК), гражданском (ст. 194 ГПК) и уголовном (ст. 301 УПК) особое мнение судьи приобщается к принятому решению и не подлежит публичному разглашению. При этом участники процесса вправе знакомиться с особым мнением судьи. Что же

касается конституционного судопроизводства, то с принятыми изменениями в 2020 году, даже участники конституционного процесса теперь не могут знакомиться с особым мнением судьи.

Второй фактор, на который часто ссылается российский законодатель, связан с зарубежным опытом. Так в Австрии, Бельгии, Италии, Люксембурге, Франции у судей отсутствует право на публичное особое мнение. При том, что «за последние 50 лет в мире наоборот наметилась тенденция к расширению открытости судебной системы, демократизации, а значит, распространению индивидуального мнения судьи» [3, с. 85]. При этом обращаясь к собственному опыту, отметим, что даже в Комитете конституционного надзора СССР судья имел реальное право на особое мнение, о чем свидетельствуют три вынесенных особых мнения. В этой связи возникает вопрос, зачем использовать зарубежный опыт, если есть собственный. Возможно, это связано с непринятием института особого мнения судьи Конституционного Суда. Поскольку доступные и отличные от решения Конституционного Суда мнения, могли снижать доверие к решениям власти, пошатнуть авторитет Конституционного Суда, нарушить тайну совещательной комнаты.

Однако, как мы полагаем особое мнение не должно связываться с критикой суда, государственной власти в целом. Наоборот, одной из целей особого мнения выступает демонстрация авторитета, как суда, так и отдельного судьи за счет открытой дискуссии. Это попытка продемонстрировать, что нормы конституции действуют, что, несмотря на свой статус, судья вправе выражать свое мнение и вправе рассчитывать на плюрализм мнений. Тем более что публичное мнение судьи соотносилось и с принципами конституционного судопроизводства, такими как независимость, гласность, и с принципами статуса судей - равенством прав, независимостью, политической нейтральностью судей. Что подтверждается мнением самого суда «право судьи на особое мнение (мнение) выступает процессуальной гарантией принципа его независимости, закреплённого в статье 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 76 и 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и ряда статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года N 1248-О» // URL. Сайт. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision451456.pdf>

Более того, публичность института особого мнения представляла собой позитивное явление для науки. Как отмечал Н.В. Витрук судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор НИУ «БелГУ» автор 34 особых мнений: «особое мнение судей Конституционного Суда Российской Федерации представляет интерес для развития теории конституционализма и юридической науки в целом, способствует нестандартному мышлению судей» [4, с. 439].

Действительно, анализируя особые мнения судей Конституционного Суда, необходимо отметить, что, во-первых, они помогали понять суть, некогда очень сложных к пониманию решений Конституционного Суда. Во-вторых, они включали новые определения, гипотезы, теории, могли рассматривать доктринальные предложения ученых. Так «автор особого мнения мог отыскать малоизвестные или забытые доктринальные положения, которые, могли быть подходящими для возражений по рассмотренному судом делу» [5, с. 174]. Не редко авторы особых мнений ссылались на отечественных или зарубежных ученых. С помощью особых мнений в науке могла быть поставлена новая научная проблема, которая в будущем, как нам видится, могла получить диссертационную огранку. Именно таким образом и происходило взаимодействие науки и практики.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, с начала существования Конституционного Суда на законодательном уровне усиливались требования в отношении особых мнений, что на данный момент завершилось отменой их публичности. Данное на наш взгляд существенно повлияет на дальнейшее взаимодействие юридической науки и практики, ее развитие, о чем мы уже рассуждали. Во-вторых, причиной реформирования рассматриваемого института может выступать зарубежный опыт, непринятие данного института, единообразие во всех видах судопроизводства. Так в административном, арбитражном, гражданском уголовном судопроизводстве не предусматривается обнародование особого мнения судьи.

Завершая, отметим, что обычно, подводя итоги, авторы совместно с выводами излагают свои предложения по усовершенствованию конкретного вопроса. Завершая же нашу работу, нет оснований рассчитывать на скорое возрождение былого формата особого мнения судьи Конституционного Суда, остается только ждать, когда тенденция к публичности особого мнения вернется в закон.

### Список литературы

1. Кряжкова О.Н. Три причины отменить запрет на публикацию особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный вестник. 2021. №6 (24). С. 128-138.
2. Ултургашев П.Ю. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые аспекты регулирования // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4. С. 19-22.
3. Дриго Е.В. Институт особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации: регулирование и практика применения // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 79-93.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие / Н.В. Витрук. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М. 2010. 591 с.
5. Карпенко К. В. Особое мнение в конституционном правосудии и развитие юридической науки // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 167-182.

**Емельянов Алексей Сергеевич,**

доцент кафедры теории и истории государства и права  
Юго-Западного государственного университета  
(Курск, Россия)

### УЧЕНИЕ Д.И. МЕЙЕРА О ПРАВОВЫХ ПРИВИЛЕГИЯХ

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию взглядов Дмитрия Иосифовича Мейера (1819-1856) – известного российского правоведа, профессора Казанского, а позднее Санкт-Петербургского университета и на институт привилегий.

**Ключевые слова:** Мейер Д.И., учение, привилегии, иммунитеты, преимущества, власть, классификация.

Вопросы юридического равенства волнуют юридическую науку со времени ее зарождения. Исключения из принципа юридического равенства обозначаются различными терминами: «преимущество», «преференция», «льгота», «привилегия», «иммунитет» и др. В современной науке самой дискуссионной является понятие «правовая привилегия».

Теме «правовых привилегий» посвящено немало исследований [2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11 и др.], но общепринятой позиции пока достигнуть не удалось.

Нельзя не согласиться с Н.В. Витруком, что на всех этапах исторического развития всегда были «права-привилегии для ограниченного круга людей» [1, с. 27]. Осмысление эволюции привилегированного статуса в законодательстве и постепенного закрепления принципа всеобщего юридического равенства позволяет выявлять закономерности генезиса института прав человека и тенденции его дальнейшего развития.

Анализ понятия «правовая привилегия» невозможен без осмысления историографии проблемы. В дореволюционной науке значительный вклад в определение правовых привилегий внес Дмитрий Иосифович Мейер (1819-1856), которого с полным правом можно назвать одним из основоположников отечественной науки гражданского права. Несмотря на то, что Мейер писал в период существования сословной структуры общества, отражавшейся на правах человека, носивших корпоративный (или сословный) характер, его исследование представляет несомненный теоретический интерес. Именно он был одним из первых русских правоведов, открыто выступавших против сословного деления общества и правового неравенства.

Правовую привилегию Мейер определял, как «право, предоставленное отдельному лицу, как изъятие из общего закона, установленное в его пользу по исключению» [6]. Главной характеристикой привилегии он считал исключительность. «Есть много прав, - писал он, - которые принадлежат не всем членам государственного союза, а только тем из них, которые находятся в тех или других условиях, под которыми предоставляются права; но все лица, находящиеся в назначенных условиях, пользуются этими правами. Они называются правами особенными. Но привилегия есть именно исключение из общего закона, и, предоставленная одному лицу, она может быть не предоставлена другому, хотя бы обстоятельства, в которых находятся оба лица, и были совершенно сходными» [6].

Это определение базировалось на статье 71 Свода основных государственных законов Российской Империи, гласившей: «Привилегии, дарованные верховной самодержавной властью частному лицу или обществу, изъедают их от действия общих законов по тем предметам, по которым в этой привилегии содержатся точные определения». Исходя из этого, реализация привилегии определялась содержанием закона о преимуществах.

Д.И. Мейер предложил оригинальную классификацию привилегий.

В зависимости от возможности совершения действий он выделил положительные и отрицательные привилегии. Первые дают исключительные права на совершение действий, не допускаемых общим законом, а вторые, напротив, предоставляют право на воздержание от действий, требуемых

законом. В зависимости от круга лиц, на которых распространяются правовые привилегии, они могут быть исключительными и неисключительными. Исключительные даются отдельным лицам, а неисключительные определенной группе. Мейер пришел к интересному заключению, что «привилегии отрицательные редко бывают исключительными» [6].

По средствам получения ученый делил привилегии на: возмездные и безвозмездные. Он писал: «этому делению привилегий представляется в нашем законодательстве то основание, что при даровании иных привилегий с привилегированного лица взимаются известные пошлины, например, при даровании привилегии на промышленные изобретения и открытия, а другие предоставляются безвозмездно» [6]. В зависимости от объекта прав выделял реальные (вещные) и личные привилегии. Первые (реальные) связаны с принадлежностью лицу именно какой-либо вещи. Вторые (личные), напротив, не зависят от отношений лица к вещи. При этом личные привилегии в свою очередь делятся на персональные и потомственные: «первые предоставляются только известному лицу; вторые переходят к его потомству по праву законного наследования» [6]. Еще одним критерием классификации правовых привилегий выступал срок их действия. В зависимости от этого они бывают срочные и бессрочные.

Самым оригинальным критерием стал критерий последствий предоставления привилегий, в зависимости от которого они делились на благоприятные, приносящие пользу, и неблагоприятные, приносящие вред. Однако, анализируя этот подход, Мейер отмечал его малую состоятельность.

К способам прекращения привилегий Д.И. Мейер отнес: истечение срока, наступление отменительного условия, новация (появление нового закона о льготе), отказ лица от привилегии, смерть привилегированного лица.

Интересны рассуждения ученого об обоснованности и справедливости привилегий. Будучи сторонником идеи юридического равенства, он отмечал желательность одинакового применения закона ко всем без исключений, а наличие привилегий негативно отражается на общественном быте. «Но юридический закон как нечто общее не имеет возможности обнимать все особенности, встречающиеся в юридическом быту, и как произведение человеческое страдает несовершенством» [6].

Однако Мейер допускал, что привилегия, установленная в интересах отдельных лиц, может иметь общественную пользу. Такой привилегией он считал исключительное право на пользование в течение определённого срока своим изобретением.

В настоящее время выводы Д.И. Мейера не потеряли своей актуальности. Его осмысление темы правовых привилегий позволяет определить их сущность и выявить закономерности их развития.

### Список литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. Москва : Норма, 2008. 447 с.
2. Дибиров М.Г. Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2015. – 228 с.
3. Дюрягин И.Я. Гражданин и закон. М.: Юрид. лит., 1989. 382 с.
4. Малько А.В., Морозова И.С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. № 4. С. 143-156.
5. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Издание 3 (по исправленному и дополненному 8 изданию 1902 года). – Москва: Статут, 2003. 831 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право // <https://civil.consultant.ru/elib/books/45/> (дата обращения: 10.11.2022).
7. Морозова И.С. Льготы в российском праве: Вопросы теории и практики: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Саратов, 1999. 185 с.
8. Провалинский Д.И. Правовые привилегии в современном российском праве // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 154-157.
9. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: диссертация ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2019. 529 с.
10. Сафронова Е.В. Зарождение консульских иммунитетов и привилегий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2015. № 1. С. 140-147.
11. Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2002. 187 с.

**Нгатею Акони Шани Павел**

ассистент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
(Белгород, Россия)

## **К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА**

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав женщин в Африке. Особое внимание уделяется анализу положения Протокола о правах женщин 2003 года.

**Ключевые слова:** защита, конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, дискриминация, гендерное равенство, насилие, права женщин, равноправие, права человека, пол.

Африканская система защиты прав человека и народов продолжает свое формирование [1, 2], в том числе в рамках деятельности межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке [3]. Ее основополагающими документами признаны Африканская Хартия прав человека и народов (26 июня 1981) [4], Африканская Хартия по правам и благополучию ребенка (1 июля 1990) [5]. Применительно к заявленной тематике необходимо отметить роль Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (18 декабря 1979) [6] и Протокол Мапуту о правах женщин Африки к Африканской Хартии прав человека и народов (1 июля 2003) [7].

Во всех международных правозащитных договорах подчеркивается, что права человека применимы к каждому человеку. Помимо международных договоров, региональные договоры также содержат ключевые положения, направленные на поощрение и защиту прав человека, в том, числе и прав женщин. Статья 2 Африканской хартии по правам человека и народов (далее – Африканская хартия, Хартия), например, гласит, что «каждый человек имеет право пользоваться правами и свободами, признаваемыми и гарантируемыми настоящей Хартией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, этнической принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» [4]. Кроме того, в статье 18 того же документа конкретно упоминается обязательство африканских государств «обеспечить ликвидацию любой дискриминации в отношении

женщин и обеспечить защиту прав женщин и детей, как это предусмотрено в международных декларациях и конвенциях» [4].

Однако следует отметить, что положения Африканской хартии подвергались критике за то, что они были сформулированы столь расплывчато, особенно в отношении прав женщин. Хартия толкуется как защищающая обычные и религиозные законы, нарушающие права женщин. Единственное упоминание о правах женщин в Хартии содержится в пункте, касающемся «семьи и уважения к традициям», что отражает основную напряженность, препятствующую реализации прав женщин в Африке. После многочисленных серий консультаций, проведенных на национальном и региональном уровнях между правительственными и гражданскими специалистами, эксперты прав женщин признали эти недостатки и стремились исправить их, приняв дополнительный протокол, посвященный исключительно правам женщин.

В июле 2003 года произошло знаковое событие для Африканского континента: на очередном заседании Африканского союза (АС) был принят Конференцией Африканского Союза Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин, известный как «Протокол Мапуту» [7].

Документ является полезным дополнением к Африканской хартии и безусловно, основными бенефициарами Протокола Мапуту являются женщины и девочки. В отличие от Африканской хартии, которая основана на африканских ценностях, протокол Мапуту рассматривает их как препятствие на пути эмансипации африканских женщин. Протокол Мапуту призван оказать воздействие в социально-культурном контексте, где влияние обычаев и религий чрезвычайно усложняет эффективную защиту прав женщин. Его положения о гражданских и политических правах, физической и психологической неприкосновенности, сексуальном и репродуктивном здоровье, недопущении маргинализации или даже экономической эмансипации символизируют приверженность африканских государств положить конец, насилию и гендерным стереотипам в отношении женщин.

Говоря о Протоколе Мапуту о правах женщин, специальный докладчик Африканской комиссии по правам человека и народов (далее – Африканская комиссия или Комиссия) по вопросу о правах женщин в Африке, Сойата Майга заявляла, что: «принятие Протокола Мапуту стало исключительным историческим моментом для реализации прав африканских женщин. Сегодня этот текст является образцом для подражания и неисчерпаемым источником вдохновения. При условии его ратификации и полного выполнения он

представляет собой реальный инструмент действий в интересах устойчивой трансформации наших обществ»<sup>1</sup>.

Протокол Мапуту обязывает африканские государства гарантировать женщинам их основные права, включая широкий спектр гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав (право на жизнь, неприкосновенность и безопасность личности, запрет дискриминации, право на правосудие, право на участие в государственных делах, право на образование, социальную защиту, право на здоровье, право на продовольственную безопасность, право на достаточное жилище и др.); запрет вредных традиционных обычаев (эксцизия, левират, сорорат, ранние, принудительные браки и др.); обязательство предоставлять особую защиту женщинам в вооруженных конфликтах. Таким образом, Протокол осуждает и запрещает калечащие операции на женских половых органах и провозглашает право на сексуальное самоопределение, укрепляет права женщин в браке и признает равные права женщин и мужчин на владение и приобретение имущества.

Для целей Протокола потребовалось дать определение «дискриминации в отношении женщин». В пункте (е) статьи 1 говорится: «...термин дискриминация в отношении женщин означает любое различие, исключение, разграничение, или дифференцированное обращение, основанные на половых различиях, которые имеют своим результатом или целью ограничить или аннулировать признание, соблюдение или реализацию человеческих прав и фундаментальных свобод женщин во всех сферах жизни».

Протокол также защищает право женщин на продовольственную безопасность, их репродуктивные права и право на адекватное жилище. Женщинам должно быть гарантировано право на доступ к здоровому и адекватному питанию. Именно с учетом этого в соответствии со статьей 15 Протокола государства принимают необходимые меры для обеспечения того, чтобы женщины имели доступ к питьевой воде, бытовым источникам энергии, земле и средствам производства продовольствия, созданию адекватных систем снабжения и хранения, праву на адекватное жилище.

В его 31 статье сформулирован ряд положений о защите конкретных прав женщин и девочек в Африке с учетом социально-культурной среды. Таким образом, Протокол осуждает и запрещает калечащие операции на

---

<sup>1</sup> Международная федерация за права человека (FIDH), «права женщин в Африке: 18 стран до сих пор не ратифицировали протокол Мапуту» от 10 июля 2013 г., (по состоянию на 14.11.2022), <https://www.fidh.org/en/international-advocacy/african-union/13644-women-s-rights-in-africa-18-countries-are-yet-to-ratify-the-maputo>

женских половых органах и провозглашает право на половое самоопределение, укрепляет права женщин в браке и признает равные права женщин и мужчин на владение и приобретение собственности.

Протокол является первым документом по правам человека, в котором четко сформулировано право женщин на аборт при определенных обстоятельствах. Ни в одном другом договоре по правам человека прямо не говорится о праве женщины на аборт. Кроме того, Протокол Мапуту является единственным договором, в котором конкретно рассматриваются права женщин в связи с ВИЧ/СПИДом и определяется защита от ВИЧ/СПИДа как ключевой элемент сексуальных и репродуктивных прав женщин. Действительно, ВИЧ/СПИД прямо не упоминается ни в одном другом международном или региональном договоре по правам человека. Существующие международные стандарты в области прав человека, касающиеся права на равенство, на обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья и жизни, были истолкованы таким образом, чтобы косвенно гарантировать права женщин в отношении ВИЧ/СПИДа.

Помимо обеспечения права женщин на защиту от инфекций, передаваемых половым путем, включая ВИЧ/СПИД, Протокол подтверждает право женщин на получение адекватных медицинских услуг по доступным ценам [7, ст. 14(1)(d), (2)(a)]. В нем также излагается обязанность государства защищать девочек и женщин от практики и ситуаций, повышающих их риск заражения, таких как детские браки, сексуальное насилие во время войны. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), например, признал, что неравенство и дискриминация в отношении девочек и женщин играют важную роль в том, что женщины становятся более уязвимыми к ВИЧ-инфекции, и призвал правительства принять правозащитный подход к ВИЧ/СПИДу<sup>1</sup>.

Следует отметить, что Протокол является первым юридически обязательным документом по правам человека, в котором репродуктивные права женщин четко определены в качестве прав человека и прямо гарантирует право женщины на осуществление контроля над своей фертильностью, что отражено в ст. 14 Протокола, озаглавленной «Здоровье и репродуктивные права» [7]. Протокол Мапуту подтверждает право женщин на репродуктивный выбор и самостоятельность и разъясняет обязанности государств в отношении сексуального и репродуктивного здоровья женщин. Данный документ предоставляет государствам, ратифицировавшим его,

---

<sup>1</sup> См., например, Выводы Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин: Египет, КЛДЖ, 24-я сессия, 492-493-е заседание, пп. 336–337, документ ООН, док. ООН A/56/38 (2001 г.).

всеобъемлющую основу для разработки и принятия передовых стратегий и мер, направленных на предотвращение и борьбу с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Он также налагает ограничения на страны, ратифицировавшие его.

Таким образом, Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке значительно способствует защите прав человека в Африке с тем, чтобы лучше отражать и учитывать опыт женщин. Его важность заключается в том, что он определяет репродуктивные права женщин как права человека, формулирует права женщин в африканском региональном контексте и оказывает юридическое и моральное давление на правительства и политиков, ответственных за его реализацию. Протокол предоставляет огромные возможности правозащитникам прав женщин в Африке и может проложить путь к новой эре в области сексуального и репродуктивного здоровья женщин на всем континенте.

### Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Юбилей африканской системы правам человека и народов // Евразийский юридический журнал. 2012. №2 (45).
2. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Сираба Д., Конева А.Е., Петрова Н.А., Тимашкова Н.Е. Африканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: учеб. пособие / Отв. ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2012.
3. Солнцев А.М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. – М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2013. № 5. С. 48-51.
4. Африканская Хартия прав человека и народов (26 июня 1981г.). URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 15.11.2022).
5. Африканская Хартия по правам и благополучию ребенка (1 июля 1990). URL: [http://www.au.int/en/sites/default/files/Charter\\_En\\_African\\_Charter\\_on\\_the\\_Rights\\_and\\_Welfare\\_of\\_the\\_Child\\_AddisAbaba\\_July1990.pdf](http://www.au.int/en/sites/default/files/Charter_En_African_Charter_on_the_Rights_and_Welfare_of_the_Child_AddisAbaba_July1990.pdf) (дата обращения: 15.11.2022 г.).
6. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (18 декабря 1979) // [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/cedaw.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml)
7. Протокол Мапуту о правах женщин Африки к Африканской Хартии прав человека и народов (1 июля 2003 г.). URL: [http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL\\_AFRICAN\\_CHARTER\\_HUMAN\\_PEOPLES\\_RIGHTS\\_RIGHTS\\_WOMEN\\_AFRICA.pdf](http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL_AFRICAN_CHARTER_HUMAN_PEOPLES_RIGHTS_RIGHTS_WOMEN_AFRICA.pdf) (дата обращения: 15.11.2022).

**Никонова Людмила Ивановна**

доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
кандидат юридических наук, доцент

**Колоскова Дарья Алексеевна**

студентка юридического института НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ**

**Аннотация.** В статье на основе компаративистского исследования текстов конституционных актов государств Западной Европы осуществлена дифференциация западных стран по моделям конституционно-правового оформления воинской обязанности. Сделан вывод, что при наличии в тексте Основного закона конституционной нормы, обязывающей граждан к прохождению военной службы по призыву (не во всех конституциях присутствует), она может иметь как императивный, так и добровольный характер.

**Ключевые слова:** военная служба по призыву, воинская обязанность, конституции зарубежных стран, конституционные модели воинской обязанности, обязанность защищать Родину

В современных условиях обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, возрастания уровня военных и террористических угроз, появления ситуаций, требующих большого количества воинского контингента для участия в выполнении задач в чрезвычайных ситуациях, актуализируется проблематика теоретического осмысления специфики формализации в текстах конституционных актов зарубежных стран обязанностей граждан по защите страны (родины, отчества, конституционных учреждений, демократических свобод и др.).

Е.А. Капитонова, составляя каталог обязанностей граждан в зарубежных странах, отмечает, что обязанность защищать Родину характерна практически для всех текстов зарубежных конституций [1, с. 33]. Подчеркнем, что в неразрывной взаимосвязи с «долгом и обязанностью» граждан по защите Отечества (ч. 1 ст. 59 Конституции РФ 1993 г.) [2] в случае военной угрозы находится военная служба по призыву, относящаяся в российской правовой доктрине к традиционным конституционным

обязанностям граждан по отношению к государству, наряду с такими, как соблюдение конституции и законов, уплата налогов, получение общего основного образования и др. [3, с. 171].

В последние годы в странах Западных Европы наблюдается тенденция к сокращению численности призывников или вообще упразднению призыва граждан на военную службу в мирное время, поэтому анализ конституционных норм, устанавливающих срочную военную службу, позволит выяснить сохранилась ли императивность такой конституционной обязанности для граждан этих государств или она носит диспозитивный, возможно, даже формальный характер.

Проведя сравнительно-правовое исследование, К.И. Слесарский предлагает несколько оснований для классификации моделей правового регулирования воинской обязанности в зарубежных странах: метод отбора при призыве на военную службу (выборочная и всеобщая модели); периоды прохождения обязательной военной службы (регулярная и мобилизационная модели) и гендерная принадлежность субъектов воинской обязанности (традиционная и гендерно-нейтральная модели) [4, с. 12].

Соглашаясь с автором, что «воинская обязанность в каждом государстве имеет обусловленную национальными особенностями специфику регулирования» [5, с. 47], полагаем, следует добавить, что стержневым элементом правового регулирования воинской обязанности выступает его конституционное оформление в тексте Основного закона соответствующей страны. Поскольку именно конституционная норма (если она присутствует) получает конкретизацию и дальнейшее развитие в законодательстве и принимаемых на его основе подзаконных нормативных актах.

Опираясь на результаты проведенного компаративистского исследования текстов конституций государств Западной Европы, можно дифференцировать страны по моделям конституционно-правового оформления воинской обязанности.

Страны, где конституционно установленный срочный призыв на военную службу является императивом для граждан государства, в первую очередь, для граждан мужского пола. Конституционно-императивная (конституционно-обязательная) модель действует в Австрии, Греции, Норвегии, Финляндии, Швейцарии и Швеции.

Согласно ч. 3 ст. 9а Федерального конституционного закона Австрии 1920 г. (в ред. 1929 г.) «каждый австрийский гражданин мужского пола является военнообязанным. Каждый, кто отказывается и освобождается от выполнения воинской обязанности по религиозным мотивам, должен нести

службу, которая заменяет военную...» [6]. Гендерные различия при прохождении воинской службы отсутствуют, но для женщин она носит добровольный характер (ч. 4 ст. 9а).

В Греции обязательный призыв граждан на воинскую службу установлен ч. 6 ст. 4 Конституции Греции 1975 г., где определено, что «каждый грек, способный носить оружие, обязан способствовать обороне Родины, как это определено законом» [7]. Детальная регламентация вопросов обязательного призыва, освобождения граждан от воинской обязанности, сроков прохождения срочной военной службы, возможности права предоставления прохождения альтернативной службы и др. содержится в Законе Греции № 3421/2005 от 12 декабря 2005 г. «Воинская обязанность граждан Греции и другие положения» [5, с. 49].

Прохождение обязательной военной службы в мирное время установлено § 109 Конституции Королевства Норвегии 1814 г., согласно которому, «каждый гражданин государства обязан по общему правилу без различия происхождения и имущественного состояния нести военную службу в течение определенного времени» [8]. Стремясь уравнивать в правах граждан и обеспечить равноправие полов, с 2016 г. в этой стране женщины также подлежат обязательному воинскому призыву. Особенностью законодательного регулирования воинской обязанности в Норвегии является полное освобождение от военной службы по убеждениям (по заявлению) без обязательного прохождения альтернативной службы [5, с. 49].

Еще одна страна Западной Европы, не отказавшаяся от обязательного призыва на воинскую службу, – это Финляндия, закрепившая в ч. 1 § 127 Конституции 1999 г. обязанность каждого гражданина страны участвовать или помогать национальной обороне [9]. Финское законодательство предусматривает возможность замены службы в армии альтернативной службой (ч. 2 § 127), а вот уклонение от призыва влечет за собой уголовную ответственность.

Отдельно следует отметить конституционный опыт оформления воинской повинности в Швейцарии. Часть 1 ст. 59 Конституции Швейцарской конфедерации 1999 г. устанавливает обязанность каждого швейцарца нести военную или гражданскую альтернативную службу [10]. Для женщин военная служба является добровольной (ч. 2 ст. 59). Существенным отличием от других конституций стран Западной Европы является закрепленная в ч. 3 ст. 59 Конституции 1999 г. обязанность призывника платить сбор, если он не хочет нести ни военную, ни заменяющую ее службу. В этом случае в соответствии с положениями федерального законодательства призывник платит налог в пользу

государства в размере 3% от заработной платы. Уплата налога прекращается по достижении призывником возраста 37 лет или же после того, как он все-таки отслужит [11].

В Швеции с 2010 г. по 2017 г. обязательная военная служба по призыву была отменена согласно § 8 Главы 8 Конституции Швеции (Королевства Швеция) Форма правления 1974 г., по которому «Правительство может устанавливать предписания об отсрочке отбывания воинской повинности» [12]. Такая формулировка позволяет сделать вывод, что для граждан Швеции конституционно установлена воинская обязанность, а учитывая, что с 2018 г. Правительство Швеции восстановило всеобщую воинскую повинность, уравнивая в правах женщин и мужчин, она носит сегодня обязательный характер.

Страны, где констатируется возможность прохождения срочной военной службы, но она не является конституционным императивом для граждан, а носит добровольный характер. Конституционно-диспозитивная (конституционно-добровольная) модель действует в Германии, Дании, Испании, Италии и Португалии.

Обязанность немцев проходить службу в вооружённых силах (Бундесвере) закреплена в ч. 1 ст. 12-а Основного закона ФРГ 1949 г., устанавливающей, что «мужчины, достигшие 18-летнего возраста, могут быть обязаны нести службу в вооруженных силах, федеральной пограничной охране или в корпусе гражданской обороны» [13]. Часть 2 этой же статьи допускает возможность прохождения альтернативной службы, по срокам совпадающей с военной, но не связанной «с объединениями вооруженных сил или федеральной пограничной охраны». Полагаем, что выражение «могут быть обязаны» предоставляет возможность выбора немецким гражданам. С 2011 г. в Германии отменена обязательная воинская повинность, но положения статьи 12-а из Основного закона ФРГ не упразднены, что, вероятнее всего, связано с сохранением потенциальной возможности возобновления всеобщей срочной военной службы.

Еще одним государством Западной Европы, конституционно установившим обязательный призыв, но перешедшим на добровольный характер, основанный на использовании случайных методов отбора направляемых на военную службу призывников из их общей массы, является Дания (ст. 81 Конституции Датского королевства 1953 г.) [14].

В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что прохождение альтернативной службы в Датском королевстве по различным основаниям (убеждениям, религиозным мотивам и др.) не представляет

актуальности, учитывая добровольно-выборочный характер воинской повинности, и осуществляется, если возникает такая необходимость, по заявлению призывника.

Часть 1 ст. 30 Конституции Королевства Испании 1978 г. провозглашает «право и обязанность» испанцев защищать Испанию, а ч. 2 содержит положение о законодательном регулировании воинских обязанностей и альтернативной службы [15], но при этом, с 2002 г. в Испании «приостановлена» обязательная воинская повинность, а армия формируется на контрактной основе.

Аналогичная ситуация, когда обязанность защищать Родину зафиксирована в тексте Основного закона, но не является конституционным императивом для граждан, сложилась в Италии (ст. 52 Конституции Итальянской Республики 1947 г.) [16] и Португалии (ст. 276 Конституции Португальской Республики 1976 г.) [17].

К государствам Западной Европы, в тексте конституций которых не установлена ни обязанность граждан по защите Родины, ни обязательный призыв на военную службу в мирное время, следует отнести: Бельгию, Сан-Марино, Францию, Мальту, Исландию и Монако (две последние не имеют вооруженных сил).

В Лихтенштейне обязательная воинская повинность отсутствует, но в ст. 44 Конституции Княжества Лихтенштейн 1921 г. [18] закреплена возможность введения всеобщей мобилизации (вплоть до шестидесятилетнего возраста) на случай военных действий для защиты государства.

Особо следует отметить конституционное законодательство Нидерландов и Ирландии, т.к. право и обязанность по обороне и защите страны возложена на государственные органы. Так, ст. 97 Конституции Королевства Нидерландов в ред. 2008 г. обязывает государство создавать «вооруженные силы для обороны и защиты интересов Королевства, а также для поддержания и продвижения международного правового порядка», а ответственность за их создание и деятельность возлагается на Правительство Нидерландов [19]. В Ирландии п. 1. ч. 6 ст. 15 Конституции Ирландии 1937 г. предоставляет право на создание и содержание вооруженных сил исключительно Парламенту [20].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ текстов конституционных актов стран Западной Европы позволил выделить модели конституционно-правового оформления воинской обязанности в этих государствах. При наличии конституционной нормы, обязывающей граждан

к прохождению военной службы по призыву (не во всех конституциях присутствует), она может носить как императивный, так и добровольный характер. Кроме того, выделены страны, где обязанность по обеспечению безопасности и обороны государства возложена на центральные публичные органы власти, тем самым исключая воинскую обязанность из конституционно установленных обременений граждан государства.

### Список литературы

1. Капитонова Е.А. Обязанности граждан в зарубежных конституциях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. 2020. № 3 (55). С. 31-39. – Режим доступа: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_44185726\\_96139352.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_44185726_96139352.pdf) (дата обращения: 21.10.2022).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета, 1993. № 237, 25 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
3. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. 320 с.
4. Слесарский К.И. Воинская обязанность как элемент конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 2020. 28 с. – Режим доступа: <https://izak.ru/upload/iblock/757/Avtoreferat-Slesarskiy-K.I..pdf> (дата обращения: 23.10.2022).
5. Слесарский К.И. Современные правовые модели воинской обязанности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведение. 2018. № 5. С. 46-51. – Режим доступа: <https://jzsp.ru/issue/2018/5> (дата обращения: 21.10.2022).
6. Austria/ The Federal Constitutional Law of 1920 as amended in 1929 as to Law No. 153/2004, December 30, 2004. – Режим доступа: [https://www.constituteproject.org/constitution/Austria\\_2009.pdf](https://www.constituteproject.org/constitution/Austria_2009.pdf) (дата обращения: 23.10.2022).
7. Greece's Constitution of 1975 with Amendments through 2008. – Режим доступа: [https://www.constituteproject.org/constitution/Greece\\_2008.pdf](https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008.pdf) (дата обращения: 23.10.2022).
8. Конституция Норвежского Королевства 1814 г. в ред. 2014 г. Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=142>(дата обращения: 23.10.2022).

9. Finland's Constitution of 1999 with Amendments through 2011. – Режим доступа: [https://www.constituteproject.org/constitution/Finland\\_2011.pdf?lang=en](https://www.constituteproject.org/constitution/Finland_2011.pdf?lang=en)(дата обращения: 25.10.2022).
10. Союзная Конституция Швейцарской конфедерации 1999 г. – Режим доступа: [https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland\\_2002.pdf](https://www.constituteproject.org/constitution/Switzerland_2002.pdf) (дата обращения: 25.10.2022).
11. Military Service Exemption Tax // Tax for: Military Service Exemption. Access mode: <https://www.ch.ch/en/taxes-and-finances/types-of-taxation/military-service-exemption-tax/#further-information> (дата обращения: 25.10.2022).
12. The Constitution of Sweden The Fundamental Laws and the Riksdag Act 1974 – Режим доступа: <https://www.government.se/how-sweden-is-governed/the-constitution/>(дата обращения: 25.10.2022).
13. Основной закон Федеральной Республики Германии 1949 г. Официальный сайт Deutscher Bundestag – Режим доступа: <https://www.bundestag.de/gg/grundrechte> (дата обращения: 25.10.2022).
14. Denmark's Constitution of 1953 – Режим доступа: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/dania.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).
15. The Spanish Constitution on October 31, 1978 – Режим доступа: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionINGLES.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).
16. The Constitution of the Italian Republic 1947 (rev. 2020) – Режим доступа: <https://www.governo.it/en/fundamental-principles/11825> (дата обращения: 28.10.2022).
17. Portugal's Constitution of 1976 with Amendments through 2005 – Режим доступа: [https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal\\_2005.pdf](https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005.pdf) дата обращения: 01.11.2022).
18. Конституции Княжества Лихтенштейн 1921 г. – Режим доступа: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/legislation/details/10157> (дата обращения: 28.10.2022).
19. The Constitution of the Kingdom of the Netherlands 2008. Официальный сайт Government of the Netherlands – Режим доступа: <https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008> (дата обращения 01.11.2022)
20. Constitution of Ireland 1937 with Amendments through 2019 – Режим доступа: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 02.11.2022).

**Пасенов Александр Николаевич**  
старший преподаватель кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук

**Труфанова Анастасия Сергеевна,**  
студентка группы 01002010  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **СТРЕЛЬБА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА**

**Аннотация:** В представленной статье рассматривается проблема вооружённых нападений на учебные заведения в Российской Федерации. Важность исследуемого вопроса обусловлена ростом преступной активности в образовательной среде. В статье выделяются причины увеличения числа случаев стрельбы на территории учебных учреждений. Также приведены выводы о мерах по предотвращению массовых убийств.

**Ключевые слова:** массовое убийство, стрелок, скулшутинг, скулшутер, безопасность.

Конституция Российской Федерации в ст. 2 устанавливает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. И сложно оспорить тот факт, что наше государство прикладывает максимум усилий для обеспечения безопасности всего населения и создания комфортных условий для всех граждан.

Однако, к сожалению, так получается, что в современной России одной из самых незащищённых групп населения остаются лица, обучающиеся в различных образовательных учреждениях. Количество насильственных нападений на учебные заведения за последние годы существенно возросло. Как правило, стрелками в ходе данных инцидентов являются сами учащиеся образовательных учреждений или их бывшие выпускники.

Ситуация, когда стрелок совершает массовое убийство в стенах учебного заведения, получила название «School-shooting». Данный термин широко используется не только в англоязычных странах, российские СМИ также часто прибегают к его употреблению. Карпова Анна Юрьевна даёт

следующее определение скулшутингу: «это общественно опасное деяние, направленное на убийство лиц, находящихся на территории учреждения образовательной системы посредством применения огнестрельного оружия и/или взрывных устройств» [2, с. 93].

Рост числа случаев стрельбы в школах некоторые исследователи в данной области связывают с набирающей популярность субкультурой «Колумбайн». В основе идеологии данного движения лежит наиболее известный случай массового убийства в школе, произошедший более 20 лет назад в США.

20 апреля 1999 года Дилан Клиболд и Эрик Харрис с заряженными ружьями вошли в здание старшей школы «Columbine High School» в городе Литлтонь в Колорадо. В течение нескольких минут они убили 12 учеников и одного учителя, ранить успели 24 человека. Практически сразу же оба стрелка покончили с собой.

Стоит отметить, что содеянное Эриком и Диланом, безусловно, повлекло гибель многих людей, однако такой случай стрельбы в учебном заведении не был первым, наиболее шокирующим своей жестокостью или самым масштабным по количеству жертв. И всё же именно трагедия, произошедшая в «Колумбайн», нашла отражение в массовой культуре. И что самое худшее – акт массового убийства, совершённого Харрисом и Клиболдом, породил подражателей по всему миру.

Так, в своей книге «Дневники матери» мать одного из стрелков, Сью Клибод, пишет, что «Материалы, связанные с Колумбайн, были обнаружены среди вещей стрелка из Виргинского политехнического института Чо Сын Хи и стрелка из начальной школы Сэнди-Хук Адама Лэнза. Исследование, результаты которого были опубликованы компанией ABC News в 2014 году, показывает, что по крайней мере 17 нападений и 36 предполагаемых дел или серьёзных угроз, произошедших после событий в школе Колумбайн Хай, могут быть связаны с бойней 1999 года» [3, с. 183].

В России также известны ситуации, когда некоторые стрелки, вдохновляясь действиями Эрика и Дилана, решались на аналогичные акты скулшутинга. Зачастую их внешний вид, оружие или содержание дневников – это ключевые показатели, на которые нужно смотреть, чтобы вычислить подражателя.

В настоящее время в России насчитывается более 10 случаев нападения на школы, совершенных в соответствии с канонами «Колумбайн». Среди них наиболее известные: преступление, инициированное Михаилом Пивневым в сентябре 2017 в школе г. Ивантеевка Московской области; инцидент в январе 2018 в школе г. Улан-Удэ; массовое убийство, инициированное Тимуром

Бекмансуровым в сентябре 2021 года в ПГНИУ г. Перми; массовое убийство в школе г. Ижевск в сентябре 2022 года.

Примером очевидного подражания стрелкам из «Колумбайн», получившим наибольшую огласку, можно считать самое масштабное по числу жертв в СНГ массовое убийство в Керчи. Так, 17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже Владислав Росляков убил 21 человека и ранил ещё 70, прежде чем покончить с собой. Сам способ его ухода из жизни повторяет действия Харриса и Клиболда. К тому же на момент совершения преступления на Рослякове была надета футболка с надписью «Ненависть». В футболку с похожей надписью «Wrath» («Гнев») был одет и стрелок из США Дилан Клиболд. Эрик Харрис в 1999 при расстреле использовал обрез помпового ружья и самозарядный карабин. Керченский стрелок, последовав примеру кумира, также стрелял из короткого помпового ружья. Харрис и Клиболд устанавливали самодельные бомбы в школьном буфете. Росляков поступил аналогичным образом, заложив взрывные устройства в столовой. Исходя из вышесказанного, просто невозможно отрицать того факта, что керченский подросток был последователем двух американских школьников. Он восхищался стрелками из Колорадо настолько, что копировал каждый их шаг в своём преступлении.

Коэн А. справедливо утверждает: «На недоступность ценностей культуры общества подростки реагируют созданием субкультуры со своими ценностями, целями и нормами» [4, с. 318]. Есть мнения, что фанатов скулшутинга порождают так называемые «Колумбайн-сообщества». Это тематические группы в социальных сетях, романтизирующие нападения на школы. Участники таких сообществ сами называют себя «колумбайнерами», т.е. последователями Эрика и Дилана, их поклонниками. Группы, посвящённые скулшутерам, в неправильном свете выставляют и чудовищный поступок стрелка, и саму его личность. Администраторы сообществ героизируют школьных стрелков, подчёркивают их уникальность и непонятость. Логично, что некоторые подростки с неокрепшей психикой, имеющие проблемы в семье или отвергнутые сверстниками, могут начать ассоциировать себя с убийцами. Иными словами, информация из «колумбайнерских сообществ», поступающая в не сформировавшийся до конца и неудовлетворённый жизнью психотип тинейджера, ломает картину мира несовершеннолетнего, рушит его представления о добре и зле и побуждает тем самым к совершению ужасающих действий. Акт скулшутинга для такого подростка остаётся единственным стоящим поступком в жизни, результатом которого, как правило, станет самоубийство.

Причину агрессивного поведения молодых людей нередко связывают также с активным увлечением компьютерными играми. Это достаточно спорное суждение. Практика показывает, что значительная часть школьных стрелков, действительно, проводила много времени за играми, как правило, содержащими в своём сюжете сцены жестокости и насилия. В данном вопросе можно согласиться с мнением Карпова Владимира Олеговича. Он утверждает, что «Играми увлекается ещё больше миллиона детей во всём мире, и никто из них не становится массовым убийцей или скулшутером. Поэтому однозначно утверждать, что игра является причиной скулшутинга невозможно» [5, с. 445].

Последний инцидент с массовым убийством в школе произошёл не так давно, 26 сентября 2022 года в г. Ижевск. Это свидетельствует о том, что мер, принимаемых для предотвращения нападения на школы, к сожалению, недостаточно.

Проблему не решают ни блокировки некоторых «Колумбайн-сообществ» Роскомнадзором, ни локальные аресты администраторов данных групп, ни поправки в оружейном законодательстве. В 2018 году изменениям подверглись ФЗ «Об оружии», ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Однако, стоит отметить, что с 2019 по 2022 год в России тем не менее произошло ещё 9 случаев нападения на образовательные учреждения.

В данный момент система охраны учебных заведений представлена пожилыми сотрудниками. В силу возраста данные лица могут просто не успеть среагировать должным образом на нападение стрелка. В школах, университетах, колледжах имеются так называемые «тревожные кнопки», однако их наличие или даже использование не даёт гарантий обеспечения безопасности учащимся. Да, в случае вызова бойцы отдела вневедомственной охраны Росгвардии оперативно приезжают и осуществляют все необходимые действия по обезоруживанию стрелка. Но у рядового охранника какой-нибудь сельской школы профессиональных средств задержания преступника нет, а знаний в этой области может быть недостаточно. Иными словами, охране образовательных учреждений остаётся ожидать прибытия соответствующих правоохранительных органов в то время, как учащиеся или сами сотрудники рискуют быть застреленными, так и не оказав должной помощи обучающимся. В рамках вышеизложенного стоит упомянуть нападение на школу г. Улан-Удэ в посёлке Сосновый Бор. Функции охраны здесь в момент атаки выполняла женщина-вахтер, 60 лет. Пожилая сотрудница не заметила, как подростки пронесли самодельную взрывчатку

на территорию школы и спрятали ее. Данный случай доказывает, что должны произойти изменения в системе охраны учебных заведений.

Как известно, подростки жестоки, и некоторым из них свойственно всю накопленную агрессию вымещать на сверстниках. Такого рода проблемные отношения среди учащихся получили название «буллинг». Бочавер Александра Алексеевна и Хломов Кирилл Даниилович отмечают, что «В 1993 г. Д. Ольвеусом было дано определение понятия «буллинг», которое предлагалось понимать как преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [6, с. 149]. Конечно, длительная травля не всегда приводит к скулшутингу. Однако некоторые неустойчивые личности, подвергшиеся буллингу, всё же могут взять оружие в руки, увидев в таком поступке единственный вариант разрешения конфликта. Кочегаров П. упоминает случай, когда учащийся Новосибирского колледжа транспортных технологий им. Н.А. Лунина долго терпел нападки со стороны сверстников. Кочегаров пишет, что в какой-то из дней студент зашёл в кабинет с ружьём и произнёс: «Вы надо мной подшутили, теперь я над вами подшучу». И выстрелил в ближайшего к нему однокурсника [7]. Эта ситуация наглядно демонстрирует, что мотивацией к совершению преступления могут стать издевательства.

Причины девиантного поведения скулшутера могут быть напрямую связаны с психическим здоровьем лица. Работники медицинских учреждений, психиатрических клиник должны быть крайне внимательны при обследовании лиц, желающих получить документ об отсутствии противопоказаний к владению оружием. Так, например, стрельбы в ПГНИУ г. Перми могло бы и не случиться, если бы врач-психиатр не нарушал требований к прохождению тестов пациентами. Сам пермский стрелок (Тимур Бекмансуров), в своём «манифесте» указал на ошибку врача, позволившего ему найти ответы на тестирование в интернете.

Как же бороться с нападениями на учебные заведения? ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 28 «Компетенция, права, обязанности и ответственность общеобразовательной организации» закрепляет обязанность общеобразовательных организаций осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании [8]. В рамках данного Закона учебные учреждения должны создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися. Законом также предусматривается ответственность общеобразовательной организации за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, за жизнь и здоровье обучающихся, работников общеобразовательной организации. В ст. 34

«Основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования» также устанавливается право обучающихся на охрану жизни и здоровья. Положение ст. 41 «Охрана здоровья обучающихся» содержит подробный перечень мероприятий и мер для обеспечения жизни и здоровья обучающихся в общеобразовательной организации. В рамках данной статьи провозглашается, что охрана здоровья обучающихся включает в себя обеспечение безопасности обучающихся во время пребывания в организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Из всех перечисленных выше норм, установленных ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» следует, что образовательные учреждения обязаны обеспечивать безопасность обучающихся всеми возможными способами. Очевидно, что должным образом осуществлять охрану учебного заведения некомпетентное лицо не может. Исходя из этого, представляется логичным введение некоторого законодательно установленного правового регулирования вопроса о том, кто же может осуществлять охрану образовательных учреждений. Очевидно, что на смену пожилому персоналу, который в силу возраста не имеет возможности противостоять стрелку, стоит поставить профессиональных сотрудников государственных служб или военных. Возможно, организацией безопасности в учебных учреждениях стоит заниматься специально для этого обученным сотрудникам полиции или Росгвардии. Законодательство Российской Федерации должно быть изменено в области охраны образовательных учреждений, усилить требования к сотрудникам по возрасту и, возможно, выдать им оружие как средство предотвращения массовых убийств в образовательных организациях.

Поможет ли ужесточение ФЗ «Об оружии» в предотвращении скулшутинга? Нужны ли изменения в оружейном законодательстве? В 2021 г. авторы поправок в закон «Об оружии» – депутаты Госдумы Сергей Неверов, Александр Хинштейн, Василий Пискарев, сенатор Андрей Турчак высказывали мнение о том, что «Действующие механизмы контроля за состоянием здоровья (в т.ч. психического) владельцев оружия, а также лиц, претендующих на его получение, являются недостаточно эффективными и не позволяют своевременно и гарантированно выявить медицинские противопоказания к владению оружием. Всё это создает риски возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с применением оружия в общественных местах лицами с отклонениями психического здоровья или склонных к употреблению наркотических, психотропных средств». И с данным утверждением сложно не согласиться. Действительно, ужесточение процедуры получения оружия приведёт к снижению числа преступлений,

совершаемых с его помощью. Однако нельзя отрицать и того факта, что психически нестабильное лицо, одержимое большой идеей, воплотит планируемый акт насилия, невзирая на препятствующие для этого обстоятельства. Так, Тимур Бекмансуров (пермский стрелок) в своём «манифесте» писал: «Вас не спасёт запрет оружия, вас будут убивать машинами, бомбами, всем, что попадётся под руку». И при всём своём нежелании с мнением стрелка всё же стоит согласиться. Действительно, даже в России известны случаи, когда нападающие, не имея доступа к оружию, всё же совершали попытки массового убийства на территории образовательного учреждения, вооружившись кухонным топориком, ножами или взрывпакетами.

Борьба с нападениями на школы невозможна без изменений правил публикации в СМИ той или иной информации о личности стрелка, о ходе совершения преступления и т.д. Дело в том, что рассказы о скулшутерах, об их поведении могут вынудить и других уязвимых людей сделать нечто подобное. Сейчас ФЗ «О средствах массовой информации» справедливо регламентирует в ст. 4, что использование средств массовой информации для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости недопустимо [9]. Данная норма вынуждает журналистов, освещающих акты нападения на школы, быть более внимательными, публикуя информацию о стрелке или событиях массового убийства.

Специалисты из Центра по контролю и профилактике заболеваний и Национального института психического здоровья США рекомендуют СМИ избегать приукрашивания событий или сенсационных репортажей при освещении массовых убийств. Эксперты отмечают, что показывать изображения стрелка, особенно те, где он одет так, как пришёл на бойню, запрещено. Не рекомендуется показывать оружие, которое он использовал. Нельзя постоянно повторять имя стрелка, необходимо использовать слова «убийца» или «преступник». Давать сюжеты в прямой эфир тоже не стоит, нельзя опубличивать видеозаписи, которые сделали скулшутеры (такие как «Подвальные Ленты» школьников из «Колумбайн») или записи, которые они разместили в социальных сетях (манифест Тимура Бекмансурова). Опасно сравнивать одного убийцу с другим, подчёркивая тем самым число убитых ими. Такого рода данные особенно возбуждают психически нездоровых лиц, дают повод к соревнованиям со стрелком в количестве жертв. И что самое главное, журналистам стоит быть крайне внимательными

в изложении мысли, чтобы неосторожно не сделать из убийц героев, породив таким образом последователей.

Противодействие насильственному нападению на учебные заведения – актуальная задача для современной России. Нашему государству ещё предстоит принять ряд мер для борьбы с массовыми убийствами в образовательных учреждениях. Система охраны образовательных учреждений должна модернизироваться. Необходимо проведение профилактических мер для устранения буллинга. Но стоит также помнить, что скулшутинг – это международная проблема. Большая ответственность в данном вопросе лежит на журналистах стран всего мира. Борьба со школьными стрелками, предотвращение актов насилия в школах – это обязанность любого государства, осмелившегося называть себя правовым.

Избежать новых случаев стрельбы в образовательной среде позволят изменения в законодательстве. Прежде всего, модернизироваться должна система охраны образовательных организаций. В виду этого стоит законодательно закрепить более суровые условия пропускного режима на территории учебных заведений. Гарантировать безопасность школьников и студентов невозможно без смены охранного персонала на более квалифицированный и способный в случае атаки оказать все необходимые меры для обеспечения антитеррористической защищенности учащихся.

Изменения должны коснуться законодательных положений в области информационной безопасности. Более активная и тщательная блокировка сообществ, романтизирующих акты скулштинга, позволит снизить популярность маргинальной субкультуры «Колумбайн», что приведёт к уменьшению последователей школьных стрелков.

Разрешение проблемы массовых убийств в учебной среде видится также в законодательно установленном сотрудничестве модерации различных интернет-ресурсов (чаты, форумы, компьютерные игры и т.д.) с правоохранительными структурами. Модераторы должны сообщать о представляющей угрозу подозрительной активности интернет-пользователей в соответствующие службы. Это позволит на ранних стадиях пресечь преступные намерения потенциальных стрелков.

Нельзя оставить без внимания и правила публикации в СМИ сведений о событиях школьной стрельбы или личности преступника, которые также влияют на увеличение числа случаев вооруженных нападений на образовательные учреждения. В этом вопросе наиболее правильным кажется обращение к опыту США. Российское законодательство, регламентирующее деятельность СМИ, должно совершенствоваться в соответствии с зарубежными стандартами. Верным представляется цензурирование некоторой информации при освещении стрельбы в учебных заведениях.

Например, как отмечалось ранее, количество жертв стрелка называть не стоит, так как это может спровоцировать психически нездоровых лиц к «соревнованиям» с убийцей по числу убитых. Иными словами, необходим запрет публикации в СМИ сведений, которые в теории могли бы склонить лиц с неустойчивой психикой к совершению аналогичных актов насилия.

Таким образом, все вышеизложенные изменения в российском законодательстве, возможно, с большей вероятностью могли бы обеспечить безопасное учебное пространство для учащихся. Российской Федерации, как правовому государству, ставящему в приоритет защиту прав и свобод граждан, необходимо всеми доступными средствами противостоять возросшей за последние года преступной активности в образовательной среде.

### Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения 17.11.2022 г.).
2. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. – 2021. – №1. – С. 93-108.
3. Сью Клиболд Дневники Матери / пер. с англ. В. Краснянская. – М.: АСТ, 2017. С. 384.
4. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. 1966. С. 314-321.
5. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №4. С. 442-446.
6. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 149-159.
7. Кочегаров П. Опасный тихоня. Почему студент расстрелял сокурсников в Новосибирской области // LIFE. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210527/kazan-1734386141.html> (дата обращения: 17.11.2022).
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.11.2022 г.).

9. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.11.22).

**Рассказов Вячеслав Леонидович,**  
кандидат юридических наук, доцент  
Кубанский государственный аграрный университет  
(Краснодар, Россия)

**Аутлева Рузанна Вячеславовна**  
кандидат юридических наук  
судья Арбитражного суда Республики Адыгея  
(Майкоп, Россия)

## **СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ ТОРГОВЫХ СПОРОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

**Аннотация:** В публикации раскрывается процесс совершенствования экономического правосудия во второй половине XVIII в. Отмечается, что принцип состязательности при решении торговых споров сохранялся, делались попытки отделить суд от администрации. В целом совокупность правовых норм, регулирующих разрешение торговых (хозяйственных) споров, и систему судебных учреждений, где они рассматривались, к концу XVIII в. трансформировалась в громоздкий механизм. Поэтому насущным становился вопрос реформирования института судебного разбирательства торговых (хозяйственных) споров, что и было сделано уже в первой половине следующего века.

**Ключевые слова:** Россия, суд, торговые (хозяйственные) споры, Екатерина II, Устав, Манифест, совестной суд, процессуальное право

Вторая половина XVIII в. в контексте развития российского законодательства связывается, как известно, с деятельностью Екатерины II. Это касается и вопросов регулирования торговых (хозяйственных) споров при их рассмотрении в судебном порядке. При этом необходимо иметь в виду общие тенденции развития процессуального права в рассматриваемый период. В этой связи следует заметить, что к началу правления Екатерины II действовали те процессуальные нормы, которые были созданы в

предшествующий период в виде, прежде всего, «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1715 г. и Указа «О форме суда» 1723 г.

В литературе отмечается, что «при последующих монархах (после Петра I – авт.) столь же серьезных процессуальных актов не принималось. При Петре II, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне принимались мелкие законы по отдельным, частным вопросам» [1, с. 866]. Соглашаясь с этим в принципе, укажем на то, что по интересующей нас проблематике «серьезные процессуальные акты» все же принимались. Это касается в первую очередь Устава о суде таможенном по словесным прошениям, а не по челобитным, принятого в 1727 году. В то же время можно отметить, что эпоха от Петра I до Екатерины II в плане развития процессуального права в России отличалась определенным застоем (стабильностью это явление вряд ли можно назвать).

Екатерина II привнесла в развитие процессуального права заметную активность, при этом акцент больше делался на организационной стороне дела (упорядочивание системы судебных органов), нежели на содержании самих процессуальных норм, хотя и оно также некоторым образом менялось – при сохранении, однако, тех основ процессуального законодательства, которые были сформированы ранее. Что касается развития формы судопроизводства, то в литературе отмечается, что при Екатерине II идет плавное вытеснение суда розыском [2, с. 239]. Однако, как представляется, такая общая оценка является неоправданно упрощенной [3, с. 869].

Если вести речь о развитии уголовно-процессуального законодательства, то указанная тенденция (более активное развитие розыскной формы отправления правосудия по сравнению с состязательной формой) имела место. Ряд авторов справедливо указывают при этом на применение пыток в процессе уголовного судопроизводства, которое санкционировалось государством и достаточно детально регулировалось [4, 5, 6]. Что же касается гражданского судопроизводства, в рамках которого решались и торговые (хозяйственные) споры, то здесь состязательное начало в целом не теряло своих позиций, что, на наш взгляд, вполне объяснимо, учитывая неуклонное продвижение экономических отношений и развитие предпринимательства в России.

В этой связи достаточно вспомнить, например, одобренный Екатериной II Устав вольного экономического общества от 31 октября 1765 г. [7], в котором в его преамбуле, в частности, указывалось, что члены Экономического общества обязаны были обращать свои труды на распространение в Отечестве полезных о земледелии и домостроительстве знаний. Как отмечается в Уставе «... на твердом основании всякого нового

учреждения требует предписания законов, то и сего общества члены, утвердя между собою нижеследующий Устав, обязуются по оному чинить неперменное исполнение».

Устав предполагал проведение исследований в экономике, которая, по его смыслу, должна была развиваться в либеральном направлении. И это действительно было так. Об этом свидетельствует и повышенное внимание законодателя к регулированию правового статуса нарождающейся российской буржуазии – купечества. Такой подход предполагал активизацию предпринимательской деятельности, при которой неизбежным был рост торговых (хозяйственных) споров, требующих своего разрешения. Соответственно практика требовала более четких правовых норм, регулирующих рассмотрение таких споров.

Отметим, что судебная система России была в значительной мере коррумпирована. По этому поводу был выпущен специальный Манифест «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах к прекращению лихоимства и взяток» [8]. Кроме того, уже в самом начале своего правления Екатерина II издает ряд указов, регулирующих различные процессуальные аспекты гражданского судопроизводства, в рамках которого рассматривались торговые (хозяйственные) споры. В связи с этим представляет интерес принятый 10 августа 1766 г. правовой акт под длинным названием «Инструкция с указом из Московского магистрата словесному суду...» [9, с. 894], которая содержала ряд процессуальных положений при рассмотрении торговых (хозяйственных) споров.

Наиболее важным нормативно-правовым актом, внесшим изменения в судебную систему государства, являлись Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. [10]. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи достаточно четко обозначают основополагающие принципы отправления правосудия, частью закрепляя уже существующие ранее положения, а частью вводя новеллы. Это делается не совсем обычно – в виде формулирования организационных основ деятельности всех палат, в том числе Палаты гражданского суда, где рассматривались и хозяйственные споры.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель однозначно закрепляет различие между частным иском, а именно таковые порождали правовые отношения при торговых (хозяйственных) спорах и «казенными и уголовными делами» – в последнем случае подчеркивается общественная роль такого рода дел, – это свидетельствует, на наш взгляд, о практическом выделении публичного и частного права в правовой истории России.

В качестве вывода можно отметить следующее. Во второй половине XVIII в. (фактически это правление Екатерины II) наблюдается более активное развитие гражданско-процессуального законодательства (по сравнению с предшествующим периодом), а также происходит определенное упорядочивание системы судебных учреждений. Вместе с тем торговые (хозяйственные) споры не выделяются в качестве предмета самостоятельного правового регулирования – это происходит в рамках совершенствования гражданского процесса и путем регламентации отдельных аспектов порядка разрешения торговых споров.

Процесс отправления гражданского правосудия во второй половине XVIII в. заметно усложнился. Это было в немалой степени связано с тем, что одновременно действовали процессуальные нормы второй половины XVII и всего XVIII вв., что было чрезвычайно затруднительно для правоприменителей, поскольку имелось немало противоречий между нормами различных источников. Принцип состязательности при решении торговых споров сохранялся (в отличие от уголовного процесса, где имело место усиление розыскного начала), в том числе предусматривались, как и ранее, выборы судей из числа купцов. Торговые (хозяйственные) споры наряду с другими гражданскими делами разрешались в различных судебных органах. При этом законодатель пытался отделить суд от администрации, но до конца это сделано не было.

В рассматриваемый период функционировал также так называемый совестный суд, однако его решения не являлись обязательными для тяжущихся сторон, в связи с чем эффективность этого судебного учреждения была низка. Более действенным был словесный суд, регулирование деятельности которого осуществлялось специальным указом 1781 г., в частности, предусматривался однодневный срок разрешения дел. В целом совокупность правовых норм, регулирующих разрешение торговых (хозяйственных) споров, и система судебных учреждений, где они рассматривались, к концу XVIII в. трансформировалась в громоздкий механизм. Поэтому насущным становился вопрос реформирования института судебного разбирательства торговых (хозяйственных) споров, что и было сделано уже в первой половине следующего века.

### **Список литературы**

1. Кутьина Г.А. Комментарий к процессуальному законодательству Екатерины II // Законодательство Екатерины II. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 866-867.
2. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М., 1992.
3. Кутьина Г.А. Комментарий к процессуальному законодательству

Екатерины II // Законодательство Екатерины II. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001.

4. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 288;

5. История государства и права СССР. Ч. 1 / Под ред. Ю.П. Титова. М., 1998. С. 347-348;

6. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Издание третье. Т.1. М., 1960. С. 106 и др.

7. Полное собрание сочинения. Собрание первое. Т. XVII. № 12502.

8. Манифест «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах к прекращению лихоимства и взяток» 1764 г. // ПСЗ. Собрание первое. Т. XVI. № 11988.

9. Инструкция с указом из Московского магистрата словесному суду, данным учрежденным по силе Правительствующего Сената 1754 года мая 5 дня Указу во всех городах под ведомством магистратов и ратуш словесным судам, в которых определяемые из купечества выборные имеют поступать по нижеследующим пунктам, 1766 г. // Законодательство Екатерины II. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001. С. 894-901.

10. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // ПСЗ. Собрание первое. Т. XX. № 14392.

**Рассказов Вячеслав Леонидович,**  
кандидат юридических наук, доцент  
Кубанский государственный аграрный университет  
(Краснодар, Россия)

## **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР, ПРЕДОПРЕДЕЛЯВШИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ЭТОЙ СФЕРЕ**

**Аннотация:** В публикации рассматриваются особенности экономических отношений в различные периоды истории России, которые в значительной степени определяли процессуальный порядок разрешения экономических споров. Раскрывается также связь правосудия с экономической сферой, с содержанием и особенностями трансформации экономических отношений, поскольку именно из них проистекает сам предмет имущественных и смежных с ними споров.

**Ключевые слова:** экономические отношения, экономическое правосудие, Россия, Советское государство, советский арбитраж, судебные органы, рыночные отношения.

Экономическая сфера для общества является фундаментом для его развития. Именно экономические отношения формируют основы других наиболее важных аспектов общественных отношений. Так, в социальной сфере экономика должна обеспечить необходимые для достойной жизни доходы всех слоев населения и в этой связи доступное образование и социальное обеспечение и реализацию других социальных благ. Экономические отношения влияют и на духовную, и на политическую сферы. В связи с этим подчеркиваем, что именно в рамках существующей политической системы создается правовая база деятельности общества, в том числе в сфере экономического правосудия.

Таким образом, проблема развития экономического правосудия непосредственно связана с экономической сферой, с содержанием и особенностями трансформации экономических отношений, поскольку именно из них проистекает сам предмет имущественных и смежных с ними споров. Соответственно концепция экономических отношений определяет и основные принципы формирования и деятельности судов по разрешению коммерческих дел. Так, в буржуазном государстве на первый план выдвигались неприкосновенность частной собственности, свобода предпринимательства, конкуренции, и соответственно суды могли выносить решения об отчуждении имущества в чью-либо пользу только при наличии веских для этого оснований, а сама система правосудия была классической с возможностью привлечения сторонами адвокатов по своему выбору.

В императорской России имели место капиталистические отношения (разумеется, была специфика по сравнению с западноевропейскими экономическими отношениями и в период абсолютизма довольно существенная). Но в целом все же можно говорить именно о капиталистическом способе производства и соответственно об основных принципах формирования и деятельности судов по разрешению коммерческих дел.

В Октябре 1917 года большевики, придя к власти, были вооружены марксистской моделью социализма в ее леворадикальном варианте [1, с. 421-422; 2 с. 11-12]. Опираясь на идеологические постулаты марксизма, большевики создали соответствующую систему политических, экономических и правовых институтов. В Советском государстве, где собственность была огосударствлена и экономические отношения строились

на плановой основе, хозяйственные споры решал по сути своей административный орган – советский арбитраж, то есть системы экономического правосудия в современном ее понимании не существовало.

Отметим также, что в Советском государстве по-настоящему не функционировал механизм рыночного регулирования. Это происходило во многом потому, что цены как регулятор не работали (цены фиксировались на основе решений государственных органов), а другого механизма регулирования не было. Огромные государственные расходы на оборону, дотирующие финансирование отстающих предприятий, делали советскую экономику неэффективной. Это проявлялось как следствие и в социальной сфере. Реальный уровень потребления был ниже, чем в развитых странах, а его искусственное увеличение могло привести к росту денежной массы и инфляции.

В середине 1980-х гг., в годы «перестройки», такое положение привело к решению реформировать экономику путем включения элементов рыночных отношений, в частности, с помощью хозрасчета, самокупаемости, других стимулирующих институтов. Для этого были проведены политические изменения, однако таковые не были эффективными, в том числе и из-за оппозиции со стороны консерваторов из числа влиятельных партийных деятелей старой формации. Вследствие этого проект так называемого «социализма с рыночным лицом» был провален. А последовавший после этого развал системы социализма и самого СССР только лишь добавил новых проблем экономике России и бывшим союзным республикам, а также государствам социалистического лагеря, так как они длительное время были интегрированы в одну экономическую систему. Не удивительно, что ее развал увеличил во много раз экономические трудности [3, с. 88]. После этого единственным выбором стала экономика, уже апробированная столетиями в других странах и отчасти в дореволюционной России.

В России после смены парадигмы экономических отношений в начале 1990-х гг. наблюдался скачок предпринимательской активности [4; 5, с. 97]. В этом смысле следует заметить, что в результате экономической активности хозяйствующих субъектов возникает потребность в институте судебного разбирательства по экономическим спорам, так как члены общества, взаимодействуя между собой, не всегда приходят к общему согласию [6, с. 45; 7, с. 24].

Следует отметить, что экономические отношения имеют потенциал преобразовать все сферы жизнедеятельности общества и человека. В то же время и политические, и морально-религиозные, и иные внеэкономические

факторы в определенные моменты становятся препятствием на пути развития экономики и в ее рамках предпринимательства. Дело в том, что бизнес отнюдь не является феноменом только лишь последних столетий истории цивилизации – предпринимательство восходит к глубокой древности так же, как отношения производства и обмена товаров в целом. Но при этом формы предпринимательства, его взаимодействие с культурой и вообще все его развитие всегда зависели от той исторической ситуации, которая складывалась в ту или иную эпоху.

Например, в монархической России, с одной стороны, имели место элементы рыночных экономических отношений. Однако, с другой стороны, абсолютизм как форма государственного правления накладывал специфику в условия деятельности субъектов предпринимательской деятельности, и если иметь в виду систему экономического правосудия, то абсолютизм, в отличие от стран Запада, формировал судебную систему таким образом, что предприниматели не могли иметь равных процессуальных прав с государственными структурами, собственно, и иск против государства часто они не могли подавать в силу именно абсолютистских традиций.

Впоследствии, после распада СССР, в России вновь стали возрождаться элементы рыночной системы хозяйствования, что кардинальным образом стало менять сущность экономических отношений. В этой связи следует заметить, что рынок – это довольно сложная система общественных взаимоотношений в сфере экономики. Функционирование рынка определяется несколькими принципами, обуславливающими его сущность и отличие от других институтов в рамках экономических отношений. Эти принципы базируются на фундаментальной ценности – свободе человека определять свою жизненную деятельность, на его предпринимательских способностях.

Следует обозначить еще один важный принцип функционирования рынка. Это справедливое отношение государства к методам и способам решения противоречий, возникающих в процессе предпринимательской деятельности. При создании и функционировании экономического судопроизводства необходимо защитить права в сфере экономики от незаконных посягательств, которые осуществляются государством в лице соответствующих судебных и правоохранительных органов. Безусловно, в числе мер защиты следует отнести принятие экономических законов, установление налогов, таможенных пошлин и др. [8, с. 68].

Учитывая экономические и социальные особенности России, есть основания считать, что развитие рыночных экономических отношений должно осуществляться при мощном государственном регулировании, необходимость которого очень ярко показали «лихие 1990-е гг.». И, прежде всего, речь идет здесь о достаточных гарантиях судебной защиты субъектов

экономической деятельности, что, собственно, вытекает из самого содержания цивилизованных рыночных экономических отношений.

Изложенное позволяет констатировать, что экономические отношения составляют основу общественного бытия людей в любом государстве. Содержание экономических отношений определяется характером материального производства, имеющего две обязательные составные части – средства производства и производительные силы при ведущей роли человека труда, которым создается прибавочный продукт (стоимость). Критерии распределения прибавочного продукта (стоимости) являются индикаторами одного из видов экономических отношений, определенных экономической теорией.

В российской истории виды экономических отношений несколько раз менялись – в монархической России имели место капиталистические экономические отношения со спецификой абсолютистского государства, в СССР – социалистические (плановые) экономические отношения, а после распада СССР в нашей стране вновь стали возрождаться капиталистические отношения.

Исходя из вида экономических отношений формируются другие социальные институты, в том числе право. Так, Конституцией Российской Федерации 1993 г., гражданским законодательством, другими законами закреплена концепция рыночной экономики, как и в других развитых странах. Однако отсутствие достаточных рыночных традиций создает в экономическом развитии России много противоречий и трудностей. В контексте рассматриваемой проблематики важнейшее значение имеют гарантии судебной защиты субъектов экономической деятельности. В последние годы в этом направлении в России предприняты серьезные усилия. В частности, система экономического правосудия стала функционировать более эффективно. Однако нерешенных проблем в вопросах судебной защиты законных прав и интересов субъектов экономической деятельности еще много, и решать их необходимо с учетом исторического развития в России экономического правосудия.

### **Список литературы**

1. Рассказов Л.П. История и методология юридической науки. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2002.
2. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа, 1994. С. 11-12.
3. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М.: Наука, 1994. С. 88-92.

4. Корняков В. Новая модель отношений собственности // Экономист. 1999. № 3. С. 72-85;
5. Иванова Н.П. Российская приватизация и альтернативные модели общественного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 96-100.
6. Алексеев О.А. Экономические конфликты в условиях трансформации общественной системы: Концептуальные вопросы рационализации и урегулирования // Конфликтология – теория и практика. 2003. № 1.
7. Захарьяцева И.Ю. О правовой природе института примирительных процедур в системе экономического правосудия // Третейский суд. 2004. № 4 (34). С. 24-25.
8. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб., 1996.

**Абрамова Анастасия Витальевна,**  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна**  
профессор кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

**Аннотация:** статья посвящена исследованию субъектного состава конституционных правоотношений и анализу места общества в нем. Особое внимание уделено дефиниции общества, как субъекта конституционных правоотношений с точки зрения социологических и юридических подходов. В работе проанализированы отечественные и зарубежные конституционные нормы, закрепляющие положение общества как субъекта конституционных правоотношений; исследованы позиции ученых относительно состава общества; дана авторская трактовка общества как субъекта конституционных правоотношений.

**Ключевые слова:** общество, субъекты конституционных правоотношений, государство, народ, функции конституции, конституция.

В научном сообществе на протяжении длительного времени остается дискуссионным вопрос о субъектном составе конституционных правоотношений [1, 2, 3]. При этом однозначное толкование субъекта конституционных правоотношений имеет теоретическую и практическую значимость, выраженную в системности научных знаний и упорядоченности правоприменительной практики.

С учетом того, что конституционное право – ключевая отрасль, базис правовой системы любого государства, круг участников конституционно-правовых отношений является широким. Основываясь на данном факте и многообразии правоотношений, функция конституции сводится не только к прямому правовому регулированию статуса субъектов данных правоотношений (регулятивная), но и к закреплению рамочных норм, впоследствии развиваемых в нормативной правовой базе государства (учредительная). Данный тезис опирается на конституционно-отраслевые разработки.

Так, Н.В. Витрук отмечал, что любая конституция осуществляет определенные функции, которые раскрывают ее официальное правовое назначение и ценность [4, с. 113]. К функциям Конституции Российской Федерации в правовой сфере ученый причислял конституирующую (учредительную), системообразующую, программно-целевую, регулятивную, обеспечительную, охранительную (защитную).

Наиболее интересной в рамках заявленной темы является регулятивная функция, поскольку она заключается в том, что конституционные установления определяют субъекты конституционных правоотношений, их статус, компетенцию и условия их реализации.

Бесспорным можно считать утверждение, что конституционные отношения являются абсолютными: каждый субъект таких правоотношений находится в плотной взаимосвязи с остальными субъектами, обязанными не нарушать предоставленные ему конституцией права [5, с. 41]. Из этого можно сделать вывод, что к субъектам конституционных правоотношений относятся все лица – физические и юридические, – которых Конституция Российской Федерации наделила определенными правами или обязанностями по соблюдению прав других лиц.

Поскольку главной ценностью Конституция Российской Федерации называет человека, его права и свободы (ст. 2), можно без сомнений отнести к субъектам конституционных правоотношений граждан, лиц без гражданства и иностранцев [6].

В силу ст. 30 Конституции России каждый имеет право на объединение, при этом свобода деятельности общественных объединений

гарантируется. Кроме того, в соответствии со ст. 15 Конституции РФ на общественные объединения, равно как и на граждан, органы государственной власти, органы местного самоуправления и их должностных лиц, возложена обязанность соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. Указанное позволяет причислить общественные объединения к субъектам конституционных правоотношений, обладающих определенными правами и обязанностями.

Государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица, обязанные в силу ч. 2 ст. 15 Конституции России соблюдать законодательство и призванные в соответствии со ст. 18 Основного закона охранять и защищать права граждан, тоже являются субъектами конституционных правоотношений.

Гладкова Т.С. относит к субъектам конституционных правоотношений народ, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, органы государственной власти и местного самоуправления, депутатов представительных органов государственной власти и местного самоуправления, политические партии и общественные объединения, граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, собрания граждан, сельские сходы, избирательные комиссии [7, с. 44].

Позиция Е.В. Лунгу по данному вопросу несколько отличается. Данный автор полагает, что субъектами конституционных правоотношений, вытекающих из принципов, закрепленных в ст. 3 Конституции России, не могут быть субъекты Российской Федерации. При этом, по мнению Е.В. Лунгу, Конституционный Суд Российской Федерации, выполняя исключительные функции по корректировке сложившихся конституционных правоотношений, является особым субъектом данного вида правоотношений [8, с. 13].

Названная точка зрения представляется интересной и заслуживает особого анализа.

Содержание действующей Конституции Российской Федерации свидетельствует о том, что субъекты Российской Федерации рассматриваются в качестве участников конституционных правоотношений. Так, обеспечение безопасности личности, общества и государства находится в ведении Российской Федерации (п. «м» ст. 71), обеспечение общественной безопасности, сохранение и укрепление общественного здоровья возложено совместно на Российскую Федерацию и ее субъекты (п.п. «б» и «ж» ст. 72) и т.д.

Рассматривая Конституционный Суд Российской Федерации как особый субъект конституционных правоотношений, Е.В. Лунгу исходит из

направления его деятельности, «позволяющей скорректировать конституционные правоотношения, а именно уточнить субъектный состав конституционных правоотношений, определить нормативную основу будущих конституционных правоотношений, уточнить права и обязанности субъектов правоотношения, а также установить момент начала и окончания правоотношения» [8, с. 13].

Автор приходит к выводу, что деятельность Конституционного Суда Российской Федерации охватывает все элементы состава конституционных правоотношений и позволяет существующим правоотношениям развиваться в рамках требований Конституции Российской Федерации.

Данная точка зрения представляется вполне логичной и позволяет сделать вывод, что ключевая роль Конституционного Суда Российской Федерации в рамках конституционных правоотношений заключается в реализации конституционного контроля за уже сложившимися конституционными правоотношениями.

Дискуссионным представляется вопрос о включении общества в субъектный состав конституционных правоотношений.

Р.В. Енгибарян не рассматривает общество как отдельный субъект конституционных правоотношений [9, с. 106]. При этом С.А. Осетров однозначно причисляет общество к субъектам данных правоотношений [10, с. 15].

Е.А. Лукьянова, рассуждая на тему субъектного состава конституционных правоотношений, отмечает, что одно из определяющих мест принадлежит человеку и обществу как связующему звену между человеком и государством [11, с. 16], тем самым признавая общество субъектом конституционных правоотношений.

А.Ю. Кирьянов в своем научном исследовании выделяет дискуссионный вопрос о соотношении общества с государством и его институтами. Автор указывает, что, с одной стороны, общество выступает как отдельный институт и, являясь полноправным субъектом конституционных правоотношений, относительно самостоятельно от государства. С другой стороны, общество само по себе не может противопоставляться государству, то есть всегда существует активная часть общества, встроенная и остающаяся в рамках государства, что не позволяет выделить общество как самостоятельный субъект общественных отношений [12, с. 8].

Тем не менее общество в контексте конституционных правоотношений не может одновременно и являться субъектом данных отношений, и не быть таковым. Полагаем, что для ответа на вопрос о включении общества в состав

субъектов конституционных правоотношений необходимо проанализировать конституции России и зарубежных стран.

Так, в Конституции Российской Федерации неоднократно упоминается общество как отдельная категория, имеющая определенные конституционные права. К примеру, согласно п. «м» ст. 71 Конституции России, в ведении Российской Федерации находится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Правительство Российской Федерации в силу ст. 114 Конституции Российской Федерации осуществляет меры, направленные на формирование в обществе ответственного отношения к животным.

Таким образом, общество фигурирует в Конституции Российской Федерации как отдельный субъект, на который направлена деятельность государства.

В 2020 году позиция о самостоятельности общества как субъекта конституционных правоотношений еще прочнее закрепились в Основном законе нашего государства. Так, Конституция Российской Федерации дополнена статьей 75.1, в соответствии с которой в нашем государстве создаются условия для взаимного доверия общества и государства [13].

Общество выделяется в качестве отдельного субъекта и конституциями зарубежных государств. Так, ст. 34 Конституции Республики Мальдивы закрепляет, что семья, будучи естественной и основополагающей ячейкой общества, находится под особой защитой общества и государства [14].

Из данной нормы можно сделать сразу несколько выводов: во-первых, семья является частью общества, во-вторых, само общество наделено конституционными полномочиями по защите семейных правоотношений.

Анализ ст. 35 Конституции Республики Мальдивы позволяет сделать вывод, что общество в указанном государстве наделено также полномочиями по защите и поддержке детей и молодежи, пожилых и малоимущих лиц.

При этом само общество также охраняется государством, что прямо следует из ст. 49 Конституции Республики Мальдивы, согласно которой обвиняемый может быть заключен в тюрьму до вынесения приговора в случае, когда это необходимо в целях защиты общества.

Более того, ст. 67 Конституции Республики Мальдивы на каждого гражданина указанного государства возложена обязанность вносить свой вклад в развитие и благополучие общества.

В силу ст. 182 Конституции Комиссия по делам гражданской службы Республики Мальдивы при осуществлении своих полномочий и функций руководствуется демократическими ценностями и принципами, в числе

которых удовлетворение потребностей общества, а также стимулирование участия общественности в принятии политически значимых решений.

Конституция Федеративной Республики Германия тоже расценивает общество как отдельный элемент конституционных правоотношений, в том числе гарантируя каждой матери право на защиту и попечение общества (ст. 6), а также предусматривая возможность ограничения права на неприкосновенность жилища в целях защиты общества от угрозы (ст. 13) [15].

Таким образом, к субъектам конституционных правоотношений можно отнести физических лиц, в числе которых граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства, юридических лиц, общественные объединения, органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностных лиц, субъекты Российской Федерации, а также государство и общество. Конституционный Суд Российской Федерации можно расценивать как особый субъект конституционных правоотношений.

При этом следует отметить, что общество является наименее изученным субъектом конституционных правоотношений.

Одна из причин этого в том, что понятие «общество» не раскрывается ни в тексте Конституции России, ни в иных законодательных актах. В связи с этим возникает логичный вопрос интерпретации, хотя в научной доктрине также отсутствует однозначный подход к определению общества.

На протяжении длительного времени общество находилось в фокусе внимания социологов, среди которых сформировалось несколько подходов к дефиниции указанного понятия.

Так, в рамках макросоциологического подхода К. Маркс определял общество как взаимосвязь индивидов, детерминированную, в первую очередь, экономическими отношениями [16, с. 214]. Сторонник немецкой социологической школы М. Вебер рассматривал общество как взаимодействие людей, являющееся результатом социальных действий, т.е. действий, ориентированных на других людей [17, с. 603].

Один из основоположников структурного функционализма Т. Парсонс определял общество как «тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [18, с. 20].

Основатель теории социального обмена Дж. Хоманс в качестве необходимой характеристики общества указывал высокую степень упорядоченности и организации [19, с. 112].

Н. Смелзер определял общество как «объединение людей, имеющих определенные географические границы, общую законодательную систему и определенную национальную (социокультурную) идентичность» [20, с. 565].

В юридической литературе также встречаются различные точки зрения на дефиницию общества.

По мнению В.Е. Чиркина, «общество – это внутренне противоречивое единство, где, имея частные интересы, люди, их объединения, связаны, как правило, более значимыми общественными интересами, которые имеют постоянный характер и выдвигаются на первый план» [21, с. 11].

В состав общества М.С. Матейкович и В.В. Воронин включают граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства, участвующих в деятельности общественных объединений и иных некоммерческих неправительственных организаций, трудовые, научно-педагогические коллективы [22, с. 90].

Говоря о дефиниции общества, следует особое внимание уделить соотношению понятий «общество» и «народ». С учетом того, что некоторые ученые, в том числе О.Е. Кутафин, называют специфическим субъектом конституционно-правовых отношений народ Российской Федерации [23, с. 37], данное исследование необходимо для разграничения данных понятий.

Так, народ – это совокупность граждан государства, связанных общими интересами долгосрочного характера в экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах [22, с. 88].

Таким образом, под народом понимаются граждане государства. Этот вывод следует и из ст. 3 Конституции Российской Федерации, согласно которой именно народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в России, при этом осуществляет свою власть непосредственно через референдум и свободные выборы, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

С учетом того, что гарантированное Конституцией Российской Федерации право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления имеют только граждане России, в состав народа входят только лица, имеющие российское гражданство.

При этом ошибочным было бы полагать, что критерий территориальности проживания каким-либо образом влияет на состав народа. Вне зависимости от того, в каком регионе Российской Федерации проживает гражданин, находится ли он за пределами своего государства, он также имеет право принимать участие в жизни России и, как следствие, относится к народу.

Таким образом, общество и народ соотносятся как общее и частное: народ является элементом общества, однако общество не ограничивается исключительно народом и включает в себя также иностранных граждан, лиц без гражданства и общественные объединения.

Вычленив признаки и состав общества в проанализированных определениях, представим авторскую дефиницию данного понятия. Общество – это длительно существующая, самодостаточная, самовоспроизводящаяся система взаимодействий между проживающими на одной территории и объединенных общей культурой людьми, возникшая и существующая для удовлетворения их потребностей.

Исходя из этого, к категории «общества» в рамках конституционных правоотношений относится народ Российской Федерации, в частности, граждане, лица без гражданства и иностранцы, проживающие на территории России, а также общественные объединения.

В заключение следует отметить, что многообразие подходов к дефиниции общества как субъекта конституционных правоотношений свидетельствует об отсутствии единства в понимании данной категории и, как следствие, невозможности однозначного определения круга лиц, входящих в общество.

В связи с этим полагаем, целесообразно на законодательном уровне закрепить понятие общества для его единообразного толкования и последующего применения при регулировании правоотношений. Необходимость принятия однозначного понятийного аппарата отмечалась и Н.В. Витруком, который указывал, что «пересмотр, расширение, «реконструкция» существующих понятий может быть результатом не только осмысления в ходе научного познания новых фактов и процессов в предмете исследования, но и углубления, развития самого познания предмета» [24, с. 11]. Необходимо отметить, что при формулировании понятия «общество» надлежит учитывать как доктринальные исследования, так и современные реалии.

#### **Список литературы:**

1. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2007. 496 с.
2. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23.05.1949 (с изм. и доп. от 29.07.2009) // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164-245.

3. Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица: Монография. М.: Проспект, 2007. 335 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Чиркин В.Е. Территориальный публичный коллектив и власть народа // Гражданин и право. 2006. № 5. С. 11-15.
6. Губенко Р.Г. Советский народ – субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 113-116.
7. Лунгу Е.В. Роль решения Конституционного Суда РФ в совершенствовании конституционных правоотношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 11-16.
8. Конституция Республики Мальдивы от 07.08.2008 // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 470-546.
9. Осетров С.А. Российская модель разделения власти: конституционное поправление // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 10-17.
10. Николаев В.Г. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 88-132.
11. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Парламентская газета. 2020. № 11.
12. Лукьянова Е.А. Еще раз о предмете конституционного права с позиции нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 13-17.
13. Лунгу Е.В. Субъекты конституционных правоотношений // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 16-18.
14. Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: Изд-во РАП, 2009. 272 с.
15. Цюга С.А. Понятие и круг субъектов конституционно-правовых отношений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2005. № 8. С. 174-177.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Из-во политической литературы. М., 1968. Т. 46. 4.1. 630 с.

17. Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 39 - 45.
18. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. / Нейл Смелзер; Науч. ред. изд. на рус. яз. [и авт. предисл.] В.А. Ядов. М.: Феникс, 1994. 687 с.
19. Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
20. Матейкович М.С., Воронин В.В. Народ, гражданское общество, общественность как субъекты конституционно-правовых отношений // Право и политика. 2007. № 10. С. 85-93.
21. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности (к методологии вопроса) // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1979. № 3. С. 10-17.
22. Вебер М. Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990. 808 с.
23. Кирьянов А.Ю. К вопросу о соотношении понятий «государственный контроль» и «негосударственный контроль» // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 7-11.
24. Гладкова Т.С. Вызовы конституционным правоотношениям в условиях перехода Российской Федерации к цифровой экономике (в аспекте исторического материализма) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 42-45.

**Артыков Джафар Зафаржонович**  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Таджикистан)

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна**,  
заведующий кафедрой конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор,  
(Белгород, Россия)

## **ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ОЧЕРК ПОМИЛОВАНИЯ В РОССИИ**

**Аннотация.** В статье представлены подходы к исследованию помилования и сделан акцент на его правозащитное предназначение и участие в реализации конституционного права просить о помиловании публичных и непубличных органов. Акцентированы формы возможного участия в этом процессе региональных уполномоченных по правам человека с учетом законодательного или указного регулирования отношений по поводу помилования.

**Ключевые слова:** конституция, право просить о помиловании, помилование, Президент Российской Федерации, уполномоченный по правам человека.

Конституция Российской Федерации слывет достойным правозащитно-ориентированным документом, в котором содержатся не только права для всех, но и права для отдельного случая, которые, по мнению М.В. Мархгейм целесообразно именовать правами ad hoc [1, 2]. В их числе право просить о помиловании. Именно ему посвящена данная работа.

Прежде всего, следует уточнить, что помилование можно рассматривать не только в правозащитном ключе, но и с полномочных позиций публичных и непубличных органов. Именно из совокупности этих ракурсов можно понять смысл и предназначение помилования, которое в научной литературе нередко относят к актам государственного прощения [3], уловить отличительные правозащитные черты, заметить точки правозащитного роста.

С учетом этого помилование можно определить как основанное на конституции и осуществляемое по мотивированному прошению

определенного круга лиц предваренное установленной процедурой рекомендации дискреционное полномочие главы государства изменять правовое положение специального социального субъекта.

В учебной литературе под помилованием предлагается понимать индивидуальный акт государственной милости, связанный с отказом государства от употребления своей репрессивной власти к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления [4, с. 407].

Творческий научный мир предлагает свои трактовки и сопряжения помилования. Мне очень понравилась своей ёмкостью предложенная еще в конце 19 века версия К.Ф. Хартулари: «Под словом «помилование», в его общем и обширном смысле, разумеются, обыкновенно, все действия милосердия, основанного на альтруистических чувствах любви и сострадания к ближнему, а следовательно, на начале, явно противоположном строгой идее права. В специальном же смысле оно выражает собою право, присущее державности, в силу которого, снисходя к участи человека, преследуемого или уже осужденного законом за известное преступление, — она может совершенно его простить и освободить от всякого наказания или же ограничиться смягчением такового» [5, с. 9-10]. Следовательно, им сформулированы «общий и обширный» и «специальный» смыслы слова «помилование».

В современных, в том числе диссертационных исследованиях помилование рассмотрено как конституционно-правовой институт [6], как вид государственного прощения вины [3], как поощрительная норма уголовного права [7]. К раскрытию сути помилования юристы подступаются в ракурсе постижения конституционного замысла института помилования [8], дефицита милосердия в современном обществе [9], конституционного полномочия Президента России [10]. Помилование разрабатывалось в историческом [11], регулятивном [12], реализационном [13], сопоставительном [14] ключе, а также в связке с конституционными новеллами 2020 г. [15] Такой спектр научных ракурсов исследования помилования с позиции разных отраслей права и законодательства свидетельствует, с одной стороны, о дпящемся интересе к древнему институту и продуктивности его разработки, с другой — о сохраняющихся проблемах, требующих разрешения в науке и преодоления на практике.

На некоторых конституционных аспектах помилования хотелось бы сфокусироваться.

Итак, в России конституционное право просить о помиловании адресовано каждому осужденному за преступление (ч. 3 ст. 50). В сравнении с формулировкой ч. 4 ст. 6 Международного пакта от 16 декабря 1966 г. «О

гражданских и политических правах» отметим, что в нем данное право предусматривается только для тех, кто приговорен к смертной казни. Следовательно, в Конституции России предусмотрен более щедрый в потенциале обращения подход.

Опираясь на данные ГСИН при Министерстве юстиции<sup>1</sup>, можно сделать вывод, что за последние 10 лет (2012-2021 г.г.) было рассмотрено 2405 материалов о помиловании. Отметим, что эта цифра указывает лишь на те материалы, которые преодолели сложную процедуру, следующую за подачей ходатайства о помиловании. Соответственно число последних существенно выше. Проиллюстрировать «порядок цифр» можно на примерах конкретных субъектов Российской Федерации. Так, Комиссией по вопросам помилования на территории Краснодарского края в течение первых десяти лет ее работы «рассмотрены более 1700 ходатайств о помиловании. По ним принято 275 решений о поддержке просьб осужденных [9]. Это чуть более 16%. Аналогичной комиссией на территории Кемеровской области за десятилетний период 2009-2019 г.г. рассмотрено 3514 ходатайств о помиловании, из них рекомендовано к помилованию 221 осужденных, что составило 6,3 % [16]. За период 2002-2013 г.г. комиссией по вопросам помилования на территории Республики Татарстан рассмотрено 1 833 ходатайства, 165 – рекомендовано к помилованию [4]. Это составило 9%. Помилованными оказались 48 человек: 2,6 % от ходатайствующих и 29,1% от рекомендованных.

По информации о деятельности комиссии по вопросам помилования на территории Белгородской области за первое полугодие 2022 г. ею было рассмотрено 16 ходатайств осужденных<sup>2</sup>, из которых было поддержано 1 (или 6,25%).

Отметим, что право просить о помиловании реализуется путем предусмотренного статьей 33 Конституции России и законодательно конкретизированного права на индивидуальное письменное обращение в форме ходатайства о помиловании исключительно в адрес Президента нашей страны. Это обусловлено и традиционными (помилование осуществляется верховной властью), и правозащитными (Президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод человека и гражданина) факторами. Поскольку статьей 33 в качестве субъекта права на обращение определены «граждане Российской Федерации», постольку возникает вопрос о

---

<sup>1</sup> <https://news.myseldon.com/ru/news/index/247818293>

<sup>2</sup>

реализации такого права лицами, не имеющими российского гражданства. Здесь, конечно, выравнивает правовую ситуацию часть 3 статьи 62, но усмотренческие риски вполне могут себя проявить. Это в сфере прав человека вообще, а применительно к правам ad hoc, в частности, весьма болезненно.

Далее. Помилование по умолчанию есть прерогатива федеральной власти, что четко определено в п. «о» ст. 71 Конституции России: помилование находится в ведении Российской Федерации. Соответственно, в реализацию процедуры помилования закономерно включены соответствующие федеральные публичные органы: глава государства, Администрация Президента Российской Федерации, органы ФСИН. В этой связи возникает вопрос, насколько соотносится с этим конституционным императивом участие главы субъекта Российской Федерации в процедуре помилования. Как следует из Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации<sup>1</sup>, именно главе субъекта Российской Федерации передаются материалы, рассмотренные комиссией по вопросам помилования субъекта Российской Федерации<sup>2</sup>. В числе задач такой комиссии «подготовка заключений по материалам о помиловании для дальнейшего представления высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)» (п. 2).

Роль главы субъекта в процедуре помилования, как представляется, целесообразно ограничить утверждением состава комиссии по вопросам помилования на территории конкретного субъекта. В этом случае не будет противоречия между конституционным отнесением помилования к ведению Российской Федерации и включенностью в нее публичного лица субъекта Российской Федерации. Более того «выведение» главы субъекта из процедуры помилования позволит как минимум сократить срок «движения» ходатайства.

На проблему включенности в процедуру помилования главы субъекта Российской Федерации было обращено внимание следующим образом: «При существующей схеме помилования высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 14.12.2020 № 787 (ред. от 15.11.2021) «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации») // [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_370772/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370772/)

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/12125251/?ysclid=lb6bf610g859877951>

субъекта РФ) оказывается инстанцией излишней. Представляется, что интересы помилования, как конституционного института, требуют модернизации механизма помилования, необходимости повышения статуса комиссий по вопросам помилования, заключения которых должны представляться непосредственно Президенту РФ, минуя глав субъектов Федерации. Последние должны оказывать комиссиям разнообразную помощь и поддержку, однако в своем участии в помиловании не должны их подменять» [17].

Следующая конституционная характеристика института помилования в России выражается в том, что прерогатива помилования в силу п. «в» ст. 89, принадлежит Президенту Российской Федерации: именно он «осуществляет помилование». Реализация главой Российского государства этого исключительного полномочия выражается в принятии как соответствующих нормативных указов, определяющих субъектный состав, процедурные и информационные аспекты процесса помилования, так и индивидуальных актов в отношении конкретного помилованного лица. И здесь можно привести интересную и «говорящую» статистику. «Так, если в 2000 г. помилование было применено в отношении 12 836 осужденных, то уже в 2001 г. – только в отношении 27 осужденных, т.е. помилование сразу резко сократилось в 475 раз. С 2002 по 2012 г. количество помилованных колебалось от 0 до 283, а с 2013 до 2019 г. от 2 до 7 в год (2013 – 5; 2014 – 2; 2015 – 2; 2016 – 6; 2017 – 4; 2018 – 5; 2019 – 7). В 2020 г., согласно данным официального сайта Президента РФ, было помиловано 5 человек» [15].

К каким выводам эти цифры подталкивают исследователей? К диаметральному: от выражения сомнения в необходимости существования института помилования в России («... единичные случаи помилования в России говорят о том, что этот институт в настоящее время потерял свою актуальность. Нет необходимости в существовании комиссий по вопросам помилования в каждом субъекте Российской Федерации, по результатам деятельности которых удовлетворяются только нескольких прошений в год» [18, с. 55]) до предложения вернуться к полемике о законодательном урегулировании помилования в России («... новеллы новой регламентации рассмотрения ходатайств осужденных о помиловании не дают надежд на расширение практики помилования. Более того, неоднократные и не очень успешные попытки улучшить нормативную регламентацию применения помилования в совокупности с практикой «затухания» применения этого института возрождают полемику начала XXI в. о необходимости разработки и принятия федерального закона о помиловании» [15, с. 227]).

Что касается законодательного упорядочения отношений, связанных с помилованием, отметим, что принятию его не препятствует ч. 1 ст. 76 Конституции России, согласно которой по предметам ведения Российской Федерации «принимаются ... федеральные законы...». Помилование определенно связано с правами человека, поэтому законодательное регулирование такого рода отношений было бы не лишним. Однако прерогативный характер полномочия главы государства осуществлять помилование на законодательной основе не представляется целесообразным.

При этом вполне разумными полагаем предложения о включении института Уполномоченного по правам человека в принятии участия в процедуре государственного прощения. Так, если сохранится указанный порядок помилования, то Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации необходимо включить в состав комиссии по вопросам помилования соответствующего субъекта. Такое предложение основано и на предназначении регионального омбудсмана, и на его интегрирующей роли публичных органов и институтов гражданского общества, к каковым и относится комиссия по вопросам помилования. Если же будет реализован законодательный порядок помилования, то Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации целесообразно включить в число лиц, которые наряду с адвокатом, родственниками, общественными организациями могут мотивированно ходатайствовать о помиловании того или иного лица.

В любом из предложенных вариантов ожидается, что Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации будет продолжать удерживать вопросы помилования в фокусе своих профессиональных правозащитных интересов.

### **Список литературы**

1. Мархгейм М.В. Права ad hoc: нюансы конституционной идентификации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 4 (143). С. 90-94.
2. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49.
3. Ромашов Р.А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4 (20). С. 4-7.

4. Баскакова В.Е. Институт помилования в России: проблемы и перспективы развития // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 61-63.
5. Хартулари К.Ф. Право суда и помилования как прерогативы российской державности (сравнительное историко-законодательное исследование). Общая и особенная части. СПб, 1899. С. 9-10.
6. Гукасов, И.А. Институт помилования в Российской Федерации: конституционно-правовые начала [Текст] / И.А. Гукасов: дис.. канд. юрид. наук, Краснодар, 2008. 175 с.
7. Левашова О.В. Амнистия и помилование как поощрительные нормы уголовного права России. Елец, 2016.
8. Азиз К., Сатарова А.М. Право на помилование: институт, политический и конституционный замысел // Вестник научных конференций. 2016. № 12-5 (16). С. 14-15.
9. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Дефицит милосердия как проблема в современном обществе и роль комиссий по вопросам помилования в его снижении // Вестник Академии знаний. 2013. № 4 (1). С. 210-214.
10. Брежнев О.В. Конституционное полномочие Президента Российской Федерации по осуществлению помилования: проблемы правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.
11. Некрасов А.П., Некрасов В.А. Помилование в России: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 27 (318). С. 78-80.
12. Миненок М.Г. Институт помилования: теоретические, нормативные и практические аспекты // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 2-1 (16). С. 34-39.
13. Родионова Н.С., Минасян А.К. Проблемы реализации права на помилование // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 16 (50). С. 18-20.
14. Баскакова В.Е. Становление и развитие института помилования в государствах – участниках СНГ // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 171-177.
15. Селиверстов В.И. Помилование в Российской Федерации: новеллы 2020 года и их влияние на расширение практики помилования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 222-228.
16. Скопинцева В.В. К вопросу о процедуре помилования в Российской Федерации // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2020. С. 118-123.

17. Гукасов И.А. Помилование как конституционно-правовой институт // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 55.
18. Чередниченко Е.Е. К вопросу о необходимости существования института помилования в России // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 72-74.

**Белоусов Николай Васильевич,**  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна,**  
заведующий кафедрой конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор  
(Белгород, Россия)

## **ИНТЕРЕСЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация.** В статье представлены результаты некоторых решений Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющие сделать вывод об интерпретационном вкладе органа высшего судебного контроля в категорию «интерес».

**Ключевые слова:** интерес, публичные интересы, баланс, Конституционный Суд, субъективные права.

Разрабатывая конституционно-отраслевую теорию интересов [1, с. 516-523; 2, с. 56-60], считаем необходимым обратиться к анализу решений российского органа высшего конституционного контроля – Конституционного Суда. Полагаем, это целесообразно ввиду нашей доктринальной приверженности позиции, согласно которой «решения Конституционного Суда Российской Федерации, с одной стороны, являются правоприменительными актами, с другой – источниками права и им присуща материально-правовая сила закона. Прецеденты, создаваемые судом, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они являются правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений» [1, с. 533-551].

Полномочия Конституционного Суда по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод (ч. 3 ст. 3 и ст. 53 Федерального

конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»<sup>1)</sup> опосредуют серию решений по жалобам, поданным представителями в интересах конкретных лиц<sup>2)</sup>. Конечно, категория таких дел объективно многочисленна по причине привлечения в качестве представителей лиц, обладающих специальными юридическими знаниями.

Как последующий показал анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации, рассматриваемые им интересы можно сгруппировать по критерию юридической природы субъекта:

– публичные – экономические интересы Российской Федерации<sup>3)</sup>; финансовые интересы государственного предприятия<sup>4)</sup> и др.;

– частные – интересы недееспособных граждан<sup>5)</sup>, интересы несовершеннолетних детей<sup>1)</sup>, интересы физических лиц<sup>2)</sup>, имеющих вклады в банках, законные интересы инвесторов<sup>3)</sup> и др.

---

<sup>1)</sup> Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

<sup>2)</sup> См., например: определения Конституционного Суда РФ от 29.03.1995 г. № 11-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы, направленной в Конституционный Суд Российской Федерации адвокатом Цой Раисой Александровной, представляющей интересы гражданки Ярловой Нины Петровны»; от 26.01.2010 г. № 35-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешина Юрия Петровича, поданной в интересах Терешина Дмитрия Юрьевича, на нарушение его конституционных прав неприменением судом статьи 94 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 14, пунктов 2-4 статьи 26 и пункта 4 статьи 27 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью» и др. // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>3)</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2002 г. № 87-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бекижевой Ольги Николаевны и Федорюка Сергея Юрьевича на нарушение их конституционных прав положениями Закона Российской Федерации "О таможенном тарифе", Постановления Верховного Совета Российской Федерации "О введении в действие Закона Российской Федерации "О таможенном тарифе", Федерального закона "О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами" и статьи 125 Таможенного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>4)</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.1998 г. № 193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы государственного предприятия "Вологдаоблкоммунэнерго" на нарушение его финансовых интересов действиями федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>5)</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 г. № 665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стручковой Надежды Владимировны в интересах недееспособного гражданина С. на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

В рамках данной работы акцентируем внимание на «балансировании» интересов, которое часто подчеркивает в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации.

Из всех представленных вариантов баланса, считаем одним из ключевых подход Конституционного Суда Российской Федерации к конституционно-правовому балансу интересов как цели в судебной практике, опосредующей обеспечение «конституционного истолкования применяемых нормативных положений, исходя из чего в процессе осуществления дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается ущемление гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод»<sup>4</sup>.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, обуславливающее необходимость соблюдения баланса интересов и внедрения общефедеральных стандартов во всех сферах жизнедеятельности субъектов Российской Федерации, не исключает, однако, возможность

---

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 г. № 3035-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захарова Романа Ивановича и Захаровой Надежды Николаевны, действующей в своих интересах и в интересах своих несовершеннолетних детей, на нарушение их конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 г. № 2276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жубанова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями 2 и 3 статьи 1 Федерального закона "Об особенностях погашения и внесудебном урегулировании задолженности заемщиков, проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, и внесении изменений в Федеральный закон "О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>3</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2008 г. № 926-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб компании "JPM Partners LDC" на нарушение конституционных прав и свобод положениями части десятой статьи 26 Федерального закона "О рынке ценных бумаг", статьи 13 Федерального закона "О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг", части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>4</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 2.

определенных особенностей их правового статуса, связанных с факторами исторического, национального, территориального и иного характера, что позволяет федеральному законодателю в рамках предоставленной ему дискреции устанавливать различный порядок утверждения тех или иных нормативных актов в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом особенностей их правового статуса и обусловленной ими специфики местного самоуправления<sup>1</sup>.

Таким образом, баланс коррелируется между интересами государств и его субъектов.

О балансе публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника Конституционный Суд Российской Федерации в связи с мерой Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», порядок применения которой «позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью, и не предполагает лишение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять в суде любые допустимые доказательства в подтверждение законного происхождения средств, затраченных на приобретение того или иного имущества, а также не препятствует суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации, а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества»<sup>2</sup>.

В исследуемых решениях баланс отмечается «между правами и свободами участников судопроизводства и правомерными публичными

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1996 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1 и пункта 4 статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года "О дорожных фондах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 29. Ст. 3543.

<sup>2</sup> См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

интересами общества и государства в контексте конкретизации конституционного права граждан защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), а также конституционной гарантии на судебную защиту (ч. 1 ст. 46)»<sup>1</sup>.

Конституционным Судом констатирован баланс непосредственно между частными и публичными интересами, обеспеченными дифференциацией в рамках пенсионной системы категорий граждан профессиональной деятельности с учетом ее специфики<sup>2</sup>.

В контексте субъективных прав также отмечается баланс частных и публичных интересов. К примеру, «раскрывая содержание права на судебную защиту как одного из неотчуждаемых прав человека и одновременно как гарантии и средства обеспечения всех других прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации неизменно исходит из того, что оно предполагает наличие институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом баланс между частными и публичными интересами»<sup>3</sup>.

Здесь же уместно в связи со свободой совести и вероисповедания упомянуть баланс интересов верующих (их объединений) и светских институтов. Так, «принимая во внимание сочетание в религиозной свободе индивидуальных и коллективных, частных и публичных начал, нормативный порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания требует соотнесения с порядком осуществления иных конституционных прав и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд,

---

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 г. № 160-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карабутова Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 16.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2021 г. № 59-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яценко Александра Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 8 Федерального закона "О страховых пенсиях"» // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 17.09.2022 г.).

<sup>3</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.01.2021 г.

стремиться к разумному балансу интересов верующих (их объединений) и светских институтов»<sup>1</sup>.

Обратим внимание на еще одну категорию, предлагаемую Конституционным Судом Российской Федерации – баланс интересов социально-экономического развития, технического прогресса и связанных с ними прав граждан, с одной стороны, и интересов сохранения исторического и культурного наследия, защиты окружающей среды и связанных с этим прав в духовно-культурной сфере – с другой. Этот баланс упоминается в связи с положениями Градостроительного кодекса Российской Федерации о «проведении публичных слушаний по вопросам выработки градостроительных решений и действующими в системном единстве с нормами законодательства об объектах культурного наследия и природоохранного законодательства, создающими необходимую нормативную правовую базу для реализации предписаний Конституции Российской Федерации об охране окружающей среды, памятников истории и культуры, обеспечения экологических и культурных прав граждан. Данные нормы направлены на обеспечение комплексного учета интересов населения, а также того баланса интересов, который мы ранее указали»<sup>2</sup>.

В порядке резюме отметим, что более детальное исследование решений Конституционного Суда Российской Федерации, на наш взгляд, выявит более широкий спектр субъектов адресации интересов и их вариаций.

Полагаем, перспективное для дальнейшей доктринальной разработки категорию не только интересов, но и «баланса интересов» на с учетом эмпирической основы, представленной решениями судебного органа высшего конституционного контроля.

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой» // СЗ РФ. 2019. № 47. Ст. 6737.

<sup>2</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга "О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге", статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга "О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

### Список литературы

1. Белоусов Н.В. Формализация интересов социальных субъектов в конституциях стран СНГ // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 3. С. 516-523.
2. Белоусов Н.В., Мархгейм М.В. Формализация интересов властных субъектов в конституциях стран Восточной Европы // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2021. № 9 (136). С. 56-60.
3. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма, 2013. 559 с.

**Берент Ксения Александровна,**

аспирант кафедры конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

**Мархгейм Марина Васильевна,**

заведующий кафедрой конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор,  
(Белгород, Россия)

### УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ КАК ГАРАНТИЯ ПРИНЦИПА НАРОДОВЛАСТИЯ

**Аннотация:** Реализация принципа народовластия в правосудии Российской Федерации воспринимается общественностью довольно неоднозначно. В статье рассмотрены основные подходы к деятельности института присяжных заседателей. Определен вектор развития судопроизводства с участием присяжных заседателей, а также обозначена его роль в осуществлении народом государственно-властных полномочий в управлении делами государства.

**Ключевые слова:** народовластный принцип, демократия, присяжные заседатели, народные заседатели, правосудие, судопроизводство, реформа суда присяжных.

Базовый закон Российской Федерации провозглашает нашу страну демократическим государством [1]. Идея демократизма, прежде всего, воплощается в реализации принципа народовластия.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации Н.В. Витрук справедливо подчеркивал, что «суверенитет народа и народовластие находятся в органическом единстве: суверенитет народа служит основой, источником власти народа, порождает народовластие» [2]. Согласно его мнению, власть народом реализуется свободно, самостоятельно, а также сообразно его суверенной воле и собственным интересам [2]. Судебная власть России в данном случае не является исключением и также дает возможность представителям общественности принимать непосредственное участие в решении конфликтов правового характера.

Неразрывную связь демократизма и равного доступа граждан к правосудию отмечала в своих трудах и М.В. Мархгейм, указывая на то, что Конституция Российской Федерации предусматривает указанный доступ в двух ипостасях – народовластной и правозащитной [3].

Сегодня конституционный принцип народовластия в российском судопроизводстве может реализовываться посредством равного доступа граждан к замещению должностей судей и участия в рассмотрении судебных дел в качестве присяжных заседателей. Если в первом случае вопросов по большому счету не возникает, то вторая реалья, как правило, концентрирует вокруг себя немалое количество споров.

В сообществе ученых-правоведов, а также юристов-практиков, участие представителей общественности в отправлении правосудия является весьма полемическим предметом внимания невзирая на то, что такое право прямо предусмотрено статьей 32 Конституции России. Проблемные вопросы ставятся по-разному: какова необходимая степень привлечения граждан к осуществлению правосудия? Насколько совершенно законодательство в области регулирования деятельности присяжных заседателей и какие положения требуют дополнений? Соответствует ли вынесение вердикта на основе личного предубеждения ключевому принципу правосудия – справедливости? И, наконец, целесообразно ли вообще привлекать к отправлению правосудия лиц, не имеющих профессионального юридического опыта и образования?

Безусловно, есть и обратная сторона медали, заключающаяся в положительном отношении к институту присяжных заседателей. Так, например, А.Н. Шипилов, будучи в 2016 году председателем Белгородского областного суда, отметил, что в целом институт присяжных заседателей достаточно крепко укоренился в судебной системе нашего государства и зарекомендовал себя с весьма положительной стороны. Кроме того, его функционирование способствует повышению общественного доверия к суду [4].

Аналогичная точка зрения и у председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова: «Я – за суд присяжных заседателей. Нужно думать над тем, как расширить его юрисдикцию» [5]. Под расширением юрисдикции института присяжных заседателей В.В. Момотов подразумевает возможность участия граждан в отправлении гражданского правосудия наряду с уголовным. Таким образом, налицо не только поддержка уже существующего порядка деятельности присяжных заседателей, но и призыв к так называемой экспансии рассматриваемого института.

Рассуждая об увеличении полномочий суда присяжных, нельзя обойти вниманием мнение В.В. Путина на этот счет. Глава государства неоднократно в своих выступлениях подчеркивал важность данного института и призывал рассмотреть возможность расширения полномочий, что, собственно, и стало отправной точкой подписания им Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». Этот закон по праву принято считать началом реформ института присяжных заседателей, ввиду существенных нововведений, таких как:

- введение суда присяжных в районных и военных судах;
- дополнение перечня составов преступлений, предусматривающего их рассмотрение с участием коллегии присяжных заседателей;
- сокращение численности коллегии с 12 до 6 с предоставлением им полной автономии в принятии решений.

Но в плане расширения компетенции присяжных заседателей трудно не согласиться с высказыванием Н.В. Стус, которая совершенно справедливо отметила следующее: «При обсуждении вопроса о расширении полномочий суда присяжных традиционно звучит мнение о громоздкости этой процедуры, трудностях при формировании коллегии присяжных, длительности процесса» [6].

Ведь действительно, всю деятельность суда присяжных в целом, как правило, зачастую связывают со значительными финансовыми затратами, нежеланием представителей коллегии присяжных заседателей принимать участие в длительных судебных процессах, сложностью формирования вопросного листа и др., не говоря уже о расширении компетенции института присяжных заседателей. Закономерным образом вызвал резонанс и упомянутый выше федеральный закон.

Еще более проявились и до этого времени существующие уязвимые места деятельности присяжных заседателей. В основном это проблемы организационного и материально-технического характера, например,

переоборудование залов судебных заседаний, осуществление дополнительной работы по оформлению и составлению списков кандидатов в присяжные заседатели, а также выплаты за выполнение функций присяжного заседателя.

Вместе с этим, ряд ученых-процессуалистов считают, что упразднение ранее действовавшего (до 2003 года) института народных заседателей не совсем оправдано. Среди мнений высказываются идеи о совместном существовании институтов народных и присяжных заседателей. Так, А.А. Тарасов считает, что «сочетание данных форм судопроизводства послужило бы реализации конституционного права россиян на участие в отправлении правосудия», подчеркивая необходимость ограничения деятельности суда присяжных ввиду организационных пробелов [7].

Важно отметить, что указанные формы участия граждан в отправлении правосудия существенно отличаются. Если присяжными заседателями вердикт выносится самостоятельно в совещательной комнате, то народные заседатели такой самостоятельностью не характеризовались, так как решение выносилось вместе с профессиональным судьей. Возникает справедливое замечание: а можно ли в таком случае причислить участие граждан в отправлении правосудия в качестве народных заседателей к народовластию? Аргументируя данный тезис, можно исходить из того, что при совместном решении правового вопроса, народный заседатель, вероятнее всего, окажется зависим от мнения профессионала, ввиду отсутствия у первого специальных знаний, что нарушает идею самостоятельности в отправлении правосудия гражданами.

Несколько иначе на поставленный вопрос ответил бы Л.В. Головкин, который подчеркивает необоснованно прижившийся за народными заседателями стереотип о «кивалах» [8]. В целом позиция сторонников возрождения народных заседателей строится на том, что непрофессиональность данной категории субъектов отправления правосудия является, так скажем, особенностью такого вида судопроизводства, суть которой заключается в привлечении «народного духа».

Большинство исследователей в своих научных трудах отмечают, что отсутствие глубоких правовых знаний и профессионального опыта у лиц, привлекаемых к отправлению правосудия, может служить «триггером» к возникновению давления со стороны защиты или же обвинения, что, следовательно, может привести к вынесению ими неверного решения. Д.В. Земцова, напротив, убеждена, что и высокая правовая грамотность не дает гарантий от судебных ошибок, указывая на то, что оправдательные

приговоры в десятки раз чаще выносятся именно с участием присяжных заседателей, нежели «традиционным судом» [9].

Несмотря на весьма продолжительное существование народного элемента в отправлении российского правосудия, споры по данному вопросу не прекращаются. По нашему мнению, любая форма участия граждан в отправлении правосудия является неоспоримым признаком демократии. Необходимо подчеркнуть, что всеобъемлющее привлечение граждан к отправлению правосудия посредством различных форм их участия, повышает общественное правосознание и, безусловно, доверие к судебным органам и правосудию в целом.

В заключение хотелось бы отметить, что пренебрежение народовластным принципом в правосудии означало бы пренебрежение личностью в демократическом государстве. Важно понимать, что эффективной реализации конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия будет способствовать всеохватывающее совершенствование института присяжных заседателей, а также устранение пробелов материально-технического характера, вызванных последней реформой. Только комплексный подход к развитию рассматриваемого института сделает суд присяжных реально действующим механизмом в российском правосудии.

### **Список литературы**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Конституционно-правовые основы народовластия в России и Италии [Электронный ресурс]. Материалы V Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. – Москва : РАП, 2012. С. 5-18. – ISBN 978-5-93916-343-9. – Текст : электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/517492> (дата обращения: 19.11.2022)
3. Мархгейм, М. В. Доступ к правосудию – фактор совершенствования правозащитного механизма России / М. В. Мархгейм // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2004. № 1-2. С. 79-92.
4. БелПресса. Председатель Белгородского областного суда Алексей Шипилов: Суд присяжных повышает доверие к судебной системе. URL: <https://www.belpressa.ru/13345.html#> (дата обращения 19.11.2022)

5. Российская газета. Предложено ввести присяжных в гражданские процессы. URL: <https://rg.ru/2020/03/05/predlozhenovvestiprisiazhnyhvgrazhdanskiel-processy.html> (дата обращения 19.11.2022)
6. Стус Н. В. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт правового регулирования // Правовое регулирование: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 29 апреля 2021 года. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом-Юг», 2022. С. 85-101.
7. Тарасов, А. А. Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тарасов Александр Алексеевич. – Самара, 2001. 417 с.
8. Головкин Л. В. Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 40-49.
9. Земцова Д.В. Актуальные проблемы суда присяжных в Российской Федерации // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6 (часть 2). С. 20-21.

**Бойченко Елена Михайловна,**  
аспирант кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна,**  
заведующий кафедрой конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор,  
(Белгород, Россия)

## **КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация:** Термин «публичная власть» получил официальное закрепление в конституционных нормах в 2020 г. Акцентируются некоторые особенности конституционно-правового статуса органа публичной власти в Российской Федерации. Отмечено, что конституционно-правовой статус органа публичной власти является одной из его ключевых характеристик. В статье обращено внимание на изменения статей 132 и 133 Конституции

Российской Федерации. Сделан вывод, что данные конституционные нормы являются основой статуса органа публичной власти в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, публичная власть, орган публичной власти, конституционно-правовой статус.

Публичная власть в Российской Федерации представлена государственными органами и органами местного самоуправления. Данные элементы публичной власти являются взаимосвязанными и обособленными одновременно. Публичная власть в Российской Федерации включает в себя два ее уровня – государственный (федеральный и субъектов Российской Федерации) и муниципальный. Деятельность элементов публичной власти реализуют органы государственной власти и местного самоуправления.

Внесение в Конституцию России [1] поправок 2020 г. определило актуальность разработки научных подходов к понятиям «публичная власть», «орган публичной власти», «конституционно-правовой статус органа публичной власти». Большинство изменений в этом смысле коснулись 132 статьи Конституции, которую можно позиционировать теперь как основу правового регулирования публичной власти. В связи с данными изменениями следует провести исследование конституционно-правового статуса органа публичной власти, согласно содержанию норм российской Конституции.

Неотъемлемым признаком органа публичной власти является его конституционно-правовой статус. Данный статус обосновывается содержанием норм определенных правовых отраслей. Положения Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» определяют конституционно-правовой статус органа власти как «совокупность его прав и обязанностей, характеризующих его правовое положение в системе разделения властей, закрепленных нормами конституционного права» [2].

Несмотря на то, что в статье 123 Конституции России упоминается правовой термин «публичная власть», самой трактовки публичной власти главный закон государства не дает, указывая лишь компоненты публичной власти и их направленность, которая, согласно части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации, представляет собой «взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Однако в другом нормативном правовом акте – Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской

Федерации» [3] – дана трактовка понятия «система публичной власти». Согласно нормам данного законодательного акта, система публичной власти содержит «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности».

Отметим, что до принятия конституционных поправок в 2020 г., в российском законодательстве отсутствовало понятие органа публичной власти. С принятием поправок, были определены следующие положения, характеризующие конституционно-правовой статус органа публичной власти:

- ведение органами публичной власти происходит на федеральном уровне;
- органы публичной власти являются движущими политическими силами в Российской Федерации;
- структура органов публичной власти, их функции и полномочия определяются конституционными нормами.

Проанализируем содержательные компоненты конституционно-правового статуса органов публичной власти.

Как отмечалось выше, среди органов публичной власти выделяют органы государственной власти и органы местного самоуправления. Органы государственной власти реализуют свои полномочия на федеральном уровне или на уровне субъектов РФ. В этом случае они носят название региональные. Органы местного самоуправления осуществляют деятельность локального характера в городах, сельских поселениях и т.д. Местное самоуправление позиционируется Конституцией Российской Федерации как особая категория публичной власти [4, с. 99].

Помимо вышеуказанного разделения органов публичной власти Российской Федерации на федеральные, региональные и местные органы власти, существует деление и государственной власти, которое содержится в статье 10 Конституции Российской Федерации, согласно которой функционально выделены законодательная, исполнительная и судебная государственная власть.

Создание определённой структуры органов публичной власти происходит на государственном уровне. Алгоритм формирования органов публичной власти и направления их деятельности закрепляются текущим законодательством на федеральном уровне. Каждый орган, входящий в

систему публичной власти, имеет собственные полномочия. Решения, принимаемые органом публичной власти, обязательны для исполнения.

В статье 132 Конституции России была введена норма части 3, а именно «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Содержанием данной нормы определяется то, что органы местного самоуправления и органы государственной власти находятся в единстве как элемент системы публичной власти Российской Федерации.

Полномочия различных органов публичной власти по своему содержанию являются неоднородными. Из анализа конституционных нововведений следует, что органы государственной власти получили расширенное влияние в отношении процесса формирования органов самоуправления на местном уровне.

Следует отметить, что органы публичной власти в России должны быть единой целостной системой, элементы которой тесно взаимосвязаны друг с другом.

Необходимо упомянуть и об изменениях в статье 133 Конституции России. Её положения свидетельствуют о том, что власть органов власти на местном уровне носит публичный характер. Указывается и то, что полномочия данных органов имеют государственное значение. Ранее такое право было присуще только органам власти на федеральном уровне.

Таким образом, внесение поправок в некоторые конституционные нормы является объектом научного анализа и поиском разрешения проблем реализации конституционных норм, связанных с органами публичной власти, на практике. Определение конституционно-правового статуса органа публичной власти как вопрос, подлежащий научному исследованию, носит перспективный характер.

Анализ конституционных норм, содержащихся в поправках к статьям 132 и 133 Конституции России позволяет сделать вывод, что они являются основой конституционно-правового статуса органа публичной власти.

#### **Список литературы:**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://kremlin.ru/acts/constitution>

2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
3. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.
4. Лебедева, К. Д. Понятие и основные признаки (черты) правового положения органа публичной власти / К. Д. Лебедева // Молодой ученый. 2020. № 29 (319). С. 99-101.

**Гафуров Денис Витальевич**  
аспирант кафедры конституционного и  
международного права юридического института  
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный  
национальный исследовательский университет»  
(Москва, Россия)

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна,**  
заведующий кафедрой конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор,  
(Белгород, Россия)

## **КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ**

**Аннотация:** В статье на основе анализа научного материала, Конституции России, иных правовых источников поднимается проблема реализации конституционных гарантий на оказания доступной и качественной медицинской помощи. Рассмотрены основные препятствия, негативно влияющие на охрану здоровья граждан. Представлен анализ существующих в российском законодательстве нормативных правовых актов в сфере здравоохранения регламентирующие правила предоставления доступной и качественной медицинской помощи. Сделан вывод о заинтересованности научного и профессионального сообщества к более детальной проработке выделенной проблемы в целях усовершенствования системы здравоохранения.

**Ключевые слова:** конституция, гарантии на оказания медицинской помощи, право на охрану здоровья, качество медицинской помощи, доступность медицинской помощи, медицинское право, здравоохранение.

Целью государства является формирование стабильного и здорового общества, в связи с чем необходимо уделить особое внимание оказанию населению высококвалифицированной и доступной медицинской помощи. Тем самым, решение проблем в области охраны здоровья благоприятно скажется на сформированной и действующей системе здравоохранения.

Необходимая государственная политика в области организации здравоохранения должна строиться на основе объемов потребности населения в оказании медицинской помощи. Именно гарантии в оказании медицинской помощи являются основой для сохранения устойчивой системы здравоохранения.

В настоящее время в Российской Федерации действуют гарантии в оказании доступной и бесплатной медицинской помощи гражданам. Так, в статье 41 Конституции Российской Федерации, которая входит в разряд норм основ правового статуса личности, закреплено положение, в связи с которым «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1].

Благодаря поправкам в Конституцию Российской Федерации, принятым в июле 2020 года, впервые закрепляются понятия доступности и качества медицинской помощи. Так, статья 72 Конституции Российской Федерации была изложена в следующей редакции: «координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение».

Отметим, что ранее гарантии в оказании доступной и качественной медицинской помощи были отражены в статье 10 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В настоящей статье регламентируется, что оказание доступной и качественной медицинской помощи осуществляется путем организации медицинской помощи по принципу территориальной близости к месту проживания, работы или обучения, достаточным уровнем укомплектованности медицинского

персонала для оказания медицинской помощи, оснащением медицинских организаций необходимым медицинским оборудованием, в том числе для оказания высококвалифицированной медицинской помощи населению, а также применением телемедицинских технологий [2].

Для устранения основополагающих препятствий в области доступности и качества медицинской помощи в современном российском здравоохранении необходимо закрепить гарантии оказания медицинской помощи на всей территории Российской Федерации не только де-юре, но и де-факто. [3].

К сожалению, в современных реалиях существуют неочевидные случаи, связанные с миграционными процессами. Например, гражданин фактически поменял место проживания, но не поменял постоянную регистрацию, тем самым сталкивается с незаконным отказом в предоставлении медицинской помощи, которая гарантирована ему Конституцией Российской Федерации.

Зачастую нарушение гарантий прав граждан на оказание доступной медицинской помощи связано с нежеланием руководителей медицинской организации проходить более сложную процедуру с получением оплаты за медицинскую помощь со страховой компании, расположенной в другом регионе, что ведет к отказу в получении плановой медицинской помощи [4].

Можно отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации существует острая потребность в осуществлении медицинской помощи путем привлечения санитарной авиации. В связи с высокой стоимостью вылета санитарной авиации для оказания медицинской помощи в регионах наблюдается нехватка финансирования на развитие данной области. Тем самым затрудняется эвакуация больного пациента из малозаселенных и отдаленных населенных пунктов субъектов Российской Федерации [3, 5].

По итогам прошедшего в сентябре 2022 года Восточного экономического форума, Президентом Российской Федерации был утвержден перечень поручений от 19 октября 2022 г. № Пр-1991. Так, согласно пункту 1 подпункта «ж» Президентом Российской Федерации дано поручение «обеспечить начиная с 2023 года увеличение не менее чем в два раза по сравнению с 2022 годом объема бюджетных ассигнований федерального бюджета, направляемых на развитие санитарной авиации в Дальневосточном федеральном округе, в целях повышения доступности медицинской помощи для граждан, проживающих в труднодоступных районах» [6].

Отмечаем, что в поручении справедливо конкретизирован один федеральный округ, который на наш взгляд, из-за большой территории и

различных природных зон в первую очередь нуждается в модернизации санитарной авиации.

Для решения ряда проблем и реализации конституционных гарантий на получение доступной и качественной медицинской помощи было принято решение разработать отдельную Программу государственных гарантий в соответствии со статьей 80 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которую входит необходимый перечень оказания медицинской помощи (скорой медицинской помощи, первичной специализированной медицинской помощи и т.д.) [2].

Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов, утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 2505, устанавливает «перечень видов, форм и условий предоставления медицинской помощи, оказание которой осуществляется бесплатно, перечень заболеваний и состояний, оказание медицинской помощи при которых осуществляется бесплатно, категории граждан, оказание медицинской помощи которым осуществляется бесплатно, базовую программу обязательного медицинского страхования, средние нормативы объема медицинской помощи, средние нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи, средние подушевые нормативы финансирования, порядок и структуру формирования тарифов на медицинскую помощь и способы ее оплаты, а также требования к территориальным программам государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в части определения порядка и условий предоставления медицинской помощи, критериев доступности и качества медицинской помощи» [7].

Таким образом, Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи позволяет закрепить основополагающие принципы получения необходимого объема и уровня медицинской помощи, гарантированных гражданину Конституцией Российской Федерации.

Однако существует проблема безвозмездного и доступного получения лекарственных препаратов для амбулаторного лечения, не входящих в перечень Программы государственных гарантий. Пациентам приходится за свой счет приобретать необходимые медикаменты для лечения [4]. Проблема доступности лекарственного обеспечения негативно влияет на фактор доступности качественной медицинской помощи.

Также в целях реализации права на доступность в получении медицинской помощи Правительством Российской Федерации совместно с Минздравом России и ФМБА России осуществляется деятельность по модернизации первичного звена здравоохранения.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 9 октября 2019 г. № 1304 «Об утверждении принципов модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации и Правил проведения экспертизы проектов региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения, осуществления мониторинга и контроля за реализацией региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения» и приказу Минздрава России от 24 декабря 2020 г. № 1365 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации» установлены цели для совершенствования доступности первичной медицинской помощи. Так, согласно приказу, перечислены три основные цели реализации целевой программы, направленные на увеличение числа фельдшерских акушерских пунктов, в том числе в труднодоступных территориях, транспортную и пешую доступность вблизи места проживания, учебы или работы [8].

Так, на территории Российской Федерации до окончания целевой программы планируется построить или реконструировать 2 475 медицинских объектов, отремонтировать 6 439 зданий медицинских организаций, осуществить закупку 13 355 автомобилей и 66 574 единиц нового оборудования для первичного звена [8, 9].

Таким образом, раскрывая проблему доступности и качества медицинской помощи как конституционную гарантию, важно отметить, что существуют ряд препятствий, необходимых к устранению. Отметим, что законодателями предпринята попытка усовершенствовать (модернизировать) систему российского здравоохранения для реализации гарантий на получение гражданами доступной и качественной медицинской помощи. Заинтересованными органами государственной власти, в частности, Минздравом России, Росздравнадзором, ФМБА России проводится необходимая работа: для улучшения доступности и качества медицинской помощи; для повышения показателей рождаемости и продолжительности жизни, которые тесно сопрягаются с показателями уровня жизни и благополучия граждан.

В выводе отметим, что основополагающим фактором развития отечественного здравоохранения является обеспечение гарантий на доступную и качественную медицинскую помощь. Например, доступность в здравоохранении обеспечивает беспрепятственное получение медицинских

услуг вне зависимости от социальных или экономических возможностей гражданина.

В свою очередь, предоставление качественной медицинской помощи повышает и уровень жизни населения, и вероятность достижения желаемых результатов в здравоохранении.

### Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/)
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (посл. ред.) // Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_121895/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/)
3. Басова А. В. Конституционные гарантии доступности и качества медицинской помощи в свете конституционных поправок 2020 // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе. 2021. С. 20-24.
4. Гафуров Д. В., Гафурова В. А. Основные правовые механизмы, обеспечивающие охрану здоровья граждан в Российской Федерации // Российская наука в современном мире. – М.: Актуальность.РФ, 2022. С. 181-184.
5. Панова Л. В. Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. №. 2. С. 177-190.
6. Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума, состоявшегося 5–8 сентября 2022 года (пр-1991) // Официальный сайт Президента Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66958>
7. Постановление Правительства РФ от 28.12.2021 № 2505 (ред. от 14.04.2022) «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_405705/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405705/)
8. Постановление Правительства РФ от 09.10.2019 № 1304 (ред. от 08.04.2021) «Об утверждении принципов модернизации первичного звена здравоохранения Российской Федерации и Правил проведения экспертизы проектов региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения, осуществления мониторинга и контроля за реализацией

региональных программ модернизации первичного звена здравоохранения» Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_335028/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335028/)

9. Приказ Минздрава России от 24.12.2020 № 1365 (ред. от 30.12.2021) «Об утверждении ведомственной целевой программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Российской Федерации» Консультант Плюс: сайт [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_374803/88f7395ae4dbf5907f7ad148cc6ff5fc4a789356/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374803/88f7395ae4dbf5907f7ad148cc6ff5fc4a789356/)

**Гриневич Кристина Валерьевна,**  
аспирант кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ**

**Аннотация.** Эффективность мер регулирования жизнедеятельности общества во многом зависит от качества принятых в государстве нормативных правовых актов. Именно с этой целью в государстве действует система оценки качества нормативного правового акта, проведение в его отношении экспертизы для выявления, устранения или недопущения нарушения прав граждан особенно со стороны публичных властных субъектов. В рамках данной статьи автором уделено внимание отдельным регулятивным аспектам экспертизы нормативных правовых актов.

**Ключевые слова:** правовая экспертиза, нормативный правовой акт, эксперт, законотворчество, право, интерпретационная деятельность.

Институт правового регулирования является ключевым в деятельности любого демократического государства, а сам нормативный правовой акт выступает непосредственным подтверждением действенности механизма правового регулирования, его эффективности. Разработка и

совершенствование норм законодательства ввиду изменяющихся тенденций развития общества – приоритетная задача государства, а выявление законодательных пробелов лишь способствует принятию и актуализации норм права в соответствии с потребностями общества.

Наиболее оптимальным средством оценки нормативного правового акта на предмет злоупотребления правом является проведение правовой экспертизы в отношении такого акта. Экспертиза нормативных правовых актов главным образом заключается в сведении к минимуму в нормах и положениях тех негативных факторов и вытекающих из них последствий, которые отрицательно скажутся на жизнедеятельности общества, затронут права, свободы и интересы личности.

Анализ действующего законодательства позволяет говорить об отсутствии должного правового регулирования института экспертизы нормативных правовых актов. Ни один нормативный правовой акт не содержит легального определения правовой экспертизы, что в свою очередь порождает полемику в научном сообществе, приводит к постановке проблем прикладного значения. Безусловно, наличие различных подходов к определению экспертизы нормативных правовых актов имеет и свои положительные стороны, которые видятся в накоплении огромного теоретического пласта знаний в данном вопросе. Однако, как и любое другое правовое явление, дефинитивная пробельность не обходится без последствий. Плюрализм мнений среди правоведов не позволяет установить единство точек соприкосновения в понимании истинной природы правовой экспертизы нормативных правовых актов, ее целей, эффективности действия ее правовых механизмов.

Как ранее было отмечено, легальное определение правовой экспертизы в действующем законодательстве отсутствует. В доктрине, к примеру, Ю.В. Лебедев определяет правовую экспертизу, как некоторое исследование нормативного правового акта на предмет его соответствия и содержания как в целом, так и в части отдельных его фрагментов, непосредственно находящихся свое отражение в нормах законодательства [1, с. 64]. Содержательно более широкое определение дает А.Р. Корнилов, понимая под правовой экспертизой нормативных правовых актов уникальное исследование определенного объекта на основе соответствующей методики [2, с. 100].

Более предпочтительным считаем определение, данное А.В. Петренко. Автор понимает под правовой экспертизой деятельность уполномоченных субъектов по изучению объектов правовой сферы в установленной процессуальной форме с целью принятия юридически значимых решений и

последующего устранения конфликтов в интересах общества и государства [3, с. 46].

Таким образом, под правовой экспертизой нормативных правовых актов предлагается понимать деятельность квалифицированных субъектов органов государственной власти на предмет соответствия нормам Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, требованиям юридической техники, выявления и последующего устранения нарушений с целью повышения качества и эффективности действия принимаемого нормативного правового акта, соблюдения в таком акте прав и свобод человека, недопущения их нарушения.

Динамика возникновения и изменения общественных отношений в самых различных сферах жизнедеятельности государства и общества требует не только своевременного правового регулирования на региональном и муниципальном уровнях, но и должного соблюдения требований федерального законодательства, которые предъявляются к содержанию нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Соблюдение таких требований выступает неперенным мерилем качества разрабатываемых и издаваемых нормативных правовых актов и их проектов.

Определение предмета правовой экспертизы требует также определения нормативного правового акта, относительно требований к которому нередко возникают оценочные суждения. Под нормативным правовым актом следует прежде всего понимать изданный в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом документ, содержащий правовые нормы (правил поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений<sup>1</sup>.

В настоящее время правовое регулирование правовой экспертизы осуществляется: Конституцией Российской Федерации, устанавливающей верховенство над остальными правовыми актами законодательства (ст.ст. 4, 104)<sup>2</sup>, Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года №1-

---

<sup>1</sup> О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2007 №48 // Российская газета. 2007. № 276.

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г.

ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», предусматривающим деятельность института научной экспертизы, порядок его производства и требования предъявляемые к проведению<sup>1</sup>; Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» предоставляющем право омбудсмену поручать компетентным органам проведение экспертных исследований по поводу поступившей к нему жалобы<sup>2</sup>; Федеральным законом «Об Общественной палате Российской Федерации»<sup>3</sup>, а также Федеральным законом от 17 июля 2009 г. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»<sup>4</sup>.

Основные цели правовой экспертизы нормативных правовых актов подчинены выявлению и устранению в них недостатков, влияющих на качество правового регулирования общественных отношений, а также нарушающих единство правовой системы Российской Федерации.

При этом при определении качества нормативного правового акта следует обращать внимание на такие критерии как ценность и пригодность. В аспекте правовой экспертизы нормативных правовых актов ценность заключается прежде всего в теоретическом и практическом аспектах ее применения, а пригодность как средство подтверждения и решения социально значимых задач общества, государства.

При проведении правовой экспертизы нормативных правовых актов особое внимание должно уделяться в первую очередь нормативности принимаемого документа в плане его соответствия и непротиворечия уже действующему законодательству. Кроме того, необходимым условием является и внутренняя согласованность положений нормативного правового акта, отсутствие в них коллизий. В данном случае нормы должны отражать четкость, ясность и правильность своего изложения, придерживаться логической последовательности. Недопустимым является недосказанность при толковании понятий и правовых явлений.

---

№ 7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

<sup>1</sup> Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

<sup>2</sup> Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

Соблюдение указанных критериев позволяет прежде всего достигнуть правового единства, в частности в отношении правовой экспертизы. Любая деятельность строится на основе фундаментальных начал, в качестве которых выступают принципы. Деятельность по проведению правовой экспертизы также преследует цель соблюдения таких принципов, как независимость, всеобщность и профессионализм.

Наличие единого механизма и строго определенных требований к условиям проведения неоспариваемой экспертизы позволяет законодателю поддерживать на правовом уровне единство сущности правовой экспертизы, а также свести к минимуму уровень ошибок и неточностей со стороны экспертов [4, с. 27].

Кроме того, анализ действующего законодательства свидетельствует о важности применения при проведении правовой экспертизы научного подхода, который предполагает в первую очередь проведение экспертизы именно с профессиональной точки зрения, поскольку от качества принимаемых законопроектов, регламентирующих общественную жизнь, во многом зависит успешное и эффективное функционирование большинства государственных институтов [5, с. 119].

Можно с уверенностью утверждать, что сегодня существует необходимый методологический, нормативный и научный задел для того, чтобы обеспечить качественное проведение правовой экспертизы, создание «новой» юридической конструкции правовой экспертизы, которая будет заложена в основу всех видов юридической деятельности [6, с. 350].

В этой связи представляется необходимым тезисно обозначить проявление эффективности в части правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Эффективность позволяет наиболее оптимально и продуктивно достигнуть определенных результатов в любом виде деятельности в полной мере. В данном ключе эффективными в целях правовой экспертизы необходимо считать приоритетность прав и свобод человека и гражданина для государства, их обеспечение посредством реализации и должного отражения в нормах права.

Кроме того, показатели эффективности принимаемых законодателем правовых актов напрямую зависят от их качества, преодоления нигилизма и идеализма при принятии такого акта; способствуют улучшению жизни общества в целом; отражают сущность правового государства.

В современных условиях правовая экспертиза призвана обеспечить соответствие принимаемых норм права определенным лингвистическим, грамматическим, юридическим правилам и конструкциям с учетом их соответствия правовым актам высшей юридической силы и в целях

преодоления неточности, двусмысленности терминологического и категориального аппарата, а также для понимания истинной воли законотворческого органа, с последующим разъяснением субъектам правотворчества [3, с. 46].

Отсутствие на законодательном уровне правовой дефиниции не устанавливает, как таковых критериев ее проведения, не позволяет в должной мере судить о правильном подходе к ее определению различными субъектами, а вместе с тем и образует законодательный пробел, который на практике приводит лишь к плюрализму мнений относительно понимания правовой природы самой правовой экспертизы, механизма ее проведения.

### **Список литературы:**

1. Лебедев Ю.В. Правовая экспертиза // Southern almanac of scientific research. 2018. № 5. С. 63-69.
2. Корнилов А.Р. Правовая экспертиза: понятие, виды, цифровизация // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 1. С. 99-103.
3. Петренко А.В. Правовая экспертиза как средство правовой политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 3(46). С. 44-47.
4. Кич И.С., Старков Д.А. Правовая экспертиза нормативных правовых актов как механизм обеспечения эффективности законодательства // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 2. С. 24-28.
5. Кобец П.Н. Правовая экспертиза нормативных правовых актов – важнейшая стадия правотворческого процесса в государствах Европейского союза // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 118-122.
6. Плетников В.С., Плетникова М.С. Нормативно-правовое регулирование правовой экспертизы и юридическая практика // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 346-350.

**Дегтярев Сергей Николаевич,**  
преподаватель кафедры гражданского процесса и  
международного права юридического факультета  
Кубанского государственного университета  
(Краснодар, Россия)

## ПОНЯТИЕ ИНСТИТУТА БРАКА

**Аннотация.** В статье представлена систематизация научных подходов к дефинированию брака. Автором с учетом прогнозируемых научных положений, а также на основе современного российского законодательства дана трактовка института брака.

**Ключевые слова:** брак, институт брака, союз, факт, партнерство, договор, правоотношение.

В настоящее время в России, как и в большинстве зарубежных стран легальное определение брака отсутствует. Это «объясняется тем, что брак – сложное комплексное социальное явление, находящееся под воздействием не только правовых, но и этических норм, а также экономических законов, что ставило бы под сомнение полноту определения брака только с правовых позиций» [1, с. 73].

Полностью разделяем мнение Н.В. Орловой в том смысле, что «попытка дать законное определение понятия брака была бы бесплодной, поскольку это комплексный институт и юридическое определение неизбежно было бы неполным, ибо оно не могло бы охватить существенные признаки брака, лежащие за пределами права» [2].

Обращаясь к этому разработанному аспекту [3, с. 14-19] констатируем наличие следующих подходов в определении брака.

Итак, брак-договор (брак-сделка) в качестве «теории восходит к древнеримскому праву, где основные формы вступления в брак носили признаки именно гражданско-правовой сделки» [4, с. 405-407].

Что касается отечественного опыта, то в первые годы становления советской власти законодательно была закреплена концепция брака как «договора без правовых формальностей», предусматривавшая неформальное и заключение брака, и его расторжение; определения брака в законодательстве не содержалось.

Брак-партнерство актуально интерпретируют в настоящее время, однако, справедливо считают, что «данная концепция мало чем отличается от брака-договора – договора о совместной жизни, поскольку партнерство

предполагает построение отношений на эгалитаризме (паритетных началах)» [3, с. 14-19].

Брак-союз [5, с. 33] – соответствует официальной российской законодательной концепции: брак – это союз. Словарные трактовки также сопоставимы с данной концепцией: «брак как законный союз мужа и жены, супружество» [6, с. 299].

Заявленная концепция является наиболее распространенной и в правовой доктрине на протяжении длительного периода времени.

Римский юрист Модестин определял брак как «союз мужа и жены, соединение всей жизни, общность божественного и человеческого права. Это идеалистическое определение брака не соответствовало действительному положению: даже в классическую эпоху, когда римское право достигло наивысшего развития, женщина далеко не была равноправным товарищем своего мужа» [7, с. 62].

У отечественных правоведов советского и современного периодов концепция «брак-союз» также нашла поддержку. Для примера, А.И. Пергамент дефинировала брак как «заключенный в органах записи актов гражданского состояния свободный пожизненный союз между мужчиной и женщиной, основанный на полном равноправии, на взаимной любви и уважении сторон, целью которого является образование семьи» [8, с. 384]. Конечно, в последующем указанные в определении признаки были утрачены и, в частности Г.М. Свердлов представлял брак как «свободный и добровольный моногамный союз равноправных мужчины и женщины, образующий семью, порождающий права и обязанности супругов, заключаемый с соблюдением правил, установленных законом» [9, с. 96].

Справедливо сделать ремарку, что в настоящее время ученые все-таки возвращаются к утраченным признакам брака, понимая его как «союз женщины и мужчины, по идее, заключенный пожизненно с целью создания семьи» [10, с. 90].

Правоведы современности «также давая традиционное понятие брака как союза мужчины и женщины, влекущего за собой правовые последствия, вместе с тем одновременно расценивают его как форму отношений между лицами разного пола и как своеобразный символ для вступающих в брак и для государства» [11, с. 95].

В числе типичных в рамках рассматриваемой концепции можно указать формулировку брака как «союза мужчины и женщины, имеющего целью создание семьи, заключенного с соблюдением предусмотренных законом условий и оформленного в установленном или признаваемом правом порядке» [12, с. 24-30].

Брак-статус связывается с делящимся характером отношений супругов и приобретением нового семейного положения. Высказывают мнение, «брак-статус (состояние) – это брак-правоотношение со ссылкой на общую теорию права, которой известна концепция отнесения к категории юридических фактов состояний» [13, с. 34-37]. В правовой литературе многократно предложены о признании в качестве юридических фактов состояний, например состояние в браке, в родстве, свойстве и т.п. [14, с. 31].

Брак-юридический факт и отношение [3, с. 14-19; 15, с. 16] – в эту концепцию Н.Г. Юркевич «укладывает» брак как «возникающее в результате санкционированного государством соглашения сторон пожизненное (в принципе) правовое отношение между мужчиной и женщиной, содержание которого составляют предопределяемые императивными нормами закона субъективные права и юридические обязанности, опосредующие в установленных законом пределах общение сторон в интересах их самих, детей (если такие имеются) и общества» [16, с. 11].

Конечно, разработанные концепции являются условными и есть мнения, компилирующие рассмотренные подходы. Так, М.В. Кротов считает, что «брак следует понимать как единство двух понятий: брак – как юридический факт, порождающий отношения супружества, и брак – как особый правовой статус лиц, состоящих в браке» [17, с. 264-265].

В этом контексте особо хочется отметить, данную И.А. Трофимец дефиницию, синтезирующую все существующие доктринальные определения: «Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, достигших брачного возраста, построенный на чувствах взаимной любви и уважения, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния, при отсутствии препятствующих браку обстоятельств, порождающий правоотношения супружества, как личного, так и имущественного характера, заключаемый бессрочно с целью создания семьи (совместного проживания, ведения общего хозяйства, рождения и воспитания детей)» [13, с. 34-37]. Полагаем, в настоящее время это одно из конкретизированных определений брака, учитывающее его неотъемлемые, по большей части формализованные, признаки.

Наряду с научными теориями существуют клерикальные концепции происхождения брака как основы семьи. С самых ранних времен церковь активно высказывалась о браке и семье [18, с. 2123-2317]. Классические канонические правила представляют брак как «самое полное (физическое, нравственное, экономическое, юридическое, религиозное) общение между мужем и женой» [19, с. 5].

В данном ключе акцентируем внимание и на концепции, выходящие за юридическую плоскость. В числе таких – брак-таинство [20, с. 713]. Например, Д.И. Мейер писал: «С точки зрения религии брак представляется учреждением, состоящим под покровительством божества; по учению же православной церкви – даже учреждением, совершаемым с его участием, – таинством. Равным образом и закон нравственный независимо от религии принимает в свою область учреждение брака и признает его союзом двух лиц разного пола, основанным на чувстве любви, который имеет своим назначением – пополнить личность отдельного человека, неполную в самой себе, личностью лица другого пола...» [20, с. 713].

Резюмируя, отметим, из многообразия приведенных концепций, все-таки следует типичный набор признаков, характеризующих брак: субъектный состав, принципы, формализация, цель и законодательные процедуры и юридические последствия.

Конечно, необходимо обратить внимание на сопоставление брака и семьи, поскольку брак считается фундаментом семьи, «оба социальных института связаны и неразделимы. Семья, основанная на браке, служит наиболее благоприятной средой рождения и воспитания детей, имеет значение для продолжения человеческого рода. Данное обстоятельство объясняет внимательное и бережное отношение государства и самого общества к семье и браку» [21, с. 45-48].

Справедливо лаконичное мнение о том, что «брак является важнейшим основанием образования семьи» [22, с. 6]. Вместе с тем, брак и семья – нетождественные понятия, семья значительно шире, чем брак, поскольку брак всегда образует семью, более того, действующее законодательство закрепляет цель создания семьи в качестве условия действительности брака (ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации).

В рамках нашего исследования наиболее востребован и применим подход к пониманию брака как института особого рода [19, с. 5]. Высказанный тезис требует обращения к правовой теории вопроса. Здесь следует уточнить, что в юридической науке одним из самых широко содержательных определений правового института является следующее: «совокупность норм, регулирующих ту или иную область общественных отношений» [23, с. 29].

Акцент на типизации и однородности отношений сделан в определении правового института Л.И. Дембо («совокупность норм, очерчивающих определенное типизованное правоотношение» [24, с. 94]) и И.С. Самощенко («определенная группа правовых норм, регулирующих какие-либо

однородные общественные отношения, которые связаны между собой в качестве самостоятельной обособленной подгруппы» [25, с. 587]).

В большинстве своем теоретики права определение правового института сопоставляют с отраслью права: «совокупность правовых норм, регулирующих обособленную группу общественных отношений в рамках отрасли права» [26, с. 109]; «группа норм, объективно сложившихся внутри отрасли права» [27]; «часть отрасли права, регулирующая самостоятельный вид однородных общественных отношений» [28, с. 307]; «...такая общность норм-предписаний, которая, в свою очередь, является элементом следующего, главного подразделения – отрасли права» [29, с. 119].

А.И. Денисов в своей дефиниции связал правовой институт не просто с отраслью права, а ее предметом: «совокупность норм, регулирующих обособленные общественные отношения в пределах той группы общественных отношений, которые составляют предмет отрасли» [30, с. 311-312].

В юридической науке уже давалась развернутая характеристика института брака. Так, по разработанной Е.А. Киримовой [31, с. 43] классификации правовых институтов И.А. Трофимец отнесла институт брака к следующим видам правовых институтов:

«отраслевой (состоит в основном из норм одной отрасли (семейное право));

материально-правовой, поскольку семейное право – это отрасль материального права, то и институт брака как ее часть является материально-правовым, хотя некоторые процессуальные (процедурные) нормы входят в институт брака – порядок заключения, прекращения и признания брака недействительным;

специальный (распространяет свое действие не на все, а только на часть семейных отношений);

регулятивно-охранительный (содержит в основном правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие при заключении, прекращении и признании брака недействительным, и вместе с тем отдельные положения, направленные не только на предотвращение правонарушений в матримониальной сфере, но и их устранение (например, взыскание убытков и компенсация морального вреда при признании брака недействительным));

сложный (включает в себя субинституты)» [32, с. 13-16].

Как итог, И.А. Трофимец дала следующее определение институту брака. «Это система правовых норм, регулирующих отношения по заключению, прекращению, признанию брака недействительным. Являясь частью права, институт брака представляет собой некоторую систему, включает в себя

определенные семейно-правовые принципы, фундаментальные понятия, приемы, способы и средства (положения), связывающие эту систему воедино» [13].

Разрабатывая гарантирование именно института брака, который в данной формулировке теперь представлен на конституционном уровне (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72), полагаем целесообразен и конституционный вклад в дефинирование такого института. Подчеркнем еще раз, что обращение в рамках науки конституционного права к определению института брака стало возможным в связи с конституционными изменениями. Реализуя свой авторский замысел, мы, конечно, учли проанализированные регулятивные и доктринальные тонкости. По нашему мнению, институт брака представляет собой основанную на традиционных ценностях, доктринальных разработках совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих установление, состояние и прекращение целебусловленных отношений между мужчиной и женщиной.

### Список литературы

1. Максимович Л.Б. Фиктивный брак // Закон. 1997. № 11. С. 73-75.
2. Орлова Н.В. Правовое регулирование брака в СССР. М.: Наука, 1971. 127 с.
3. Трофимец А.М., Трофимец И.А. Плюрализм концепций брака // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 14-19.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. 639 с.
5. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.М. Кузнецова. М., 2003. 566 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1-4. М.: Ово любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863-1866.
7. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 2007. 395 с.
8. Советское гражданское право. Т. II. М.: Госюриздат, 1951. 495 с.
9. Свердлов Г.М. Советское семейное право. М.: Госюриздат, 1958. 299 с.
10. Нечаева А.М. Семейное право. М.: Юристъ, 2008. 327 с.
11. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. М., 1998. 322 с.
12. Косарева И.А. К вопросу о сущности брака // Нотариус. 2008. № 4. С. 24-30.
13. Трофимец И.А. О некоторых подходах к дефиниции брака // Семейное и жилищное право. 2011. № 2. С. 34-37.
14. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23-32.

15. Сивохина С.В. Понятие брака и условия его действительности в современном праве России и Франции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.
16. Юркевич Н.Г. Брак и его правовое регулирование в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 46 с.
17. Гражданское право. Часть третья / под ред. А. Сергеева, Ю. Толстого. М., 1999. 624 с.
18. Esmein A. Le mariage en droit canonique. Paris, 1891; Le Bras G. La doctrine du mariage chez les theologians et les canonistes depuis l'an mille // Dictionnaire de theologie catholique, IX (1926), 2123-2317.
19. Загоровский И.А. Курс семейного права. Одесса, 1902. 460 с.
20. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2000. 829 с.
21. Трофимец И.А. Конституционные начала брака в России и Испании: сравнительно-правовой анализ // Нотариус. 2019. № 6. С. 45-48.
22. Куриленко О.Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
23. Вердников В.Г. Проблемы хозяйственного договора по советскому праву: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1968. 32 с.
24. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88-98.
25. Теория государства и права / отв. ред. Н.Г. Александров. М., 1968. 640 с.
26. Теория государства и права / отв. ред. И.А. Есипова. Волгоград: ВА МВД России, 2002. 195 с. 195 с.
27. Киримова Е.А. Правовой институт (Теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 23 с.
28. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб: Питер, 2004. 512 с.
29. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
30. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М., 1967. 415 с.
31. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды. Саратов, 2000. 52 с.
32. Косарева И.А. К вопросу об общетеоретической характеристике правового института брака // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 13-16.

**Карпенко Татьяна Николаевна**

аспирант кафедры конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

**Мархгейм Марина Васильевна,**

доктор юридических наук, профессор,  
заведующий кафедрой конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **ФАКТОР ГРАЖДАНСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

**Аннотация.** В статье проводится исследование гражданства сквозь призму прав человека. Приведены аргументы в пользу того, что обладание гражданством есть предпосылка наиболее эффективной защиты конституционных прав.

**Ключевые слова:** гражданство, лицо без гражданства, защита прав и свобод, правовой статус гражданина, Российское государство.

Гражданство является признанной базовой платформой для определения полноты правового статуса личности. По словам Н.В. Витрука, в любом обществе «личность имеет определенный комплекс прав по поводу гражданства: право быть признанным гражданином конкретного государства, право изменить гражданство и т.д. Это в полной мере отвечает практике государств, а также .... общественному мнению по вопросам о правах человека в отношениях гражданства» [1, с. 140].

Применительно к России отметим, что вопросы гражданства вплетены в соответствующие статьи Главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации<sup>1</sup>, конкретизированы в действующем Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»<sup>2</sup>, представлены в многочисленных научных работах, связанных с вопросами гражданства.

В ряде из них гражданство представлено с позиции политико-правовой связи лица и государства. В частности, по словам В.Е. Чиркина, гражданство

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Парламентская газета. 2002, 05 июня.

есть «устойчивая политико-правовая связь человека с государством, порождающая их взаимные права и обязанности» [2, с. 234]. Подобной позиции придерживается и С.Г. Трифонов, утверждающий, что «под гражданством следует понимать устойчивую долговременную политико-правовую связь лица и государства, порождающую взаимные права и обязанности указанных субъектов» [3, с. 89]. Приведенные версии трактовки гражданства в одной своей части отражают определение гражданства, формализованное Законом СССР от 23 мая 1990 г. № 1518-1 «О гражданстве СССР» с позиции политико-правовой характеристики гражданства, в другой части – определение гражданства, формализованное Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» с позиции структуры отношений гражданства – взаимные права и обязанности. Но увы, в обоих представленных подходах проигнорирован важный элемент – взаимная ответственность. При этом наличие ответственности в отношениях гражданства отражает, как минимум, готовность государства не только ответственно относиться к своим обязанностям в отношении гражданина, его прав и свобод, но и законодательно устанавливать систему неблагоприятных последствий в отношении должностных лиц уполномоченных публичных органов за деяния, повлекшие нарушение прав граждан. Одновременно граждане как приобретают права и гарантии их реализации, так и наделены обязанностями перед государством, неисполнение которых влечет применение санкций со стороны государства.

Справедливым видится замечание М.В. Мархгейм о возможной погрешности дефинитивного отказа от «взаимности ответственности», «в силу чего оказалось обедненным юридическое содержание отношений гражданства» [4, с. 101]. Полагаем, это может сказаться на гарантировании со стороны государства прав и свобод гражданина.

Обращение к Конституции Российской Федерации дает основания утверждать, что наше государство на высшем юридическом уровне заявляет о готовности «гарантировать», например, права и свободы человека и гражданина (ч. 1 ст. 17) вообще, а в частности их равенство (ч. 2 ст. 19), свободу совести и свободу вероисповедания (ст. 28), свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29), социальное обеспечение по возрасту (ч. 1 ст. 39) и мн. др. Применительно к российским гражданам установлены право на беспрепятственное возвращение в Россию (ч. 2 ст. 27), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31), право участвовать в управлении делами государства в разных формах (ст. 32), право обращаться в публичные органы (ст. 33). Соответственно, как отмечал Н.В. Витрук, гражданство «является

предпосылкой обладания правовым статусом гражданина» [1, с. 136]. Помимо прочего, это можно интерпретировать как полезность обладать гражданством России.

Рассмотрим на примере Российской Федерации преимущества статуса гражданина перед статусом апатрида (лица без гражданства). Особое внимание стоит обратить на тот факт, что права, присущие гражданину, не ограничены «во времени и пространстве». Даже за пределами Российской Федерации ее граждане вправе обратиться за помощью в посольства и консульства. Устойчивость гражданства как правового феномена состоит в том, что гражданин даже за пределами юрисдикции своей страны находится под защитой своего государства, которая конституционно «гарантируется» (ч. 2 ст. 62).

Так, Российской Федерацией была создана достаточная правовая база и накоплен опыт по эвакуации российских граждан из Йемена, Бурунди, Албании, Югославии, Заира, Турции, Афганистана, Конго, Ирака и других стран [5, с. 20].

Конституция Российской Федерации в ст. 61 закрепляет, что государство берет на себя бремя защиты и покровительства собственных граждан. Согласно данной норме: «Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству. Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами». Указанная норма также подчеркивает, что государство берет на себя ответственность по устранению незаконного преследования лиц.

Положение ст. 61 Конституции Российской Федерации, закрепляющее обязательство государства защищать и оказывать покровительство находящимся за границей своим гражданам, получило развитие и уточнение в изначально в Постановлении Правительства Российской Федерации «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом»<sup>1</sup>, затем в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»<sup>2</sup>. В круг соотечественников включены граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за ее пределами.

Рассматривая сопряжение гражданства и правозащитной деятельности государства, М.В. Мархгейм подчеркнула дифференциацию понятий «защита» и «покровительство», утверждая, что «Покровительство есть

---

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 17.05.1996 № 590 «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2516.

<sup>2</sup> [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_23178/?ysclid=lbxm6zvms5172046984](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/?ysclid=lbxm6zvms5172046984)

статичная модель рассматриваемой конституционной обязанности государства, которая не может быть эффективной или нет, а защита – динамичная модель, как форма реакции на нарушение прав и свобод российских граждан, для которой применима оценка эффективности...» [6, с. 109].

Помимо международной помощи граждане Российской Федерации также обеспечиваются рядом социальных гарантий, которыми апатриды не обладают. Например, это касается бесплатной медицины, получения бесплатного среднего и высшего образования, социальных пособий и пенсий. Российские граждане имеют право на ипотеку и кредиты, что является более сложной процедурой для апатридов.

Перечисленные аспекты демонстрируют важность наличия у лица официальной «привязки» к государству, в том числе для уверенности в собственной защищенности.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданство эффективно служит гарантированию прав и свобод граждан.

### **Список литературы**

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Чиркин В.Е. Гражданство // Юридическая энциклопедия / под ред. Б.Н. Топорнина. – М., 2001. 1267 с.
3. Трифонов С. Г. Конституционно-правовой институт гражданства: понятие и правовая основа // Муромцевские чтения: Междисциплинарность права и законодательства: стратегии современной организации и перспективы развития : Сборник статей XX Международной научной конференции, Москва, 01 ноября 2020 года / Под редакцией Н.И. Архиповой С.В. Тимофеева, Е.Ю. Князевой. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2020.
4. Мархгейм М.В. Гражданство: конституционно-правовая рецепция нюансов государственного строительства // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право.* 2022. Т. 47. №1. С. 98-109
5. Горяинова М. В. Особенности реализации и защиты личных (гражданских) прав и свобод соотечественников, проживающих за рубежом // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2011. №4 (18). С. 19-22.
6. Мархгейм М.В. Гражданство как детерминанта национального правозащитного законодательства // *Научные ведомости БелГУ. Сер. Філософія. Соціологія. Право.* 2007. № 2(33), вып. 1. С. 107-116.

**Лукьянова Ирина Юрьевна**  
научный сотрудник группы анализа и контроля  
научно-исследовательского отдела  
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина  
(Белгород, Россия)

## **ПРАВООЗАЩИТНЫЙ РАКУРС ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ПОНЯТИЙНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОДХОД**

**Аннотация:** В статье осуществлен анализ правовых позиций ученых-правоведов к вопросу об интерпретации правового института ограничения прав и свобод человека и гражданина в российском государстве. Автором отмечается, что правовые ограничения устанавливаются в рамках реализации государством правозащитной функции. Сформулированы понятие и признаки ограничения прав и свобод, характеризующие их как самостоятельный правовой институт. В статье также проведен сравнительный анализ таких социально значимых категорий, как права и свободы. Автором сформулирован вывод, согласно которому ограничения прав и свобод человека и гражданина целесообразно рассматривать с позиций правозащитного ракурса.

**Ключевые слова:** права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод, правовые ограничения, защита интересов личности и общества.

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в случаях, предусмотренных федеральным законодательством (ч. 3 ст. 55) [1]. Однако стоит подчеркнуть, что ни один федеральный закон не содержит определения понятия такого ограничения. В этой связи необходим анализ интерпретационных точек зрения ученых-правоведов, занимающихся разработкой и изучением теоретической и практической составляющих вопроса ограничения прав и свобод человека и гражданина.

В своем научном труде Н.В. Витрук обращает внимание на существующую проблему каждого современного государства, связанную с непосредственной реализацией человеком своих прав и свобод [2]. В случае возникновения конфликтов и противоречий в указанной области, основной обязанностью государства является защита нарушенных интересов личности и общества.

В толковом словаре под ограничением понимается правило, установление, определяющее какие-либо границы, рамки, условия [3]. С.С. Алексеев предполагает, что основная роль права заключается не столько в предписании правомерного поведения, сколько в установлении его границ. Ограничение, по его мнению, достигается путем сужения возможностей, установления запрещений и дополнительных позитивных обязываний [4, с. 3]. Данную точку зрения поддерживают также Д.В. Зорькин и А.А. Кондрашев, которые утверждают, что ограничению подлежат не права и свободы, как социально значимые блага, а условия и пределы их реализации, к которым, в частности, можно отнести продолжительность, полноту и качество использования [5, с. 54]. Представленные мнения доказывают отсутствие направленности государства на умаление правовых возможностей личности.

Понимание правового института ограничения прав и свобод человека и гражданина у А.В. Малько связано с понятием сдерживания противоправного деяния, установлением границ деятельности, а также исключением определенных возможностей [6, с. 8]. Схожей точкой зрения обладает А.С. Мордовец, в соответствии с которой правовое ограничение включает в себя два противоположных по смыслу аспекта. Первый – связан с принуждением человека и гражданина к позитивному правовому поведению, в то время как второй аспект предполагает воздержание субъекта от противоправного поведения [7]. При этом Б.С. Эбзеев рассматривает данное понятие в качестве соответствующего изъятия из конституционного статуса личности, которое, в свою очередь, не предполагает полную утрату лицом соответствующих прав и свобод [8]. «Изъятие» в данном случае направлено на обеспечение защиты человека, как высшей ценности государства.

Интерес вызывает мнение Д.Г. Назарова, согласно которому установленные ограничения прав и свобод человека и гражданина не являются умалением указанных прав и свобод, а выступают в качестве определителя их содержания и границ [9, с. 89]. Установление такого рода ограничений выступает в роли реализации государством правозащитной деятельности.

Анализ существующих точек зрения ученых доказывает, что ограничение прав и свобод человека и гражданина – понятие многоаспектное. Однако все представленные мнения свидетельствуют о том, что данный правовой институт имеет в своем содержании основную цель – защиту прав и свобод личности.

Рассматривая ограничение прав и свобод человека и гражданина с позиций правозащитного ракурса, представляется возможным

сформулировать целостное определение данного правового института. Так, под ограничением прав и свобод человека и гражданина понимаются установленные федеральным законодательством в конституционных целях условия и пределы реализации гражданами и иными субъектами предоставленных им возможностей правомерного поведения, исполнение и контроль за которыми возлагается на органы государственной власти, органы местного самоуправления и иных должностных лиц.

Исходя из вышеуказанной дефиниции, представляется возможным выделить основополагающие признаки данного правового института. Во-первых, ограничения прав и свобод человека и гражданина устанавливаются исключительно федеральным законодательством. В каждом конкретном случае используется соответствующий нормативный правовой акт, который определяет перечень вводимых мероприятий по ограничению тех или иных прав и свобод.

Во-вторых, сама возможность правового ограничения находит отражение непосредственно в Конституции Российской Федерации. Ею определены цели, на основании которых права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены. Указанные цели направлены непосредственно на защиту личности от любых противоправных вмешательств как во внутренние дела государства, так и на международной арене.

В-третьих, правовое ограничение не допускает умаления прав и свобод человека и гражданина, а лишь предусматривает установление четких границ их содержания. К таким границам можно отнести условия и пределы реализации субъектами своих правовых возможностей. Под условием понимаются данные, из которых следует исходить при решении соответствующей задачи [3]. При этом в юридической литературе правовое условие интерпретируется в двух основных значениях – как требование и как обстоятельство [10, с. 361]. В первом случае условие выступает в качестве требования к нормативной модели поведения. Во втором – характеризуется с практической точки зрения как обстоятельство, необходимое для наступления соответствующих последствий. В рамках рассмотрения нашего вопроса условие будет являться требованием, так как в случае его невыполнения правовое ограничение не приобретает юридическое значение.

В научной литературе под пределами реализации прав и свобод человека и гражданина понимаются установленные законодательством границы правомерного поведения личности [11, с. 69]. Исходя из этого, можно сделать вывод, согласно которому человек обладает определенной

правовой свободой, очерченной абстрактными пределами. Такие пределы необходимы в целях поддержания государством правопорядка и благополучия в обществе, а также защиты других лиц от противоправных посягательств.

В-четвертых, ограничению прав и свобод в соответствии с Конституцией России могут быть подвергнуты не только лица, имеющие российское гражданство, но и иные субъекты. К ним относятся иностранные граждане и лица без гражданства. Данное положение обусловлено нахождением на территории российского государства большого количества лиц, не связанных с ним устойчивой правовой связью.

В-пятых, правовому ограничению подлежат исключительно правомерные возможности личности – ее права и свободы – закрепленные законодательством. Так, в предусмотренных федеральным законом случаях могут быть ограничены право на свободу передвижения, право на неприкосновенность жилища, свобода предпринимательской деятельности. При этом правовые ограничения не лишают человека указанных возможностей правомерного поведения, а лишь устанавливают для их содержания соответствующие рамки.

В целях более детального исследования понятия правового ограничения необходимо раскрыть содержание прав и свобод, как социально значимых категорий, а также определить уровень их взаимосвязи. Право человека выступает в качестве гарантированной государством и закрепленной в Конституции Российской Федерации возможности совершать определенные действия и иметь определенные блага в рамках удовлетворения собственных интересов и потребностей. Особенность данной правовой категории состоит в том, что реализация прав человека и гражданина возможна путем обеспечения государством возложенных на него обязанностей.

Свободы человека и гражданина – более широкое понятие в качественном выражении. Оно включает в себя возможность избегать воздействия и контроля со стороны органов публичной власти, а также отсутствие государственного принуждения. При этом стоит отметить, что основной закон государства не устанавливает целостный перечень свобод, принадлежащих человеку и гражданину. Конституция РФ закрепляет в своем содержании свободу совести, вероисповедания, мысли и слова, массовой информации, свободу деятельности общественных объединений, свободу творчества и преподавания. Однако данный перечень не является исчерпывающим, поскольку совокупность прав соответствующей сферы

представляется возможным детерминировать в качестве определенного круга свобод.

Подтверждением тому служит точка зрения, представленная Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркиным, согласно которой право устанавливает соразмерные границы осуществления свободы [12, с. 7]. Из этого следует, что права и свободы – не тождественные понятия, однако тесно взаимосвязанные, поскольку свобода ограничена существованием права.

Последний признак правовых ограничений связан с их непосредственным исполнением. В данном случае понятной представляется позиция Н.В. Витрука, который связывает с правовым институтом ограничения прав и свобод понятие государственного принуждения [2]. Органы государственной власти, органы местного самоуправления и иные должностные лица обладают полномочиями по введению и исполнению соответствующих ограничений.

Таким образом, понятие ограничения прав и свобод человека и гражданина целесообразно рассматривать с точки зрения правозащитного аспекта, поскольку человек, его права и свободы признаются высшей ценностью для государства. Установленные Конституцией Российской Федерации цели такого ограничения служат подтверждением тому, что защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечение обороны и безопасности государства находится в тесной взаимосвязи с обеспечением и реализацией прав и свобод человека и гражданина.

### **Список литературы**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398; <http://duma.gov.ru/news/55446/>
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук; Российская акад. правосудия. – Москва: Норма, 2008. 447 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. 1534 с.
4. Алексеев С.С. Права человека как абсолютный критерий правовой реальности // ЧиновникЪ. 2003. № 6. С. 2-6.
5. Кондрашев А.А. Ограничение конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: мировые подходы и практика Российской Федерации // Проблемы права и государственного управления. 2014. № 1. С. 10-15.

- Федерации // Право и информация: вопросы теории и практики – Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2021. С. 51-60.
6. Малько А.В., Терехин В.А. Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 7-13.
7. Мордовец А.С. Правозащитная функция социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Правозащитная политика в современной России: курс лекций / под ред. А. В. Малько. Ульяновск: ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова». 2014.
8. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. 832 с.
9. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 87-91.
10. Тенюта Е.С. Соотношение понятий «основания» и «условия» юридической ответственности // Актуальные проблемы юриспруденции в условиях цифровизации общества – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. С. 360-363.
11. Кугаевская Л.М. К вопросу о пределах реализации конституционного права гражданина на защиту своих прав и интересов // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 68-70.
12. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5-14.

**Мельников Павел Алексеевич,**  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОГРАНИЧЕНИЯ ЕГО ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА**

**Аннотация.** Избирательное законодательство в Российской Федерации – динамичная, регулярно изменяющаяся, с учетом современных требований, система. Однако в ней имеют место быть положения недостаточно урегулированные, создающие правовые риски для реализации гражданами своего пассивного избирательного права. В данной статье на основе анализа судебной практики представлены аргументы, подтверждающие проблему законодательно установленного порядка регистрации в качестве кандидата в депутаты лиц, ведущих постоянную деятельность в рамках территориального общественных самоуправлений.

**Ключевые слова:** избирательная кампания, род деятельности, территориальное общественное самоуправление, правовая определенность, кандидат в депутаты, суд.

Народовластие – неотъемлемая часть каждого государства, нацеленного на демократический, правовой путь развития. Гражданин такой страны должен обладать полноценным правом на участие в жизни государства, реализуя его в различных законодательно установленных формах на свое усмотрение. В свою очередь, осуществление права должно быть основано на понятных и доступных правовых механизмах, отвечающих требованиям правовой определенности и справедливости.

В Российской Федерации право гражданина быть избранным в органы публичной власти – одно из базовых и основополагающих, закрепленных в

ст. 32 Конституции Российской Федерации<sup>1</sup>. Правовой механизм его осуществления установлен федеральным и региональным законодателем, что было подчеркнуто Конституционным Судом Российской Федерации: «Правовое регулирование избирательных отношений и установление порядка проведения выборов входят в компетенцию законодателя (ст. 71, п. «в»; ст. 72, п. «н» ч. 1; ст. 76, ч. 1 и 2 Конституции Российской Федерации), который обязан... избегать необоснованного ограничения электоральной политической конкуренции»<sup>2</sup>. На наш взгляд, если интерпретировать предписания дословно, возложенная обязанность затрагивает только процедурные аспекты избирательной кампании и не предусматривает все возможные правовые риски, связанные с ненадлежащим урегулированием иных законодательных нормоположений, способных непосредственно повлиять на реализацию избирательных прав граждан.

В ходе избирательной кампании по выборам депутатов представительных органов местного самоуправления в городе Москве в 2022 г. отдельные кандидаты столкнулись с правовыми пробелами федерального законодательства, повлиявшими на отмену их регистрации в судебном порядке. Так, 3 августа 2022 г. Тушинский районный суд города Москвы, рассмотрев административное дело № 02а-0695/2022, отменил решение избирательной комиссии внутригородского муниципального образования о регистрации кандидата в депутаты Совета депутатов муниципального образования<sup>3</sup>. Основанием для удовлетворения исковых требований являлось указание в заявлении о согласии баллотироваться формулировки: «основное место работы или службы, занимаемая должность/род занятий – ТОС «Истоки Куркино», заместитель председателя», что суд счел как заведомо недостоверные сведения и для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата в депутаты были представлены документы, оформленные с нарушением требований Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

<sup>2</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 г. № 6-П // СЗ РФ. 2021. № 12. Ст. 2131.

<sup>3</sup> Решение Тушинского районного суда города Москвы от 03.08.2022 г. по делу № 02а-0695/2022 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/kas/details/b8858221-0f49-11ed-b4d8-e717bc4948c0?caseNumber=02%D0%B0-0695/2022> (дата обращения: 24.09.2022 г.).

граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ).

Свою позицию суд обосновал двумя основными выводами:

1) кандидат в депутаты не мог состоять в трудовых отношениях с территориальным общественным самоуправлением (ТОС) «Истоки Куркино», так как оно не является юридическим лицом;

2) денежные средства, получаемые кандидатом в депутаты в ТОС «Истоки Куркино», к доходу в целях, определенных избирательным законодательством, отнести нельзя.

Следует отметить, что суд изначально в рассматриваемом административном деле ошибочно определил правовую природу возникших правоотношений между ТОС «Истоки Куркино» и кандидатом в депутаты. В соответствии с предписаниями ст. 33 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ в заявлении о согласии баллотироваться, в случае отсутствия основного места работы или службы, указывается род занятий. Вместе с заявлением представляются, в том числе, копии документов, подтверждающих указанные в нем сведения. Согласно п.п. 57 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ под родом занятия понимается документально подтвержденная деятельность кандидата, приносящая ему доход<sup>1</sup>.

Кандидатом в депутаты в избирательную комиссию была представлена справка, выданная ТОС «Истоки Куркино», подтверждающая ее деятельность в данном образовании в качестве заместителя председателя. При этом ни федеральный, ни региональный законодатель не закрепили перечень документов, который бы мог подтверждать род деятельности кандидата. Также отсутствует утвержденная форма таких документов. Указанные обстоятельства образуют правовую неопределенность и возможность произвольной квалификации в каждом конкретном случае сложившихся правоотношений, как произошло в рассматриваемом административном деле.

Территориальное общественное самоуправление согласно п. 1 ст. 27 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» является особым видом самоорганизации граждан, осуществляет свою деятельность на определенной территории самостоятельно и под свою ответственность<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

ТОС «Истоки Куркино» не было зарегистрировано в качестве юридического лица, однако российское законодательство позволяет существовать органам территориального общественного самоуправления как в форме юридического лица, так без такой регистрации. Кроме того, территориальное общественное самоуправление – единственное образование в Российской Федерации, которое, согласно действующему законодательству, может осуществлять финансово-хозяйственную деятельность без образования юридического лица.

Согласно разъяснениям Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: «Финансовые и имущественные ресурсы ТОС могут включать имущество, переданное ему в управление, добровольные взносы и пожертвования юридических и физических лиц, доходы от собственной хозяйственной деятельности, а также средства местного бюджета, переданные органу ТОС для осуществления своих полномочий, в соответствии с основными направлениями деятельности, предусмотренными уставом ТОС, на основании договора между органами ТОС и органами местного самоуправления» [1, с. 137].

В подтверждение своей позиции относительно получения дохода от деятельности ТОС «Истоки Куркино» кандидатом в депутаты были представлены в суд журналы регистрации добровольных пожертвований (взносов), а также выписки из протоколов ТОС «Истоки Куркино» о выплате денежного вознаграждения из средств добровольных пожертвований в ТОС «Истоки Куркино». Соответственно в рассматриваемой ситуации последовательно возникали 2 вида правоотношений:

1) между физическими лицами и ТОС «Истоки Куркино», связанные с пожертвованием на его уставную деятельность;

2) между ТОС «Истоки Куркино» и кандидатом в депутаты, связанные с выплатой вознаграждений, выплачиваемых по результатам ведения в соответствии с уставом деятельности.

Однако суд ошибочно сделал вывод, что пожертвования выдавались и принимались физическими лицами, то есть возникли исключительно двухсторонние правоотношения по дарению денежных средств, что не соответствует действительности.

Учитывая юридическую специфику территориального общественного самоуправления как самоорганизации граждан, допустимо утверждать, что в действующем законодательстве существуют правовые риски, связанные с ограничением в реализации пассивного избирательного права гражданами Российской Федерации, являющимися представителями данных объединений.

Таким образом, положения ст. 27 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» требуют более корректировки в части определения финансовой обособленности территориального общественного самоуправления, а нормы Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ – в части конкретизации перечня документов, которые бы могли подтверждать род деятельности кандидата. Полагаем, на основании принятых законодательных изменений Центральная избирательная комиссия Российской Федерации с целью установления единообразия избирательной документации правомочна утвердить рекомендуемую форму справки о роде деятельности лица, реализующего пассивное избирательное право.

#### **Список литературы:**

1. Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления / под общ. ред. А.Н. Диденко. М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 320 с.

**Плотникова Елена Сергеевна,**  
аспирант кафедры юриспруденции  
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина  
(Елецк, Россия)

Научный руководитель:  
**Аристов Евгений Вячеславович,**  
профессор кафедры административного и конституционного права  
Пермского государственного национального  
исследовательского университета,  
доктор юридических наук, доцент  
(Пермь, Россия)

### **ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**Аннотация.** На сегодняшний день уделяется много внимания формированию конституционных механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Участие в этой деятельности контрольно-надзорных органов

является определяющим, так как сама природа данного вида государственной деятельности направлена на выявление факторов, представляющих наибольшую угрозу для жизни, здоровья и безопасности человека. Реализация репродуктивных прав напрямую связана с необходимостью устранения указанных факторов в связи с получившей широкое распространение негативной практикой искусственного прерывания беременности. Объектом контрольно-надзорной деятельности здесь выступает система здравоохранения и качество оказываемых гражданам в данной сфере услуг.

**Ключевые слова:** пренатальное развитие, право защиты эмбрионов, репродуктивные права, медицинское вмешательство.

Определяя юридическую природу репродуктивных прав, необходимо отметить, что они взаимосвязаны с правами и свободами, закрепленными в Конституции Российской Федерации, а также в конституциях зарубежных стран и международно-правовых документах. Во многих конституциях репродуктивные права раскрываются в рамках права на охрану здоровья, однако они взаимодействуют и с другими правами и, прежде всего, с правом человека на жизнь. Это право закреплено в ст. 20 Конституции России, а также почти во всех конституциях других стран и относится к основным неотчуждаемым, принадлежащим каждому от рождения универсальным правам. Кроме того, оно защищается ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод<sup>1</sup>.

Исходным для всех остальных прав признано право на жизнь, которое в конституционно-правовой доктрине исследуется в сущностно-понятийном ключе [1], в контексте биоэтики [2], в сопоставительном ракурсе [3], в диалектике с правом на смерть [4], в том числе с учетом моментов возникновения и утраты жизни [5].

Конституция России не устанавливает начало жизни с момента зачатия, а в доктрине конституционного права преобладает концепция, согласно которой жизнь человека начинается в момент физиологических родов. Это обусловлено также тем, что на основании ч. 1 ст. 53 ФЗ «Об основах охраны

---

<sup>1</sup> Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950)(с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

здоровья граждан в Российской Федерации» моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов<sup>1</sup>.

В то же время в некоторых странах право на жизнь с момента зачатия было подвергнуто конституционному закреплению. Как правило, это обусловлено нравственными представлениями о ценности человеческой жизни на любой стадии ее существования и во многих случаях направлено на то, чтобы объявить вне закона любые процедуры по прерыванию беременности.

В Венгрии решался вопрос о правовом статусе эмбриона, начиная с 1991 г., когда Конституционным судом было вынесено постановление, признавшее необходимость защиты жизни плода. Суд указал, что право на аборт не может быть абсолютным, а правом решения правового статуса плода обладает не конституционный суд, а законодатель.

В результате этого решения парламентом в 1992 году был принят Закон о защите плода, согласно которому женщина может прервать беременность в течение первых 12 недель беременности в случаях, угрожающих здоровью женщины, плода, если беременная женщина является жертвой изнасилования или находится в тяжелой кризисной ситуации (п. 1 § 6 Закона о защите плода). Также беременность в течение 18 недель может быть прервана, если беременная женщина ограниченно дееспособна или недееспособна, по не зависящим от нее причинам по состоянию здоровья или в результате врачебной ошибки не знала о беременности или если в результате бездействия медицинского учреждения или иного органа был превышен 12-недельный срок (п. 2 § 6 Закона о защите плода). И в течение 20 недель – при наличии 50% вероятности наличия у плода генетического заболевания или тератологических отклонений (уродства). При затягивании процесса диагностики этот период может быть продлен до 24 недель (п. 3 § 6 Закона о защите плода). Независимо от срока беременность может быть прервана в случаях, угрожающих жизни и здоровью женщины или при наличии несовместимых с жизнью после рождения аномалий плода (п. 4 § 6 Закона о защите плода)<sup>2</sup>.

Закон 1992 года был обжалован в Конституционный суд, однако суд в своем решении 1998 года снова указал, что не в его компетенции определять

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 11.06.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

<sup>2</sup> Törvény a magzati élet védelméről, 1992. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://mkogy.jogtar.hu/?page=show &docid=99200079.TV#ljb0id7fde](https://mkogy.jogtar.hu/?page=show&docid=99200079.TV#ljb0id7fde) (дата обращения 23.10.2021 г.).

правовой статус плода, а отсутствие наделения плода правовой субъективностью не означает, что жизнь плода не защищена Конституцией<sup>1</sup>.

В 2011 г. в Венгрии была принята новая конституция (Основной закон), согласно 2 ст. которой «жизнь плода защищается с момента зачатия»<sup>2</sup>. В результате право плода на конституционную защиту жизни было окончательно закреплено в Конституции. Поднимался также и вопрос об окончательном запрещении аборт, однако парламент Венгрии не выразил намерений по изменению действующего законодательства в этой сфере.

Ч. 1 ст. 15 Конституции Словакии содержит положение об охране человеческой жизни до рождения. В 2007 году члены парламента Словакии поставили под вопрос конституционность закона об абортах, утверждая, что конституция защищает право на жизнь до рождения. Однако Конституционный Суд Словакии признал конституционным данный закон и соответственно его положения, разрешающие аборты по желанию женщины в первые 12 недель беременности. Судом было установлено, что хотя жизнь на пренатальной стадии имеет конституционное значение и достойна некоторой защиты со стороны государства, но она не сопоставима с правом на жизнь женщины<sup>3</sup>. В своем решении Суд также указал, что государство уже имеет процедуры, которые учитывают интересы нерожденного ребенка. Женщина должна просить искусственного прерывания беременности в письменной форме, после чего она обязательно проходит медицинское обследование и консультируется с врачом. И только после надлежащего обсуждения, на основе соответствующей медицинской информации, предоставленной в доступной форме, женщина может реализовать свою волю по проведению процедуры аборта.

Конституция Германии не содержит положения о защите человеческой жизни на пренатальной стадии. Тем не менее, Конституционный Суд Германии признал конституционным право на жизнь до рождения и обязанность государства защищать это право, указав, вместе с тем, что это

---

<sup>1</sup> Comments on Protection of Conception in the General Principles Guiding Hungary's Constitution and the proposal of the constitution issued // Center for reproductive rights. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/CRR\\_HWL\\_Constitution\\_comments\\_HungaryMarch\\_2011FINAL.PDF](https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/CRR_HWL_Constitution_comments_HungaryMarch_2011FINAL.PDF) (дата обращения 23.10.2021 г.).

<sup>2</sup> Основной закон Венгрии от 25.04.2011 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru> (дата обращения 02.10.2021 г.).

<sup>3</sup> *Nález Ústavného súdu SR sp. zn. PL. ÚS 12/01 zo 4. decembra 2007 uverejnený v Zbierke zákonov Slovenskej republiky pod č. 14/2008, čiastka 8. In Rozhodnutia Ústavného súdu Slovenskej republiky // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.concourt.sk/rozhod.do?urlpage=dokument&id\\_spisu=111774](http://www.concourt.sk/rozhod.do?urlpage=dokument&id_spisu=111774) (дата обращения 23.10.2021 г.).*

право должно быть сопоставлено с правами беременной женщины. Впоследствии в 1975 г. в своем решении Суд указал, что законодательный орган может признать аборт законным, когда прерывание беременности необходимо для защиты права женщины на жизнь и здоровье. Суд мотивировал это тем, что, когда на кону право женщины на жизнь и физическую неприкосновенность, ее права не могут быть нарушены для сохранения нерожденной жизни. В этих случаях государство не может требовать и ожидать от беременной женщины, что при любых обстоятельствах она должна пожертвовать ими и предоставить приоритет правам нерожденного ребенка. Уже в 1993 году Суд признал за законодательным органом возможность узаконивания аборта в период первых 12 недель беременности по запросу женщины, при условии, что она должна пройти перед этим консультацию и период ожидания. А в 1995 году Законодательное Собрание приняло закон о декриминализации абортов в первом триместре с теми же процессуальными требованиями<sup>1</sup>.

Конституционный Суд Португалии последовательно отстаивает законы, разрешающие аборты только в определенных случаях. Сделав вывод о том, что права плода не могут превалировать над фундаментальными правами женщины на жизнь, здоровье и достоинство, Суд подчеркнул, что: «...конституционно защищаемые блага, коими является пренатальная жизнь, должны уступать там, где возникают конфликты не только с другими конституционными ценностями или благами, но, прежде всего, с некоторыми основными правами»<sup>2</sup>. Впоследствии в своем решении № 288/98 в 1998 г. Суд постановил, что Конституция не требует криминализации абортов в первые десять недель беременности, указав также, что Основной закон страны обязывает государство защищать жизнь человека, в том числе нерожденного, и что право нерожденного пользоваться правовой защитой, вместо собственной матери, которая единственная является жизнеспособной, возможно только в том случае, если законодательством будет запрещено прерывание беременности в принципе, с возложением обязанности рожать<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Comments on Protection of Conception in the General Principles Guiding Hungary's Constitution and the proposal of the constitution issued. // Center for reproductive rights // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/CRR\\_HWL\\_Constitution\\_comments\\_Hungary\\_March\\_2011FINAL.PDF](https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/CRR_HWL_Constitution_comments_Hungary_March_2011FINAL.PDF) (дата обращения 23.10.2021 г.).

<sup>2</sup> Tribunal Constitucional Portugal. Maio 29, 1985. Acórdão Nº 85/85. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/acordaos/19850085.html> (дата обращения 29.10.2021 г.).

<sup>3</sup> Tribunal Constitucional Portugal. Acórdão Nº 288/98 .Abr. 18, 1998. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/acordaos/19980288.html> (дата обращения 29.10.2021 г.).

Вопрос признания права на жизнь и тем самым ограничения аборт не раз вставал и в судах США, как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Верховный суд США, например, категорически отверг утверждение о том, что «плод» – это человек в языке и значении Конституции США, указав, что конституционные права, включая право на жизнь, приобретаются только при рождении. В 2008 и 2010 годах в штате Колорадо Соединенных Штатов Америки и в 2011 году в американском штате Миссисипи были отвергнуты инициативы по изменению Конституции этих штатов по вопросу признания права на жизнь с момента зачатия и гарантии всех прав человека по Конституции штата с момента оплодотворения, стадии зиготы, эмбриональной стадии и фетальной стадии (стадии плода)<sup>1</sup>.

Таким образом, при рассмотрении объема конституционных гарантий, суды признали, что признание права на жизнь на пренатальной стадии может создать конфликт между правами беременной женщины и плода.

Верховный Суд Непала в решении 2009 г. по делу Лакшми Дхикта против Правительства Непала точно так же постановил, что нет никакого конституционного права на жизнь до рождения, указав, что поскольку плод может существовать только благодаря матери, не может быть никакого ущемления прав женщин на физическое и психическое здоровье и благополучие, и ее жизнь не может быть поставлена в опасность в целях защиты плода. В своем решении Суд дает понять, что способность женщины к деторождению не может быть использована против нее и, говоря о противопоставлении аборта убийству, не может быть основанием для ее наказания<sup>2</sup>.

Юридические права, включая право на жизнь, всегда приобретались человеком с момента рождения, в то время как зигота, эмбрион, плод, как правило, не признавались носителями этих прав. В настоящий момент данный тезис поставлен под сомнение. Признание за плодом юридических прав на любой стадии внутриутробного развития имеет серьезные юридические последствия, в том числе ограничение права на аборт.

Рассмотрим опыт США в этом вопросе. Как мы указывали выше, Верховный суд США признает репродуктивные права в рамках четырнадцатой поправки к Конституции США, содержащей право на

---

<sup>1</sup> Whose right to life & Women's Rights and Prenatal Protections under Human Rights and Comparative Law. // Center for reproductive rights. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/RTL\\_3%2014%2012.pdf](https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/RTL_3%2014%2012.pdf) (дата обращения 30.10.2021 г.).

<sup>2</sup> Supreme Court of Nepal. Lakshmi Dhikta v. Government of Nepal 2009. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reproductiverights.org/case/lakshmi-dhikta-v-government-of-nepal-amici-supreme-court-of-nepal> (дата обращения 30.10.2021 г.).

неприкосновенность частной жизни. Так, в 1965 г. в деле Грисуолд против штата Коннектикут Верховный суд США постановил, что женатые пары имеют право на использование контрацепции в пределах «зоны приватности», которую охватывают супружеские отношения<sup>1</sup>. В деле Айзенштадт против Бэрда 1972 г. Суд указал: «если неприкосновенность частной жизни что-либо означает, то это право человека, будь он в браке или нет, быть свободным от необоснованного государственного вмешательства в такие важные сферы жизнедеятельности человека, как принятие решения о зачатии и рождении детей»<sup>2</sup>.

В деле Роу против Уэйда 1973 г. Верховный суд США установил, что право на неприкосновенность частной жизни является достаточно широким и охватывает право женщины на принятие решения о прекращении ее беременности. При этом Суд пришел к выводу о том, что право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным, указав на необходимость достижения баланса между конкурирующими интересами беременной женщины, интересами государства по охране здоровья матери и пренатальной жизни<sup>3</sup>.

Несомненно, именно судебная практика должна была ответить на поставленные вопросы в правовых системах зарубежных стран. И она это сделала в таких странах как Польша и США. В первом случае в этом восточноевропейском государстве, члене Европейского союза, приговором Конституционного Трибунала Польши Sygn. akt K 1/20 от 22.10.2020 г. резко ограничен круг ситуаций, когда прерывание беременности допустимо, а принятое ранее законоположение о допустимости совершения аборта в случае заболевания или нежизнеспособности плода признано неконституционным<sup>4</sup>. Во втором случае, Верховный Суд США, признав, что аборт представляет собой глубокую моральную проблему, по которой американцы придерживаются резко противоречивых взглядов, отменил решение Роу против Уэйда 1973 г., тем самым предоставив штатам вновь

<sup>1</sup> United States Supreme Court. Griswold v. Connecticut 381 U.S. 479 (1965) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/381/479/case.html> (дата обращения 16.10.2021 г.).

<sup>2</sup> United States Supreme Court. Eisenstadt v. Baird, No. 70-17(1972). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/405/438.html> (дата обращения 16.10.2021 г.).

<sup>3</sup> United States Supreme Court. Roe v. Wade 410 U.S. 113 (1973). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/case.html> (дата обращения 16.10.2021 г.).

<sup>4</sup> Приговор Конституционного Трибунала Польши от 22 октября 2020 г. Sygn. akt K 1/20 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/wyrok-trybunalu-konstytucyjnego-sygn-akt-k-1-20-19075113> (дата обращения 19.02.2022 г.)

самостоятельность в законодательном регулировании проблемы аборт [6]. В решении этого высшего судебного органа справедливо указано, что Конституция США не содержит упоминания о данном праве. Значительная доля штатов готовы воспользоваться возвращенным им правом и запретить свободное прерывание беременности как это уже сделал штат Миссури.

В качестве вывода хотелось бы отметить следующее. На наш взгляд, более продуктивным подходом является отстаивание и законодательное закрепление позиции, которая подчеркивает аборт как форму медицинского обслуживания, вызванного объективными потребностями охраны здоровья женщины.

Проблематика абортов играет важнейшую роль в защите здоровья женщин, что отмечается большинством исследователей репродуктивных прав человека. Значительная часть правовых ограничений в данной области связана с судебной практикой, сложившейся в ряде государств. Основная дискуссия сосредоточена вокруг вопроса о том, должно ли законодательство, регулирующее аборт, содержать исключение для случаев, когда регулируемая процедура необходима для защиты здоровья женщины<sup>1</sup>.

Если проблему абортов рассматривать через призму здравоохранения, право на доступ к аборту может считаться одним из аспектов реализации права на охрану здоровья, надлежащее обеспечение которого является важной обязанностью современного государства, осуществляемой им через систему своих органов.

### **Список литературы:**

1. Григорьева В.С. Право на жизнь: к проблеме о сущности понятия // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 6-7.
2. Василевич Д.Г. Конституционное право на жизнь и некоторые проблемы биоэтики // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 207-211.
3. Вахрамеева Л.Н. Право человека на жизнь в законодательстве зарубежных стран // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 266-269.
4. Велиева С.М. Право на жизнь и «право на смерть» в Российской Федерации и зарубежных странах // Современное право. 2022. № 6. С. 119-123.
5. Амельчаков О.И. Право на жизнь: момент возникновения и утраты // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 169-180.

---

<sup>1</sup> Planned Parenthood Cincinnati Region v. Taft, 444 F.3d 502, 511-12, 517 (6th Cir. 2006) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.courtlistener.com/opinion/2420560/planned-parenthood-cincinnati-region-v-taft> (дата обращения 16.08.2021 г.).

6. Ронн Блитцер, Келли Лако Верховный суд отменил дело Роу против Уэйда по знаменательному решению об аборте // Fox News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foxnews.com/politics/supreme-court-overturns-roe-v-wade-dobbs-v-jackson-womens-health-organization> (дата обращения 08.02.2022 г.).

**Стус Ангелина Алексеевна**,  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
(Краснодар, Россия)

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна**,  
заведующий кафедрой конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор  
(Белгород, Россия)

## **ФОРМИРОВАНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ**

**Аннотация.** В данной статье на основе анализа ежегодных докладов рассмотрен вклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в формирование ответственного отношения общества к животным.

**Ключевые слова:** Уполномоченный по правам человека, доклад, защита, животный мир, юридическая ответственность.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и его рабочий аппарат являются государственным органом, учрежденным в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами<sup>1</sup>.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации не наделен какими-либо властными функциями. Генеральная суть функции

---

<sup>1</sup> Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. №№ 5-6.

Уполномоченного иная и относительно новая для России – этот институт призван создать условия для повседневного предания гласности действий бюрократических структур и чиновников, для ознакомления общества с объективной информацией о нарушениях прав и свобод человека и гражданина [1].

Основным источником деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации являются его ежегодные доклады (ч. 1 ст. 33)<sup>1</sup>. В них рассматриваются наиболее острые проблемы обеспечения прав и свобод человека в России, приводится информация о деятельности Уполномоченного, включающей рассмотрение как индивидуальных, так и коллективных обращений граждан, взаимодействие с государственными органами и институтами гражданского общества, анализ действующего законодательства в области прав и свобод человека, а также разработку предложений по его совершенствованию [2].

Анализ ежегодных докладов показал, что упоминание о необходимости формирования в обществе ответственного отношения к животным в различных контекстах отмечалась Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации с 2000 г. в 7 докладах (2000 г., 2009 г., 2013 г., 2015 г., 2016 г., 2020 г. и 2021 г.) в контексте различных субъективных прав. Этим мы и объясняем обращение к уточнению вклада российского омбудсмена в формирование ответственного отношения общества к животным.

Конечно, объяснимо проблемы ответственного отношения к животным сопоставлять с правом на благоприятную окружающую среду. Это и было продемонстрировано Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в докладах за 2000 г. и 2020 г. В первом из них отмечалось, что «в ряде мест под вопросом сохранение некоторых видов животных и растений. Негативному воздействию загрязненной окружающей среды подвергается население страны»<sup>2</sup>.

В докладе за 2020 г. конкретизированы локации и проблемы: «Массовая гибель морских животных произошла в Камчатском крае в районе Халактырского пляжа; по оценке ученых, причиной гибели стало бурное

---

<sup>1</sup> Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020 г.) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

<sup>2</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году» // [http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye\\_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917](http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917) (дата обращения 01.11.2022 г.).

развитие микроводорослей, вырабатывающих токсины, из-за нетипично высоких температур воды в Авачинском заливе Тихого океана»<sup>1</sup>.

Как видим, в представленных докладах Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации констатируются проблемы животного мира.

В докладах за 2009 г., 2013 г., 2015 г. и 2021 г. защита животного мира сопоставлена с политическими правами и свободами, в частности, с правом на объединение. К примеру, в 2009 г. практика процедуры «согласования» едва ли не любого публичного мероприятия распространилась в Москве на организаторов и активистов публичного мероприятия в защиту бездомных животных. Их с применением физической силы задержали сотрудники ОВД Тверского района за проведение агитации, затем отпустили без составления протоколов об административном задержании<sup>2</sup>.

Неоднократно в своих докладах за 2013 г., 2016 г. и 2021 г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в контексте Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»<sup>3</sup> отмечал формирование негативной практики отнесения к политической деятельности по желанию правоприменителя и «неполитических» видов деятельности, например в области защиты животного мира<sup>4</sup>. В этой связи российским омбудсменом направлялись в Государственную Думу предложения о конкретизации понятия «политическая деятельность», предусматривающие определение исчерпывающего перечня видов деятельности, которые не относятся к политической. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер

---

<sup>1</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // [http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye\\_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917](http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917) (дата обращения 01.11.2022 г.).

<sup>2</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17.02.2010 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год» // Российская газета. 2010, 28 мая.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7597.

<sup>4</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 21.02.2014 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год» // Российская газета. 2014, 9 апреля. См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год» // [http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye\\_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917](http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917) (дата обращения 01.11.2022 г.).

противодействия угрозам национальной безопасности»<sup>1</sup> эти предложения в части исключения из числа иностранных агентов организаций, осуществляющих деятельность в области защиты животного мира, были учтены<sup>2</sup>.

Отметим, что самое пристальное внимание Уполномоченного по правам человека в аспекте формирования ответственного отношения к животным, выразилось в его докладе за 2015 г. В нем в рамках прав будущих поколений была обособлена самостоятельная рубрика «О защите человека от животных, а животных – от людей»<sup>3</sup>.

В данной рубрике акцентировано внимание на следующих проблемах, выраженных в отсутствии:

– законодательного регулирования на федеральном уровне порядка содержания домашних животных в части обеспечения тишины и безопасности для окружающих, а также ответственности их владельцев за негативное воздействие на людей и других животных;

– полномочий субъектов Российской Федерации в области содержания животных, обращения с домашними и безнадзорными животными;

– ответственности за нарушения правил содержания животных в городах и населенных пунктах; владельцев, которые безответственно относятся к содержанию в домашних условиях потенциально опасных животных, включая собак бойцовых пород;

– отдельного федерального рамочного закона о содержании животных.

По мнению Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, решением перечисленных проблем мог бы стать рамочный федеральный закон и этой связи в 2015 г. Государственной Думе Российской Федерации было рекомендовано ускорить рассмотрение проекта федерального закона № 458458-5 «Об ответственном обращении с животными»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 21.

<sup>2</sup> Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // [http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye\\_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917](http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady?ysclid=lanq3a7s9o11580917) (дата обращения 01.11.2022 г.).

<sup>3</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 24.03.2016 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год» // Российская газета. 2016, 24 марта.

<sup>4</sup> Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 24.03.2016 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год» // Российская газета. 2016, 24 марта.

Уточним, что спустя 3 года все-таки был принят федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>1</sup>.

Исходя из того, что ранее Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации очень метко выделял в своих ежегодных докладах проблемы ответственного отношения к животным, а также в связи с его компетенцией по принятию специальных докладов (ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ), предлагаем ему подготовить специальных доклад с оценкой принятого специального законодательства об ответственном обращении с животными и оставшимися проблемами, на решение которых он направлен.

### **Список литературы**

1. Луценко С.И. Уполномоченный по правам человека // СПС КонсультантПлюс, 2021.
2. Вершинина И.Ф., Деменева А.В., Новикова А.Е., Дурнова И.А. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2012.

**Хмелевская Ирина Геннадиевна,**

аспирант кафедры теории и истории государства и права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

**Тонков Евгений Евгеньевич,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры  
теории и истории государства и права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
заслуженный юрист Российской Федерации (Белгород, Россия)

## **МОЛОДЁЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

**Аннотация.** В статье обращается внимание на существующую в России проблему нормативно-правового регулирования молодёжного парламентаризма. Акцентируется внимание на отсутствии определяющих актов в сфере молодёжного парламентского движения, корреспондирующих

---

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.

современным реалиям. Сделан вывод о необходимости разработки нормативной базы, устанавливающей общие основы деятельности молодёжных парламентских структур на федеральном уровне.

**Ключевые слова:** молодёжный парламентаризм, молодёжное парламентское движение, молодёжные парламентские структуры, молодёжные парламенты, молодёжные правительства, молодёжные избирательные комиссии, молодёжная политика.

Вовлечение молодёжного сообщества в общественно-политическую жизнь в последние десятилетия прочно закрепилось в качестве одного из наиболее приоритетных направлений деятельности России. Ещё в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» в рамках задачи формирования целостной системы поддержки обладающей лидерскими навыками, инициативной и талантливой молодёжи обозначалось «распространение эффективных моделей и форм участия молодёжи в управлении общественной жизнью, вовлечения молодых людей в деятельность органов самоуправления»[1].

В противовес снижению интереса молодёжи к процессам, протекающим в стране и обществе в целом, абсентеизму и определённой степени апатичности, ставшим своего рода тенденцией (согласно опросу ВЦИОМ, проведённому летом 2022 года, 45% респондентов не замечают общественную активность российской молодёжи, причём данный показатель сохраняет свою высокую позицию уже на протяжении десятилетия – в 2012 году он составлял 44% [2]), возникла необходимость пристального внимания к «политическому воспитанию», предоставлению молодым людям дополнительных гарантий и возможностей в государственно-управленческом сегменте.

Интеграция людей в возрасте от 14 до 35 лет в управление государственными делами, формирование из них кадрового резерва и своеобразного института «помощников», в общем виде охватываемые единой дефиницией «молодёжный парламентаризм», стали перспективными приёмами борьбы с негативными проявлениями в молодёжной среде.

Отметим, что молодёжный парламентаризм – категория, которая анализируется в большей степени политологами [3; 4]. Правовая сторона данного феномена видится довольно размытой, что в условиях учреждения при большинстве государственных органов разнообразных молодёжных структур является значительным упущением.

Полагаем, в целях качественного функционирования обозначенного института на всех уровнях важно иметь чёткое и однозначное представление о его структурном и содержательном наполнении. Без понимания обозначенных моментов невозможно дать и адекватную оценку молодёжному парламентаризму как самодостаточному явлению в сфере молодёжной политики, обозначить его эффективность в контексте формирования активной гражданской позиции молодёжи.

Сегодня единственным федеральным актом общего характера, который так или иначе регулирует организацию молодёжного парламентаризма в отечественном государстве, являются Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации (далее – Рекомендации), утверждённые инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2.

Заметим, что Рекомендации, прежде всего, дают определение молодёжного парламентаризма, позиционируя его как «систему представительства прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы, основанную на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодёжи – молодёжного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства» [5].

Наряду с определением самого молодёжного парламентаризма Рекомендации включают в себя и вторую важную дефиницию – «молодёжное парламентское движение», под которым предлагается понимать деятельность, направленную «на формирование и развитие общественных консультативно-совещательных структур молодёжи на различных уровнях государственного управления» [5].

В качестве цели развития молодёжного парламентаризма Рекомендации определяют «привлечение молодёжи к активному участию в жизнедеятельности государства, разработке и реализации им эффективной молодёжной политики путем представления законных интересов молодых граждан и общественно значимых идей в различных молодёжных общественных консультативно-совещательных структурах, прежде всего молодёжных парламентах» [5].

Можно прийти к выводу, что молодёжный парламентаризм в России должен существовать как элемент консультативно-совещательного характера, функционирующий при различных органах и обеспечивающий представительство молодёжи и учёт её интересов.

Авторы Рекомендаций указывают и на три ключевые формы, в которых на практике может быть реализован молодёжный парламентаризм, в частности, «молодёжные парламенты, созданные при органах законодательной (представительной) власти; молодёжные парламенты или молодёжные правительства, созданные при органах исполнительной власти; молодёжный парламент как социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодёжных общественных объединений» [5].

Общий обзор Рекомендаций позволяет заключить, что на момент своего принятия – это довольно качественный и проработанный документ. Помимо раскрытия базисных основ – уточнения понятийного аппарата, определения цели молодёжного парламентаризма, форм его воплощения в жизнь, на которых выше мы сделали особый акцент, Рекомендации включают в себя и детальный обзор задач, принципов, уровней, механизмов поддержки и ожидаемых результатов развития молодёжного парламентаризма, обозначают рамочные компетенции молодёжных парламентских структур, их функции.

Однако и здесь есть свои «но». Самое очевидное из них – несоответствие современным реалиям. Даже с учётом изначальной качественной подготовки, с даты принятия Рекомендаций прошло уже почти двадцать лет, что не может не сказаться на параметре их эффективности в наши дни.

Ретроспективный анализ показывает, что разработка Рекомендаций велась на базе уже имеющегося опыта создания молодёжных парламентов – первый из них в нашей стране появился еще в 1996 году (хотя и просуществовал всего год) [6].

Разумеется, данный опыт не был обширным, и именно Рекомендации положили начало внедрению молодёжных парламентских структур в качестве постоянного института на всех уровнях управления. Но период «зарождения» молодёжного парламентского движения в России уже сошел на нет, на сегодняшний день молодёжные структуры при различных органах – вполне привычный элемент. И Рекомендации уже не охватывают собой ряд важных вопросов.

Так, перечень молодёжных структур, согласно тексту Рекомендаций, является открытым. Хотя приоритет отдаётся именно парламентам при законодательных органах, наряду с ними выделяются «думы, советы, палаты, правительства и др.» [5].

Теоретически ввиду такого открытого характера активно набирающие в настоящее время популярность молодёжные избирательные комиссии

имеют «право на существование». Но если сопоставлять их с тремя формами молодёжного парламентаризма, названными в Рекомендациях, можно заметить, что деятельность обозначенных комиссий не вписывается в рамки ни одной из них ввиду «особого статуса» самих органов избирательной системы и специфики их работы, которая не позволяет однозначно причислить их к какой-либо из ветвей власти [7].

Кроме того, Рекомендации практически не затрагивают уровень муниципалитетов, в рамках которых способен развиваться молодёжный парламентаризм. Игнорирование данного звена не является демонстрацией оптимального для современных реалий подхода. Молодёжный парламентаризм может и должен эффективно функционировать в пределах конкретно взятых муниципальных образований. Причём сама система молодёжных парламентских структур видится нам именно в форме пирамиды: без проработанного нижнего уровня – своеобразного «фундамента» – невозможна стабильная работа более высоких ярусов.

Ещё один «негативный» показатель – непосредственно рекомендательный характер анализируемого акта. Безусловно, формирование и развитие молодёжного парламентаризма не должно происходить «насильственным» путем, насаждаться извне, но с учётом существующего многообразия молодёжных парламентских компонентов, не лишней была бы их определённая структурированность, так как для придания какому-либо институту прочной позиции важно обозначить чёткие «границы» его распространения.

Таким образом, можно наблюдать некое несоответствие единственного «профильного» документа в сфере развития молодёжного парламентаризма фактически складывающимся обстоятельствам.

Подчеркнём, что сами по себе Рекомендации представляют собой довольно качественный материал, который следует модифицировать под нынешнюю обстановку. Иными словами, целесообразно исходя из данного документа разработать новый, который учитывал бы ситуацию *de facto*.

Другой вопрос – какого формата должен быть данный документ? По нашему мнению, работа в этом направлении должна вестись уже не в ключе рекомендаций. Актуализация норм о молодёжном парламентаризме по типу «советов» и нестрогих предписаний, пусть даже и теоретически реализованная уже не Министерством образования и науки, а полностью специализирующимся на молодёжной политике органом – Федеральным агентством по делам молодёжи, не корреспондирует возникающим социальным вызовам.

В текущих условиях становления новых принципов развития молодёжи и в целях предоставления указанной социальной группе дополнительных гарантий целесообразно говорить о принятии федерального закона, который бы охватывал в том числе и постулаты о молодёжном парламентаризме в Российской Федерации. К тому же признание молодёжного парламентаризма на уровне именно законодательной власти значительно повысило бы его престиж и позволило создать определённую степень устойчивости его положения.

Обозначим, что речь ведётся не о категоричном принятии отдельного закона о молодёжном парламентаризме – нормы о его системе и содержании можно было сделать хотя бы составной частью принятого относительно недавно Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о молодёжной политике), однако законодатель от такой политики воздержался.

В том же Проекте Стратегии развития молодёжи Российской Федерации на период до 2025 года, ещё в 2013 году затронувшем необходимость разработки названного закона, прямо указывалось, что он «...должен стать базовым федеральным законом, консолидирующим все действующие правовые нормы, касающиеся молодёжной политики, закрепить основные понятия, касающиеся молодёжной политики, до сих пор не закрепленные на уровне федерального законодательства, такие как: молодёжь (молодые граждане) молодая семья, молодой специалист, молодёжный парламентаризм, инфраструктура для молодёжи, молодёжная работа, неформальное молодёжное образование, общественно-значимая деятельность молодёжи» [8].

К сожалению, обозначенное намерение раскрыть понятие молодёжного парламентаризма в рамках закона осталось всего лишь задумкой. Документ так и остался в статусе проекта, а принятое вместо него Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» молодёжный парламентаризм как самостоятельную конструкцию проигнорировало [9]. Видимо, такой же путь был избран и при подготовке Закона о молодёжной политике.

Молодёжный парламентаризм в контексте обозначенного Закона фигурирует только в качестве одной (всего их четыре) из форм участия молодёжи в реализации молодёжной политики – собственно участия «в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при федеральных органах государственной власти, органах государственной

власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях» [10].

Однако для «непосвященного» исследователя может быть неочевидным то, что данная формулировка в обобщённом виде включает в себе именно молодёжный парламентаризм. Иначе говоря, такая важная для общества и молодёжи категория остается за рамками базового акта в сфере молодёжной политики.

Справедливости ради, Закон о молодежной политике в целом был воспринят общественностью и научным сообществом негативно (в адрес Президента Российской Федерации ещё на стадии рассмотрения законопроекта было направлено открытое письмо с просьбой отложить его принятие и продолжить обсуждение [11]) и сейчас находится на стадии активной доработки. Возможно, в ближайшем будущем обозначенная проблема будет в той или иной степени решена.

Резюмируя, отметим, что сегодня имеет место ситуация, когда молодёжный парламентаризм, представляя собой довольно перспективную тенденцию, находится вне правового поля. При этом молодёжные парламентские структуры эффективно функционируют на общегосударственном уровне (на примере Молодёжного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Ассоциации Молодёжных правительств Российской Федерации, Союза Молодёжных избирательных комиссий России), а также в том или ином формате существуют практически в каждом субъекте Российской Федерации, во многих муниципальных образованиях.

В России работа молодёжных парламентов, правительств, общественных палат, избирательных комиссий и т. д. стала уже стандартной практикой. Но их статус, объём полномочий, способ формирования и другие процедурные аспекты урегулированы преимущественно в постановлениях соответствующих органов публичной власти о создании таких молодёжных структур, что опосредует большую степень «свободы» при выборе содержательного наполнения и функционала и априори не позволяет говорить о какой-либо идентичности.

Более того, имеющаяся отечественная нормативная база в сфере молодёжного парламентского движения, по существу состоящая из одних только Рекомендаций по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации, утверждённых инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2, во-первых, довольно устарела и не отвечает фактически складывающимся реалиям, во-вторых, раскрывает лишь ключевые векторы развития молодёжного

парламентаризма, не акцентируя внимание на ряде важных практических вопросов, что не свидетельствует о наличии в нашей стране системного подхода к анализируемой категории.

На наш взгляд, ввиду широкого распространения консультативных, совещательных и иных молодёжных структур при различных органах публичной власти важно иметь понимание как минимум относительно того, что они собой представляют, каким спектром полномочий обладают и должны обладать, какую роль играют в современном гражданском обществе.

Уяснение названных моментов, в свою очередь, позволит дать ответ и на более глубокий вопрос – является ли молодёжный парламентаризм, в итоге, той перспективной формой участия молодёжи в реализации молодежной политики, обеспечения национальных интересов Российской Федерации, оптимальным инструментом моделирования активной гражданской позиции молодых людей, или же он на современном этапе представлен в качестве малоэффективной «формальной» конструкции?

Подводя черту, укажем на тот факт, что проблема разработки качественного нормативно-правового инструментария для полноценного закрепления в России молодёжного парламентского движения стоит довольно остро. Но речь здесь идёт не о необходимости полной унификации содержания и структуры молодёжных органов, функционирующих при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а о потребности разработки общих основ их деятельности. Молодёжный парламентаризм – это весьма позитивный трек, который необходимо развивать и популяризировать, однако это невозможно без соответствующего юридического фундамента.

### **Список литературы:**

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_82134/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/) (дата обращения: 20.11.2022).
2. Аналитический обзор ВЦИОМ. Общественная активность молодежи // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Тумуров Ж. Т. Молодёжный парламентаризм – форма реализации молодежной политики : диссертация ... кандидата политических наук :

- 23.00.02 / Тумуров Жаргал Тумурович; [Место защиты: Забайк. гос. ун-т]. – Чита, 2013. – 146 с.
4. Пастухова Л. С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Пастухова Лариса Сергеевна; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. – Москва, 2007. – 216 с.
5. Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 года № 2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» // Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.
6. Федотов Д.А. Молодежный парламент Вологодской области: исторический контекст и эффективность работы // НАУКОСФЕРА. 2020. № 12-2. С. 59-66.
7. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2007. – 784 с
8. Проект Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года // URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=7&search=ст&page=1> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/) (дата обращения: 20.11.2022).
10. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 1.
11. Молодежи такой закон не нужен // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4626801> (дата обращения: 20.11.2022).

**Шатерникова Ксения Алексеевна**

аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель

**Сафронова Елена Викторовна,**

профессор кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор  
(Белгород, Россия)

### **ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ КАМАРОВСКИЙ – РОССИЙСКИЙ ЮРИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК**

**Аннотация.** В статье рассматривается личность российского ученого, заслуженного профессора, юриста-международника Л.А. Камаровского. Изучаются его биография, научные интересы и общественная деятельность, приводятся основные труды.

**Ключевые слова:** Л.А. Камаровский, биография, международное право, теория государства и права.

В рамках предстоящего 110-летия со дня смерти российского юриста-международника Л.А. Камаровского стоит обратить внимание на личность данного ученого. Мера интереса к ученому и его наследию определяется преимущественно степенью востребованности результатов его научных работ современниками, обществом и потомками. По причине недостаточной осведомленности потомков с его научным наследием, необходимо рассмотреть становление личности российского юриста Л.А. Камаровского.

Биография Л.А. Камаровского была упомянута в совместном труде российских историков В.А. Волкова, М.В. Куликовой, В.С. Логинова «Московские профессора XVIII-начала XX веков» (2006 г.) [1].

К изучению личности ученого проявлял интерес заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор В.А. Томсинов. Владимир Алексеевич написал несколько работ, в которых рассматривал как личность Леонида Алексеевича, так и его научные труды: «Леонид Алексеевич Камаровский (1846-1912)» (2015 г.) [2], «Христианская доктрина международного права в творчестве Л.А. Камаровского» (2019 г.) [3].

В 2021 году в рамках коллективной монографии «Международно-правовые стандарты в отправлении правосудия и их влияние на национальное судоустройство и судопроизводство: история и современность» кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия Н.И. Алексеева посвятила параграф Л.А. Камаровскому «Камаровский Л.А. как основоположник международных стандартов в области правосудия» [4].

Целью данной работы является знакомство с личностью российского ученого Л.А. Камаровского посредством освещения фактов его биографии, а также популяризация данной личности среди современного научного сообщества.

В декабре 2022 исполняется 110 лет со дня смерти графа, российского юриста-международника, заслуженного профессора и декана юридического факультета Московского университета – Леонида Алексеевича Камаровского. Прожив 66 лет, Камаровский оставил после себя огромное научное наследие: статьи, ряд книг, многочисленные доклады, курс лекций, брошюры и другие работы в сфере государственного и международного права. Его научные труды до сих пор сохраняют свою актуальность и научную значимость.

Леонид Алексеевич родился 27 марта 1846 года в семье русских дворян: главного хранителя Московской оружейной палаты Алексея Евграфовича Камаровского и Аделаиды Альбертовны Пирх, дочери казанского помещика [2, с.169-170].

Детство Леонида Алексеевича прошло в городе Казани. Начальное образование Леонид Алексеевич и его сестра Апполинурия Алексеевна получили дома, с ними занимались приглашенные учителя и гувернеры. Основную часть обучения занимало изучение иностранных языков: древнегреческого, немецкого, французского, английского, итальянского, а также латыни. Остальное время уделялось таким предметам, как история, география, древнеримская литература и другие предметы, составляющие программу гимназий.

В 1864 году Леонид Алексеевич закончил Казанскую гимназию и поступил на юридический факультет в Императорский Московский университет.

В упомянутом труде В.А. Томсинова приведены сведения о преподавателях Леонида Алексеевича, которым удалось повлиять на формирование его взглядов и привить интерес к международному праву. Представителем русских ученых, преподававших в то время в

Императорском Московском университете у первых курсов, был Сергей Михайлович Соловьев (профессор, историк) [2, с. 171-174].

На втором курсе из наиболее известных ученых можно отметить преподавателя по истории русского законодательства ординарного профессора, историка Ивана Дмитриевича Беляева и по государственному праву правоведа, философа, историка, публициста, педагога и основоположника конституционного права Бориса Николаевича Чичерина. Подчеркнем, что Леониду Алексеевичу посчастливилось слушать лекции по полицейскому праву у заслуженного профессора, юриста, председателя Московского юридического общества Василия Николаевича Лешкова [2, с. 171-174].

Третий курс знаменовался знакомством с такими видными профессорами, как профессор, правовед, государственный деятель, писатель, переводчик Константин Петрович Победоносцев, ординарный профессор, декан юридического факультета Никита Иванович Крылов. Нельзя не упомянуть, что ординарный профессор, правовед-криминалист Сергей Иванович Баршев, преподававший науку уголовного права, являлся на тот момент ректором в Московском университете [2, с. 171-174].

Ключевой фигурой в становлении взглядов Леонида Алексеевича на международное право являлся правовед, специалист по гражданскому и международному праву, истории государства и права Михаил Николаевич Капустин [2, с. 171-174]. Михаил Николаевич был автором первых учебников по международному праву в России, а также занимал кафедру международного права в Московском университете с начала ее основания (1863 г.) по 13 марта 1870г. Именно на этой кафедре в 1868 году Леонид Алексеевич был оставлен после окончания обучения для подготовки к профессорскому званию.

С 1869 по 1870 год Леонид Алексеевич был отправлен за границу в командировку для изучения международного права в университеты Германии и Австро-Венгрии. Информации о том, с кем он там познакомился и общался, не сохранилось. Однако после завершения командировки Леонид Алексеевич успешно сдал магистерский экзамен и начал плодотворную работу над своей магистерской диссертацией [2, с. 171-174].

Позднее, после перенесенной болезни, Л.А. Камаровский был отправлен на обучение в Гейдельбергский университет. Его профессором в то время был Иоанн Каспар Блюнчли (1808 – 1881) – швейцарский юрист и политик. Имя профессора стало широко известно благодаря его трудам «Современное военное право цивилизованных государств», «Современное военное право цивилизованных государств, представленное в виде кодекса»,

а также участию в политических делах, основании союза протестантов (Protestantverein) и членству в баденской первой палаты.

Основной идеей в сфере международного права, предложенной И.К. Блюнчли, было учреждение периодических съездов учёных представителей международного права. Целью таких съездов являлись обсуждения о возможности замены кулачного права войны международным трибуналом [5, с. 19]

Данная идея была поддержана учеными многих стран и, как итог, был создан Институт международного права, первый съезд которого был собран в 1873 году в Генте [5, с.617-618] под председательством И.К. Блюнчли.

Защита магистерской диссертации «Начало невмешательства» Леонида Алексеевича была успешно сдана 5 декабря 1874 года. Сама диссертация имела следующую структуру:

1. Предисловие, в котором изложены пояснения автора о выбранной теме и исследуемых в основном тексте работах, а также благодарность профессору И.К. Блюнчили.

2. Очерк I «Вопрос о невмешательстве в литературе», включающий в себя 6 глав последовательного анализа теорий немецких, американских, английских, французских и итальянских писателей, в конечном итоге приводя точку зрения русского правоведа М.Н. Капустина.

3. Очерк II «Охранительные невмешательства», включает в себя 5 глав: определение предмета, характер первой коалиции против Франции 1791 – 93 г., образование Священного Союза, интервенция Австрии в Италии в 1821 году (Неаполь, Пьемонт), французское вмешательство в Испании 1823 г. [6].

После защиты магистерской диссертации у Леонида Алексеевича началась преподавательская деятельность, которая продолжалась 38 лет в Московском университете с должности приват-доцента на кафедре международного права.

Готовясь к написанию докторской диссертации, Леонид Алексеевич был отправлен в командировку во Францию в 1878 году. Тема диссертации была посвящена проблеме международного суда, а в самом тексте позднее найдут свое отражение как теоретические, так и практические данные об организации, устройстве и деятельности такового суда. Защита докторской диссертации состоялась в 1881 году, после чего она была издана в виде отдельной книги.

30 октября 1881 года Совет Московского университета утвердил Л.А. Камаровского в степени доктора государственного права, а также в звании ординарного профессора.

С этого периода Леонид Алексеевич начинает активно заниматься научной деятельностью: написание статей, выступление с докладами на конференциях различного уровня, опубликование книг и брошюр. Отметим следующие научные труды: «Об идеи мира между народами» (1884), «Опыт кодификации частного международного права – конференция в Гааге в 1893 г.» (1894), «Основные вопросы науки международного права» (1892), «Международное право как предмет самообразования» (1895).

В Московском университете действовал устав, в соответствии с которым профессора, отслужившие срок 25 лет должны избираться Советом факультета на каждые новые 5 лет. При этом необходимо было набрать две трети голосов [2, с. 185-186]. Леонид Алексеевич отпраздновал 25-летие своей научной деятельности 19 декабря 1897 года, после чего успешно прошел процедуру и был избран еще на 5 лет.

С 1899 года Советом факультета Московского университета Л. А. Камаровский был удостоен должности заслуженного профессора Московского университета.

В данный период граф Камаровский продолжил свою научную деятельность и опубликовал следующие свои работы: «Международное право в XIX веке» (1901), «Христианская нравственность и международные отношения» (1903) и другие.

Период революции 1905-1907 годов не оставил Леонида Алексеевича равнодушным. Им было принято решение присоединиться к деятельности партии «Союз 17 октября». Л.А. Камаровский входил в состав Центрального Комитета данной партии и выступал с приветственным словом на 3-м Всероссийском съезде партии октябристов.

1909 год для Леонида Алексеевича стал насыщенным в плане его общественной и научной деятельности: он был назначен представителем России в Постоянной Палате Гаагского международного третейского суда Императором Николем II, а также был избран на должность декана юридического факультета в Московском университете [2, с. 189].

4 декабря 1910 года его избрали член-корреспондентом Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения (в академии отсутствовал разряд юридических наук) [2, с. 189].

С конца 1910 года начался период студенческих митингов и забастовок, с которым не смог справиться А.А. Мануйлов (ректор Московского университета), после чего он принял решение о проведении Совета университета по поводу его отставки.

2 февраля 1911 года Л.А. Камаровский назначен исполняющим обязанности ректора Московского университета. Леониду Алексеевичу удалось вернуть ряд ушедших преподавателей, а также восстановить порядок в университете.

1912 год стал последним в жизни графа Камаровского. После трагического случая с попаданием под трамвай, произошедшего с ним в день выборов ректора Московского университета (22 апреля 1911 год), он так и не оправился. Ввиду общего ухудшения состояния его здоровья обострился туберкулез и 8 декабря Леонид Алексеевич скончался в возрасте 66 лет. Похоронен в некрополе Донского монастыря.

Анализ научной литературы, посвященной личности и научным трудам Л.А. Камаровского, позволяет продемонстрировать его путь становления заслуженным профессором, юристом-международником, а также познакомить с данной личностью современное научное сообщество.

### Список литературы

1. Волков В. А. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки / В.А. Волков, М.В. Куликова, В.С. Логинов. – Москва : Янус-К: Московские учебники и картолитография, 2006. – 300 с.
2. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII-XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х т.т. – 2-е изд., доп. Том 2. Москва : Зерцало-М, 2015. 472 с.
3. Томсинов В. А. Христианская доктрина международного права в творчестве Л. А. Камаровского // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 3. С. 38-67.
4. Алексеева Н. И. § 1. Камаровский Л.А. как основоположник международных стандартов в области правосудия // Международно-правовые стандарты в отправлении правосудия и их влияние на национальное судоустройство и судопроизводство: история и современность : Коллективная монография / Верховный Суд Российской Федерации; Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. С. 97-106.
5. Каламкарян Р. А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. 349 с.
6. Камаровский Л. А. Начало невмешательства. – Москва : [б. и.], 1874. – IV, 300, III с.

**Шерстнев Валерий Николаевич,**  
аспирант кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
(Москва, Россия)

Научный руководитель:  
**Мархгейм Марина Васильевна,**  
заведующий кафедрой конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор  
(Белгород, Россия)

## **ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К СУДОУСТРОЙСТВУ**

**Аннотация.** В статье представлены результаты анализа текстов решений Конституционного Суда Российской Федерации, в которых отражены различные подходы к интерпретации судоустройства; автором подчеркнуто, что помимо концептуальных и правовых источников в формировании теоретико-отраслевых положений трансформации судоустроительного аспекта важна роль и эмпирических материалов.

**Ключевые слова:** судоустройство, Конституционный Суд Российской Федерации, решение, практика.

Конституционные поправки, внесенные в 2020 г., коснулись, помимо прочего, судоустроительных вопросов. В частности, конституирована судебная система, представленная исчерпывающим перечнем судов (ч. 3 ст. 118), а также определен статус Конституционного Суда Российской Федерации в качестве высшего органа конституционного контроля (ч. 1 ст. 125), который, по определению Н.В. Витрука, является «специфическим видом охраны и защиты конституции» и представляет собой проверку «на соответствие конституции законов и других нормативных актов, решений и действий органов публичной власти и других субъектов права с целью утверждения правового режима конституционности и конституционного порядка [1, с. 181].

Формируя конституционно-отраслевые положения, отражающие трансформацию судоустройства в Российском государстве, надлежит обратиться не только концептуальным [2, 3, 4, 5] и правовым источникам, но и к практике. Полагаем, здесь уместен анализ решений Конституционного

Суда Российской Федерации, поскольку, как следует из ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, эта судебная инстанция принимает решения, оценивая не только буквальный смысл подлежащих толкованию конституционных положений, но и смысл, придаваемый им сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе норм Конституции России<sup>1</sup>.

В заявленном нами ракурсе еще в 2000 г. Конституционным Судом Российской Федерации была сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой регулирование образования и деятельности федеральных судов не может осуществляться нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, поскольку это нарушает принцип верховенства Конституции Российской Федерации и является вторжением в полномочия Российской Федерации по предметам ее ведения<sup>2</sup>.

В последующем Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что «Конституция Российской Федерации относит к ведению Российской Федерации как судоустройство (п. «о» ст. 71) и установление системы федеральных органов судебной власти, порядка их организации и деятельности (п. «г» ст. 71), так и установление судебной системы Российской Федерации в целом, которая в силу ч. 3 ст. 118 определяется исключительно Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами. Конституция Российской Федерации устанавливает единую судебную систему и не предполагает в качестве самостоятельных судебные системы субъектов Российской Федерации»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

<sup>2</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

<sup>3</sup> См.: определения Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 г. № 249-О «По ходатайству Президента Республики Башкортостан об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года по ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 374; от 08.07.2004 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке соответствия Конституции Российской Федерации Федерального закона "О внесении изменения в Федеральный закон "О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3991.

Вместе с тем, такой подход позволяет «в пределах, предусмотренных федеральным законодательством, каждому субъекту Российской Федерации самостоятельно устанавливать порядок организации и материально-технического обеспечения деятельности мировых судей»<sup>1</sup>.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации зафиксировал однозначность регулятивного подхода к судоустройству через конституционно определенные предметы ведения. Кроме того, перечисление в решении таких категорий, как «судоустройство», «система органов судебной власти» позволяет автору умозаключить однопорядковость данных правовых явлений, но с оригинальным содержательным наполнением каждого.

Поскольку правосудие, осуществляемое судами, является наиболее востребованным способом защиты прав личности, объяснимо совмещение Конституционным Судом Российской Федерации судоустроительных и судопроизводственных аспектов с гарантиями прав и свобод личности. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 9-П указывалось, «конституционное требование о законном суде предполагает не только наличие в процессуальном законе положений, определяющих тот суд и того судью, к подсудности которых относится рассмотрение конкретного дела, но и согласование с этими положениями соответствующих норм о судопроизводстве и судоустройстве, с тем чтобы были соблюдены конституционные гарантии судебной защиты в разумный срок и требования, обеспечивающие ее эффективность. Законодательное регулирование, не отвечающее данным критериям, создает возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения соответствующих норм, порождает противоречивую правоприменительную практику и тем самым нарушает конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан»<sup>2</sup>.

Интересно, что не только процессуальные аспекты Конституционный Суд Российской Федерации связывает с государственной / судебной защитой прав личности, но и исключительно судоустроительные. Так, по мнению

---

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 г. № 230-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О мировых судьях в Российской Федерации"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

<sup>2</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 3149.

Конституционного Суда «ситуация, при которой действительная реализация процессуальных гарантий приносится в жертву простоте организационных решений в сфере судоустройства, нетерпима. Цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и никак не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту»<sup>1</sup>.

В порядке резюме отметим, что представленные немногочисленные примеры из практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяют обозначить его подходы к пониманию судопроизводства. Среди таких подходов – регулятивный (однозначность формализации федеральным законодательством), системно-структурный (перечисление наряду с системой органов судебной власти), правозащитный (сопоставление с гарантиями судебной защиты прав и свобод личности).

### Список литературы

1. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. – М.: Изд-во РАП, 2008. 272 с.
2. Мархгейм М.В., Стус Н.В., Минасян А.А. Федеральные законодательные и судебные органы: конституционные грани взаимодействия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 26-29.
3. Васильев С.Л., Дроздова А.Д. Судебная власть и судоустройство: некоторые аспекты осуществления правосудия в Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 11. С. 117-120.
4. Мархгейм М.В. Система публичной власти Российской Федерации: конституционные детерминанты единения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 8 (147). С. 66-72.
5. Джамиль Э.З., Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Конституционно-судопроизводственная специализация принципов состязательности и равноправия сторон в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 7 (146). С. 41-45.

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 3149.

**Васильева Алина Евгеньевна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ЗАЩИТА ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ**

**Аннотация:** В статье осуществлен анализ правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев, гарантий защиты их прав и свобод; рассмотрены процедуры получения данных статусов, их особенности; раскрыты нововведения российского права в заявленной сфере; определена роль Уполномоченного по правам человека по защите прав беженцев и вынужденных переселенцев.

**Ключевые слова:** беженцы, вынужденные переселенцы, разрешение на временное проживание, миграционное законодательство, государственная защита прав и свобод беженцев и вынужденных переселенцев.

Задачи, реализуемые в рамках социальных, политических и экономических нововведений, обеспечения государственной защиты и высокого уровня гарантий конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, сохранения суверенитета и целостности страны определяют важность изучения и решения вопросов миграционного законодательства. Проблема беженцев не теряет своей актуальности и важности. Нет такого государства, которое бы ни сталкивалось с наплывом вынужденных мигрантов. По этому поводу С.А. Авакьян высказал следующее мнение: «Проблема беженцев существовала и будет существовать до тех пор, пока в мире не прекратится разрешение внутригосударственных и межгосударственных конфликтов с помощью силы» [1].

Нестабильная политическая, социальная ситуация накладывает свой отпечаток и вынуждает граждан покидать свои страны в поиске защиты и помощи. Такие лица относятся к категории беженцев. На государственном уровне их статус закреплен Законом от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»<sup>1</sup>. «Беженец – это лицо, которое не является гражданином России и

---

<sup>1</sup> Закон РФ от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 1993, 20 марта.

по причине опасений может стать жертвой посягательства и гонений по расовой, национальной, гражданской принадлежности, а также конкретному социальному статусу, политических взглядам пребывает за пределами страны, гражданином которой является и у которого отсутствует защита родного государства или в силу обстоятельств не оно не хочет пользоваться такой защитой из-за опасений; или являясь апатридом и пребывая за пределами государства постоянного местожительства из-за такого рода действий, не может или не хочет возвращаться в результате подобных опасений»<sup>1</sup>.

В советское время такого понятия, как беженцы, не было законодательно установлено. Они рассматривались как участники международных правоотношений. СССР руководствовался международными актами в сфере правового режима беженцев, что примечательно, не ратифицируя их. Лишь с распадом СССР, Россия 13 ноября 1992 года присоединилась к Конвенции 1951 года о статусе беженцев<sup>2</sup> и Протоколу 1967 года к ней. Позднее утверждаются перечни правовых актов, регулирующих правовой статус беженцев в Российской Федерации. С 2005 года начинается реформирование и совершенствование правового статуса беженца.

Стоит отметить, что в настоящее время на Россию приходится большое количество миграционных потоков, которые носят поистине масштабный характер. По сравнению с гражданами России, беженцы являются менее защищенными в правовом аспекте. Лицо, прибывая на территорию России, в первую очередь нуждается в социальной защите. Т.К. Миронова определяет такую защиту как, как «деятельность государственных и негосударственных органов и организаций по осуществлению мер экономического, правового, организационного характера, которые направлены на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека и его семьи при наступлении определенных социально значимых обстоятельств, а также на сохранение приемлемого уровня их материального и социального благополучия» [2, с. 7-11].

На федеральном уровне закрепляется порядок, в соответствии с которым лицо признается беженцем. Например, процедура предварительного рассмотрения ходатайства о признании беженцем закреплена в Приказе МВД России от 11.06.2019 № 376<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Российская газета. 1993, 20 марта.

<sup>2</sup> Конвенция о статусе беженцев, Женева, 28 июля 1951 г. // Бюллетень международных договоров от 1 ноября 1993 г. № 9.

<sup>3</sup> Приказ МВД России от 11.06.2019 № 376 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению

Согласно ст. 8 Закона «О беженцах» прав и обязанностей у лица, признанного беженцем, становится больше.

Статус беженца предоставляется на три года, при необходимости его можно продлить на год.

Законом «О беженцах» регулируется особая категория иностранных лиц – получившие временное убежище. Так, согласно официальным статистическим данным, на конец 2020 года в России насчитывалось порядка 455 беженцев, в то время как 19 817 иностранных граждан оформили временное убежище<sup>1</sup>. Если у лица есть все основания для получения статуса беженца, но он решил, что ему необходимо лишь временно пребывать на территории России, то он вправе написать заявление о предоставлении временного убежища. Такой статус предоставляется на год и может продлеваться неоднократно ещё на один год. Процедура предоставления временного убежища проще процедуры статуса получения беженца.

Стоит отметить, что сложилась обширная судебная практика по делам беженцев. Так Ленинским районным судом г. Самары было рассмотрено дело об отказе Администрации в предоставлении регистрации беженки у своей родственницы, ссылаясь на то, что при регистрации будут существенно нарушены права проживающих там лиц. Суд, признав действия администрации противоречащими правовым нормам, удовлетворил жалобу беженки, сославшись на Постановление Правительства РФ «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам», которым предусмотрена такая регистрация независимо от размера жилого помещения<sup>2</sup>.

В 2022 году количество лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации, значительно возросло в связи со сложившейся политической обстановкой. В связи с необходимостью регламентации прав лиц, прибывших с территорий ЛНР, ДНР и Украины, был принят Указ Президента от 27.08.2022 № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской

---

государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации» (ред. от 17.11.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 30 июля 2019 г.

<sup>1</sup> Официальный сайт «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/politics/nazvano-chislo-bezhencev-v-rossii.html> (дата обращения 11.10.2022 г.).

<sup>2</sup> Обобщение судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением законодательства о беженцах и вынужденных переселенцах // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

Народной Республики и Украины в Российской Федерации»<sup>1</sup>. В целях защиты прав человека, исходя из норм международного гуманитарного права и Конституции Российской Федерации за лицами возмозможность временно пребывать без ограничения сроков, но с обязательным прохождением государственной дактилоскопической регистрации, фотографирования, а также медицинского освидетельствования. Также указанная категория лиц вправе осуществлять на территории Российской Федерации трудовую деятельность без разрешения на работу или патента<sup>2</sup>. Граждане Украины могут получить вид на жительство, не оформляя разрешение на временное проживание. Также срок оформления регистрации продлен до 90 дней.

С принятием четырех федеральных конституционных законов о вхождении ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей, действие Указа Президента № 585 все также распространяется на граждан Украины.

Категорией лиц, заслуживающих внимания, являются вынужденные переселенцы. Их правовой статус закреплен в Законе РФ «О вынужденных переселенцах»<sup>3</sup>. Стоит сказать, что вынужденный переселенец – это гражданин Российской Федерации, которому пришлось покинуть прежнее место жительства в результате совершенного в отношении его или его близких насильственных действий или преследования и иных формах, или, когда ему прямо угрожает опасность по расовому, национальному, идеологическому, языковому, социальному признакам, а также по политическим убеждениям, явившихся началом поведения враждебной политики к определенному лицу или группе лиц, массовых нарушений общественного порядка. Так вынужденными переселенцами признаются граждане России, вынужденные покинуть место проживания иностранного государства или граждане России, вынужденные переехать из одного субъекта Федерации в другой. Законом определены этапы получения статуса: подача ходатайства в территориальный орган по вопросам миграции, принятие решения о регистрации соответствующего документа, предоставление лицу свидетельства о регистрации ходатайства, признание лица вынужденным переселенцем и получение им удостоверения. Можно

---

<sup>1</sup> Указ Президента от 27.08.2022 № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 35. Ст. 6071.

<sup>2</sup> Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 №357-ФЗ // Российская газета. 2022, 22 июля.

<sup>3</sup> Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 1993, 20 марта.

заметить, что процедуры получения статуса беженца и вынужденного переселенца одинаковы, закон предоставляет равные возможности для реализации прав каждого. Но по своей правовой структуре данные статусы не равны между собой.

В силу специфики своего статуса Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своей деятельности уделяет внимание защите прав беженцев и вынужденных переселенцев. В первую очередь он рассматривает жалобы как граждан России, так и иностранных лиц, и лиц без гражданства на решения или действия (бездействия) органов публичной власти. Уполномоченный наделен возможностью по личной инициативе предпринять необходимые меры по защите интересов лиц, не в состоянии лично использовать правовые средства защиты.

Одним из правозащитных средств Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является его ежегодный доклад Президенту Российской Федерации и Федеральному Собранию Российской Федерации о состоянии соблюдения прав человека в Российской Федерации. Так, в ежегодном докладе Уполномоченного за 2014 год пристальное внимание уделялось жалобам, поступающим от жителей Республики Крым и украинских беженцев. Обращения были направлены на получение гражданства, статуса беженца, порядка предоставления убежища на территории России. По результатам жалоб Уполномоченным были внесены предложения по обустройству беженцев на территории страны. Предложения нашли свое отражение в постановлениях, которые конкретизировали действия регионов по обеспечению прибывших лиц соответствующими гарантиями: проживание, трудоустройство, медицинская, социальная помощь и многое другое. В регионах создавались пункты временного размещения, штабы по оказанию необходимой помощи, также упрощалась процедура получения убежища, оказания медицинской помощи.

В порядке резюме укажем, что российское законодательство в сфере миграции закрепляет не только процедуры получения иностранными гражданами или лицами без гражданства специальных статусов, но и гарантирует их необходимую защиту с учетом дифференциации статусов.

### **Список литературы:**

1. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. М., 2003. 430 с.
2. Миронова Т.К. К вопросу об определении понятия «социальная защита» // Трудовое право. 2008. № 3. С. 7-11.

**Жаббар Бахжат Фахад Жаббар**  
магистрант юридического института НИУ «БелГУ»  
(Ирак)

Научный руководитель:  
**Никонова Людмила Ивановна**,  
доцент кафедры конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ИМПЕРАТИВ НЕДОПУСТИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ**

**Аннотация.** Анализируя высказываемые в научной литературе идеи об ограничении дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов и сокращении их объема, автор приходит к выводу, что такие предложения сегодня преждевременны. Для аргументации точки зрения, представленной в статье, приводятся факты нарушения и пренебрежения некоторыми западными странами, взявшими на себя международно-правовые обязательства по защите российских консульских учреждений и их персонала, норм как универсальных международных конвенций, так и международных консульских конвенций, заключённых между Российской Федерацией и этими государствами.

**Ключевые слова:** консульские привилегии и иммунитеты, консульские помещения, консульские должностные лица, международные конвенции, международные соглашения.

Сотрудничество государств в области консульских отношений является одним из важнейших элементов международного взаимодействия, способствующих развитию и расширению «экономических, торговых, научно-технических, культурных и иных связей» [1] между странами. Правовые нормы, регулирующие содержание и объем консульских привилегий и иммунитетов, содействуют обеспечению беспрепятственного осуществления консульскими должностными лицами и сотрудниками консульских учреждений своих обязанностей в государстве пребывания, способствуют эффективной реализации консульскими учреждениями и консульскими отделами дипломатических представительств своих функций.

Следует согласиться с точкой зрения А.С. Емельянова и Е.В. Сафроновой, что обсуждаемые в последние годы в научной литературе вопросы о «реформировании международного института привилегий и иммунитетов в сторону их уменьшения» [2, с. 40-41], вызванные фактами злоупотребления со стороны дипломатических и консульских работников [3, 4], преждевременны. Учитывая сложившуюся внешнеполитическую обстановку, «говорить» о сокращении объема и ограничении содержания элементов, входящих в состав международных консульских привилегий и иммунитетов, не приходится [2, с. 41]. Несмотря на то, что нарушение консульских иммунитетов и привилегий иностранного государства «может расцениваться как существенное причинение вреда его интересам и способно осложнить взаимоотношения между странами, а также нанести ущерб репутации принимающего государства» [5, с. 53], в последнее время участились случаи несоблюдения и невыполнения международно-правовых обязательств по защите и охране российских дипломатических и консульских представительств и их сотрудников.

Санкции, введенные в 2022 г. западными странами против России, привели к значительному сокращению числа российских дипломатов, закрытию консульств в ряде стран и уменьшению числа сотрудников консульских учреждений. Так, 5 марта 2022 г. власти Чехии отозвали согласие на открытие российских Генеральных консульств в Брно и Карловых Варах, 1 мая 2022 г. закрылись Генеральные консульства Российской Федерации в латвийских городах Даугавпилсе и Лиепаве, 19 апреля 2022 г. в литовском городе Клайпеда, 30 апреля 2022 г. Генеральное консульство Российской Федерации в эстонской Нарве и Канцелярия консульского отдела Посольства в Тарту и т.п. [6]. Подобная политика, проводимая правительствами этих государств, усиливает рабочую нагрузку на консульские отделы посольств Российской Федерации, а закрытие консульских учреждений в беспрецедентно сложных и кризисных внешнеполитических условиях осложняет ситуацию с «обслуживанием интересов России в сфере бизнеса», являющейся одним из приоритетных направлений российской консульской службы [7, с. 1], а также с обеспечением, защитой и охраной прав и интересов российских граждан, находящихся за границей.

А.С. Емельянов и Е.В. Сафронова, проведя сравнительный анализ международных двусторонних договоров Российской Федерации и универсальных международных конвенций, определяющих объем и содержание консульских и дипломатических иммунитетов и привилегий, отмечают, что наблюдается «тенденция сближения консульских и

дипломатических иммунитетов и привилегий». Авторы пишут, что «в подавляющем числе консульских конвенций России закрепляется абсолютная неприкосновенность консульских учреждений; неприкосновенность консульских должностных лиц, а также освобождение от юрисдикции государства пребывания за исключением нескольких изъятий в отношении гражданских исков...» [2, с. 40].

Такая практика Российской Федерации должна положительно сказываться на развитии международных отношений, но негативная реакция некоторых стран, вызванная проводимой Россией политикой, отрицательно влияет на дипломатические и консульские отношения государств. Со стороны западных правительств, особенно это касается стран, ведущих «санкционную войну» против России, наблюдаются факты нарушения и пренебрежения нормами не только универсальных международных конвенций (Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [8] и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. [9]), но и международных консульских конвенций, заключенных между государствами.

Подтверждением может послужить изъятие Государственным департаментом США 2 сентября 2017 г. служебной части Генерального консульства Российской Федерации в Сан-Франциско. При этом американские власти объявили об этом за день до закрытия. Были также проведены досмотры помещений в служебной части и в квартирах сотрудников, в той части здания, которая отведена под жилые помещения. Американские власти не предоставили россиянам право вывоза консульского архива, а самостоятельно упаковали и вывезли его в Вашингтон 23 октября 2017 г., несмотря на неоднократные протесты Посольства России и Министерства иностранных Дел Российской Федерации [10]. Действия американских властей явились грубым нарушением ст. 27 и ст. 33 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., а также ст. 17 Консульской конвенции между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки 1964 г. [11]. Оба международных акта определяют, что власти государства пребывания обязаны «уважать и охранять консульские помещения, а также имущество консульского учреждения и консульский архив», «консульские архивы являются неприкосновенными в любое время и независимо от их местонахождения».

С начала 2022 г. в некоторых европейских странах неоднократно нарушался п. 3 ст. 31 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., согласно которому «на государстве пребывания лежит специальная

обязанность принимать все надлежащие меры для защиты консульских помещений от всяких вторжений или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия консульского учреждения или оскорбления его достоинства». Примерами нарушения этой статьи явились случаи порчи зданий и имущества (стендов, домофонов, видеокамер, окон и др.) Генерального консульства России в Генуе, Генерального консульства Российской Федерации в Страсбурге и Марселе, Консульского отдела Посольства Российской Федерации в Эстонской Республике, Консульского отдела Посольства Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии и др. [12].

Предпринимались также не только попытки нанести ущерб и повреждения российским дипломатическим помещениям и консульским учреждениям, но и существовала непосредственная угроза жизни российских граждан. Например, 5 марта 2022 г на территорию Консульского отдела Посольства Российской Федерации в Королевстве Нидерландов было подброшено взрывное устройство, которое могло повлечь жертвы среди российских граждан [12].

В докладе Министерства иностранных дел Российской Федерации «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах» отмечается, что с начала 2022 г. «по миру прокатилась волна нападений на российские дипломатические представительства. Примечателен тот факт, что подобные акты имели место исключительно в государствах, ведущих санкционную войну против нашей страны» [12].

Принимая во внимание сложную внешнеполитическую обстановку, сегодня должно быть обращено особое внимание на соблюдение и выполнение норм, составляющих институт консульских привилегий и иммунитетов. Представляя собой нормы *jus cogens*, этот международный институт имеет важное значение для безопасности и благополучия современного международного сообщества. Полагаем, что на данный момент вопрос о реформировании или корректировке объема консульских привилегий и иммунитетов в сторону их ограничения или сокращения, поднимать преждевременно.

### **Список литературы:**

1. Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» (с изм. и доп. от 11 июня 2021 г. № 178-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 28. Ст. 3554; 2021 г. № 24 (часть I) ст. 4196; «Официальный интернет-портал правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)) 11 июня 2021 г. № 0001202106110024

2. Емельянов А.С., Сафронова Е.В. Консульские иммунитеты и привилегии в договорной практике России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 37-42.
3. Еремина Е.С. Дипломатический иммунитет: привилегия или безнаказанность? // Міжнародний науковий журнал інтернаука. 2017. Т. 2. № 18 (40). С. 92-94.
4. Гинойн А.А. Злоупотребление дипломатическими привилегиями и иммунитетами / А.А. Гинойн, А.А. Драчев // Научный аспект. 2019. Т. 1. № 3. С. 96-103.
5. Искевич И. С. Правовой анализ института консульских привилегий и иммунитетов / И.С. Искевич, А.С. Белов // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 47. С. 52-56.
6. Консульский информационный портал. Официальный сайт – Режим доступа: <https://www.kdmid.ru/docs/?part=all> (дата обращения 22.11.2022)
7. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII - начале XX вв.: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений. Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2002. – 42 с.; URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-konsulskoi-sluzhby-rossiiskoi-imperii-v-xviii-nachale-xx-vv> (дата обращения: 22.11.2022)
8. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. (Вена, 18 апреля 1961 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций; URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/dip\\_rel.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml) (дата обращения: 25.11.2022).
9. Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. (Вена, 24 апреля 1963 г.) Конвенция вступила в силу 19 марта 1967 г. / Сборник международных договоров СССР. – Москва, 1991. Вып. XLV. С. 124.
10. Громов А. «Рейдерский захват»: как развивалась ситуация с российской дипсобственностью в США // Информационное агентство ТАСС, от 4 сентября, 2017 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/4529818> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Консульская конвенция между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки (Вместе с «Протоколом к Консульской конвенции между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки») (Заключена в г. Москве 01.06.1964) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 29. Ст. 261. <https://base.garant.ru/2556962/> (дата обращения: 25.11.2022).

12. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации от 14.06.2022. «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах». – Режим доступа: [https://www.mid.ru/ru/foreign\\_policy/humanitarian\\_cooperation/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/) (дата обращения: 25.11.2022).

**Ибрагимов Ренат Ибрагимович,**  
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель  
**Сафронова Елена Викторовна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, профессор  
(Белгород, Россия)

## **МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН И ПРАВО О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ**

**Аннотация:** в рамках представленной статьи автором осуществляется анализ современной трактовки содержания права на применение силы с точки зрения норм международного права. Проанализирована роль Международного суда ООН в рамках указанной деятельности, а также практика принятия им решения по вопросам введения войск одной страны на территорию другой. По итогам проведенного исследования сделан вывод, изложенный в заключении статьи.

**Ключевые слова:** Международный суд ООН, право о применении силы, Устав ООН, международное право, международный конфликт

Право о применении силы – это одно из самых неоднозначных прав, в международном сообществе, содержание которого – это предмет бесконечных дискуссий не только среди ученых, но и среди государственных деятелей.

Что же вообще такое право о применении силы какую роль здесь играет Международный суд ООН?

Начнем с того, что право о применении силы, по верному замечанию И.А. Федулкиной, – это совокупность норм и принципов международного права, касающихся вопросов запрета, воздержания, а также дозволения применения силы в международном праве» [1]. Таким образом, в наиболее общем смысле право о применении силы – это возможность государства

применять свои вооруженные силы на международной арене, в том числе для решения межгосударственных конфликтов. Международный суд ООН – это главный орган в международных отношениях, который наделен полномочиями толковать содержание данного права, а также решать вопрос о законности и обоснованности реализации права на применение силы. Это вытекает из смысла содержания одного из положений Устава ООН, в котором сказано, что одной из задач ООН является обеспечение принятием принципов и установлением методов, чтобы «вооруженные силы применялись не иначе как в общих интересах...» [2]. Как верно утверждает, одним из ключевых решений Международного суда ООН о толковании права применения силы стало дело «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа», которое представляло собой спор относительно реализации «права на самооборону» между Никарагуа и США, и было рассмотрено 27 июня 1986 года [3, с.123]. Считается, что именно это решение Международного суда стало по-своему «революционным» и позволило по-новому трактовать право о применении силы в международном сообществе. Полагаем, что его стоит рассмотреть более подробно.

Итак, это разбирательство было инициировано представителями Никарагуа (Африка) по обвинения против США в осуществлении последними военизированной деятельности на территории Африканской страны. По мнению представителей, такое вмешательство являлось нарушением ст. 2 Устава ООН, а также ст. 1 и 3 Конвенции о правах и обязанностях государств в случае гражданских волнений. В чем же заключалась суть проблемы? А в том, что во время гражданских волнений в Никарагуа США стали оказывать поддержку (в том числе и обеспечение финансовыми средствами, обучение, вооружение и пр.) антиправительственной группировке контраст. Кроме того, США неоднократно осуществляли вторжение в воздушное пространство Никарагуа и минировали их территориальные воды. В ответ на предъявленные обвинения, американская администрация заявила, что дело не может быть рассмотрено Международным судом ООН по следующим причинам:

– США не признает компетенцию Международного суда ООН по рассмотрению именно этого дела;

– США действовали в рамках Межамериканского Договора о взаимопомощи, и их действия – это ни что иное, как ответ на запрос о помощи, поступивший от Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики против агрессии Никарагуа.

Однако рассмотрев дело по существу Международный суд ООН признал действия США нарушением норм международного права. При

принятии решения суд руководствовался тем, что было не доказано, что указанные города действительно просили США о помощи. Кроме того, суд признал, что вмешательство США во внутренние волнения в Никарагуа – это нарушение обязанности всех стран ООН не вмешиваться в дела других суверенных государств, так как это является нарушением целостности их территории и осуществляемой внешней и внутренней политики [4]. Революционность этого решения заключалась в том, что именно в рамках указанного решения суд признал необходимость так называемой «атрибуции», то есть установление факта «эффективного контроля» государства за деятельностью негосударственных образований, в отношении которых необходимо применение силы в целях реализации права на коллективную самооборону. Другими словами, Международный суд ООН признал право на самооборону только при возникновении конфликтов между государствами, а вот на различные террористические и антиправительственные группировки это правило отныне распространяться перестало. Таким образом, сформировался весьма любопытный прецедент. Помимо прочего, на США была возложена обязанность по возмещению материального вреда, причиненного Никарагуа [5, с.281].

Обратим внимание, что принятие этого решения выявило ряд проблем, которые связаны с деятельностью постоянных государств-членов ООН. Например, США, относясь к такой категории, пять раз накладывали право вето на необходимость исполнения решения Суда по Никарагуа. Фактически это свидетельствовало о том, что государство, которое было признано виновным в нарушении международных норм, из личной заинтересованности препятствовало исполнению решения, что являлось прямым нарушением всех принципов деятельности ООН. К сожалению, эта проблема остается нерешенной по сей день, а компенсация Никарагуа не выплачена до сих пор. Все это в совокупности свидетельствует о фактическом бессилии Международного Суда ООН, так как его решения могут не исполняться, вопреки международному праву. Возможно ли решить данную проблему? Безусловно, если запретить государствам-членам ООН, в том числе постоянным, накладывать право вето на решения Международного суда ООН, наделив последние высшей силой и первоочередностью исполнения для признанных виновными стран. К сожалению, навряд ли такая практика будет принята в ближайшее время, однако она обладает определенной перспективностью, которая может не допустить злоупотребления странами своими полномочиями.

Что касается современной ситуации, то законность применения силы Россией против Украины – это один из наиболее спорных вопросов в

международном сообществе. Несмотря на то, что российское правительство говорит о том, что ввод войск на территорию Украины осуществился в связи с необходимостью защиты признанных Россией Донецкой и Луганской народных республик, мировое сообщество скорее расценивает это как «агрессию» со стороны нашего государства и нарушение принципа невмешательства во внутренние конфликты суверенных стран. Дело в том, что своими действиями Россия нарушила п. 4 ст. 2 Устава ООН, а также п. 3 ст. 2 этого же документа, который требует от всех государств-членов ООН (а Россия им являлась с декабря 1991 года) «мирно разрешать международные споры конфликты».

В настоящий момент Украиной подан иск против РФ в Международный суд ООН по спору, касающемуся нарушений Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Иск был подан 26 февраля 2022 года. Правительство РФ этот иск не признало, обосновав свою позицию тем, что действия России не охватываются нормами Конвенции 1948 года, вследствие чего Международный суд ООН не наделен компетенцией по рассмотрению спора. Кроме того, действия РФ – это реализация норм Устава ООН о праве на самооборону и праве наций на самоопределение. 16 марта 2022 года Международный суд ООН пришел к выводу о необходимости применения обеспечительных мер в виде прекращения военных действий между Россией и Украиной для принятия окончательного решения по делу, однако эти требования соблюдены не были. Военный конфликт продолжается до сих пор, а дата окончательного вынесения Судом решения по делу остается под вопросом.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что на сегодняшний момент в международной практике нет единого подхода к толкованию содержания права на применение силы. Проведенный анализ судебной практики показал, что Международный суд ООН скорее рассматривает реализацию этого права в негативном аспекте, мотивируя свою позицию тем, что в соответствии с действующим Уставом ООН все конфликты, возникающие между государствами, должны разрешаться в мирной форме без применения вооруженной силы. В настоящий момент наиболее спорным является вопрос международной оценки действий России на Украине. Окончательное решение пока еще не принято, однако мы можем предположить, что, скорее всего, итоговое решение будет не в пользу нашей страны. Обусловлено это негативной оценкой международного сообщества в целом действий РФ, а также сложившейся практикой решений Международного суда ООН, в рамках которой решение принимается в

пользу той страны, на территорию которой были введены войска другого государства.

### **Список литературы:**

1. Федулкина И.А. Особенности применения силы в международном праве // Образование и право. 2020. № 12. С. 11-16.
2. Устав ООН (полный текст). Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 19.11.2022).
3. Лунев А.А. Jus ad bellum и права человека: основания и пределы применения силы по современному международному праву // Уральский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 111-132.
4. Решение Международного Суда ООН по делу Никарагуа против США от 26 июня 1986 г. Режим доступа: <https://bfveteran.ru/pravo/699-princzip-neprimeneniya-sily-i-mezhdunarodnye-vooruzhennye-konflikty.html?start=2> (дата обращения: 19.11.2022).
5. Федулова К.А. Решение Международного суда ООН от 27 июня 1986 года по делу «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки»: влияние на институт применения силы и дальнейшее его развитие в международном праве // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 280-282.

**Карабутова Елизавета Александровна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Сафронова Елена Викторовна,**  
профессор кафедры конституционного и  
международного права юридического института НИУ «БелГУ»  
(Белгород, Россия)

## **ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**Аннотация.** Статья посвящена проведению теоретико-правового анализа государственной защиты прав и свобод беженцев и вынужденных переселенцев на примере Белгородской области.

**Ключевые слова:** беженец, вынужденный переселенец, социальная защита, региональные власти, социальная адаптация.

На сегодняшний день, региональные власти Российской Федерации уделяют пристальное внимание особой категории населения, как беженцам и вынужденным переселенцам в свете произошедших событий. Е.С. Шуршалова отмечает, что в рамках защиты прав и свобод беженцев и вынужденных переселенцев в субъектах Российской Федерации региональные власти сосредоточены на принятии программно-целевых подходов, а также различных концепций, которые будут направлены на социально-экономическую и культурную адаптацию данной категории населения [1, с. 42].

В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351<sup>1</sup>, основной целью является стабилизация социально-экономического развития, а также создание благополучных условий для населения, снижение уровня бедности, создание эффективной инфраструктуры. В.В. Косарева считает, что механизм реализации Концепции на период 2016-2025 гг. предусматривает «проведение мероприятий по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране на основе оценки влияния реализуемых проектов и программ» [2, с. 79].

Так, Постановлением правительства Белгородской области от 15.10.2007 №242-пп утверждена целевая концепция демографического развития Белгородской области до 2025 г.<sup>2</sup> Следует отметить, что приоритетными направлениями Концепции в области миграции являются реализация комплексных мер по повышению миграционной привлекательности на территории Белгородчины, также совершенствование миграционного учета иностранных граждан, создание условий социально-экономического развития для вынужденных мигрантов, их интеграции на рынке труда. Необходимо отметить, что в осуществлении защиты прав и свобод беженцев и вынужденных переселенцев участвуют органы отраслевых компетенций.

Законом Белгородской области от 05.12.2014 №321 «О регулировании отдельных вопросов организации социального обслуживания в Белгородской области» установлено, что лицам особой категории предоставлен такой же

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2007. №42. Ст. 5009

<sup>2</sup> Постановление Правительства Белгородской области от 15.10.2007 №242-пп «О концепции демографического развития Белгородской области на период до 2025 года» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/469024227> (дата обращения: 13.11.2022)

набор прав по социальному обслуживанию, как и гражданам Российской Федерации<sup>1</sup>. В связи с желтым уровнем террористической опасности на территории Белгородской области министерством социальной защиты населения и труда Белгородской области был разработан пакет дополнительных мер поддержки для тех семей, которые вынужденно переселились из приграничных территорий области, так предоставление единовременной выплаты в размере 10 000 руб., а также предоставление социальных услуг в здравоохранительных организациях, предоставление мест детям в детских садах, школах и высших учебных заведениях, помощь в трудоустройстве (на основании Закона Белгородской области от 24.03.2022 №161 «О дополнительных мерах поддержки граждан на территории Белгородской области»<sup>2</sup>).

Для того, чтобы беженец или вынужденный переселенец получили жилое помещение из специализированного жилищного фонда, им необходимо получить статус данной категории, хотя гражданами России они и не являются, но они должны зарегистрировать свое временное пребывание на территории Российской Федерации. Характерной особенностью предоставления жилых помещений для данных лиц является срок предоставления такого жилья – это не более 3-х и 5 лет. Следует отметить, что органы государственной власти при предоставлении жилья исходят из следующих особенностей: возраст лиц, количество членов в семье, национальность и другие признаки, которые имеют значение для предоставления жилья. Сторонами договора аренды жилого помещения выступают беженец или вынужденный переселенец и территориальный орган миграционной службы. Положения ст. 97 Жилищного кодекса Российской Федерации регламентируют особенности формирования фонда для временного проживания указанной категории населения за счет средств федерального бюджета<sup>3</sup>.

Стоит отметить, что в нормативно-правовых актах законодатель не дает перечень жилых помещений, которые предоставляются беженцам или вынужденным переселенцам, поэтому законодателю необходимо внести дополнения в ст. 97 ЖК РФ с целью расширения понятия «жилищный фонд».

---

<sup>1</sup> Закон Белгородской области от 05.12.2014 №321 «О регулировании отдельных вопросов организации социального обслуживания в Белгородской области» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/423843847> (дата обращения: 12.11.2022)

<sup>2</sup> Закон Белгородской области от 24.03.2022 №161 «О дополнительных мерах поддержки граждан на территории Белгородской области» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/578178957> (дата обращения: 12.11.2022)

<sup>3</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2005. №1 (ч. 1). ст. 14.

Такие меры будут способствовать предоставлению любых индивидуально-определенных, изолированных, пригодных для проживания беженцев и вынужденных переселенцев включая различные приюты, дома-интернаты для инвалидов, общежития и т.п.

Например, на территории Белгородской области в 2022 г. на осуществление социально-бытового устройства граждан из Украины, которые вынужденно покинули свои дома из-за спецоперации было выделено 378 млн рублей. Кроме того, пунктами временного размещения выступили муниципальные гостиницы, образовательные учреждения, а также здравоохранительные организации.

Следует отметить, что защита прав и интересов детей является одной из важнейших задач органов государственной власти. О.С. Галиева отмечает: «защита прав детей, интересов многодетных семей включается в региональную систему защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев» [3, с. 580]. Согласно закону Белгородской области «О защите прав ребенка в Белгородской области»<sup>1</sup>, к приоритетным направлениям органов исполнительной власти в сфере организации отдыха и оздоровления детей относятся дети жертв вооруженных конфликтов, экологических, техногенных катастроф, детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев. Необходимо подчеркнуть, что на основании ст. 10 Закона дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации в связи с политическими или экономическими нарушениями среды обитания, находятся под особой защитой со стороны органов государственной власти, кроме того, детям предоставляется место в образовательных организациях, обеспечения ими канцелярских принадлежностей, а также оказанию бесплатной медицинской помощи.

Что касается вопроса о предоставлении бесплатной медицинской помощи беженцам и вынужденным переселенцам, защита прав данной категории населения предполагает закрепление в нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации. В соответствии с постановлением правительства Белгородской области от 11.04.2022 №216-пп «Об оказании медицинской помощи на территории Российской Федерации гражданам Российской Федерации, гражданам Украины, гражданам ДНР, гражданам ЛНР» оказание медицинской помощи данной категории населения осуществляется на безвозмездной основе, кроме того беженцам и вынужденным переселенцам будет бесплатно оказываться вся необходимая

---

<sup>1</sup> Закон Белгородской области от 13.12. 2000 №123 «О защите прав ребенка в Белгородской области» [электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/26300361/> (дата обращения: 13.11.2022)

помощь, включая медико-санитарную, вакцинацию, а также получение бесплатных лекарственных препаратов<sup>1</sup>.

Очень часто в практической деятельности возникают ситуации, когда лица, получившие статус беженца или вынужденного переселенца, сталкиваются с дискриминацией при попытке трудоустройства. Очень часто отказ работодателя вызван из-за отсутствия регистрации места жительства. Согласно ст. 37 Конституции Российской Федерации: «труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию»<sup>2</sup>, кроме того ст. 8 Федерального закона РФ «О беженцах» регламентирует содействие органов государственной власти в получении профессионального обучения либо трудоустройстве. Органы занятости населения предоставляют беженцам рабочие места, но, зачастую данные лица ожидают совершенно иную работу и оплату. А иногда бывают ситуации, когда граждане приходят с одним паспортом, не имея дополнительных документов, чтобы подтвердить свою квалификацию, опыт работы и т.п.

На сегодняшний день Указом Президента Российской Федерации от 27 августа 2022 г. установлен упрощенный порядок трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства, но для этого данное лицо должно соответствовать четырем критериям: если это гражданин ДНР или ЛНР, прошли процедуру дактилоскопической регистрации, сфотографировались и прошли медицинский осмотр<sup>3</sup>. На территории Белгородской области данной категории населения органы государственной власти способствуют в трудоустройстве, например, устраивают ярмарки

---

<sup>1</sup> Постановлением Правительства Белгородской области от 11.04.2022 №216-пп «Об оказании медицинской помощи на территории Российской Федерации гражданам Российской Федерации, гражданам Украины, гражданам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и лицам без гражданства вынужденно покинувшим территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, и компенсации за счет средств федерального бюджета расходов, связанных с оказанием им медицинской помощи» [электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202204120009> (дата обращения: 13.11.2022)

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 27.08.2022 №586 «О выплатах гражданам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и лицам без гражданства, вынужденно покинувшим территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. №35. Ст. 6072.

вакансий, устраивают встречи с работодателями и т. п. На основе вышеизложенного возникает следующий вопрос: могут ли граждане ДНР и ЛНР претендовать на пособия по безработице? Анализируя законодательные акты, именно пособия по безработице беженцам и вынужденным переселенцам не предусмотрено, но в Указе Президента РФ №586 от 27 августа 2022 года предусмотрены единовременные или ежемесячные выплаты, о которых мы говорили ранее.

Следует отметить, что в судебной практике до сих пор остаются актуальными споры об отсутствии у иностранного гражданина документов, также очень часто встречаются судебные разбирательства о выдворении иностранного гражданина.

Так, согласно решению Московского городского суда от 26 июня 2014 г. №7-5621/14 гражданка Украины признана виновной в осуществлении трудовой деятельности в Российской Федерации без разрешения на работу<sup>1</sup>. При рассмотрении дела Преображенский районный суд г. Москвы не учел обстоятельства дела, так как гражданка Украины подавала заявление о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации в связи с боевыми действиями на Украине, соответственно, применение наказания в виде выдворения за пределы РФ будет противоречить нормам международного законодательства.

Поэтому, Московский городской суд постановил изменить постановление судьи Преображенского районного суда г. Москвы о назначении административного штрафа на основании ч. 2 ст. 18.10 КоАП РФ, которое будет являться правомерным и обоснованным.

Следует отметить, что мигранты столкнулись с различными трудностями и проблемами в новой стране, в связи с этим возникает потребность в социальной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев со стороны правительства Белгородской области. Для решения данной проблемы местные власти сельских поселений Белгородской области сосредоточены на предоставлении субсидий по предоставлению жилой площади. На наш взгляд, на практике возникает ряд существенных проблем, так как многие беженцы и вынужденные переселенцы приехали из многих городов и им не просто так приспособиться к сельской жизни, поэтому у должностных лиц местного самоуправления существуют недопонимания, вследствие чего отсутствует условия для социальной адаптации данной категории населения. По нашему мнению, министерству социальной защиты

---

<sup>1</sup> Решение Московского городского суда от 26.06.2014 г. №7-5621/14 [электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/126292528/> (дата обращения: 14.11.2022)

населения и труда Белгородской области необходимо разработать целевую программу о вовлечении вынужденных мигрантов в активную социальную жизнь поселений, которые будут содействовать ускоренному процессу социализации.

Однако, несмотря на то что, что региональные власти на территории Белгородской области испытывают большую заинтересованность в формировании социально-демографического климата беженцев и вынужденных переселенцев, существует ряд проблем, делающих региональную политику не особо эффективной, на наш взгляд, чтобы повысить уровень доверия граждан к властям необходимо:

- рекомендовать Правительству Белгородской области предусмотреть систему мер для обеспечения работой и жильем беженцев и вынужденных переселенцев в малых городах и сельских районах;

- введение новой должности в районных администрациях Белгородской области, которая будет связана с трудовой и профессиональной адаптацией беженцев и вынужденных переселенцев, а также с развитием гармоничной системы взаимоотношений мигрантов с местным населением;

- определить объем денежных средств на уровне муниципалитетов Белгородской области необходимых для помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

Данные подходы помогут достигнуть обеспечению реабилитации беженцев и вынужденных переселенцев в местном сообществе и аккультурации в новой социокультурной среде, а также оптимизировать деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

### **Список литературы**

1. Шуршалова Е. С. Правовые и организационные основы государственной защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 42-44.
2. Косарева В.В. Некоторые вопросы регламентации правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-9 (13). С. 78-80.
3. Галиева О. С. Право иностранного гражданина проживать на территории РФ: порядок реализации // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 579-583.

**Кузьминых Илья Владимирович,**  
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права,  
юридический институт НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, доцент,  
(Белгород, Россия)

## **ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация:** Деятельность Уполномоченного по защите прав предпринимателей является одной из форм защиты прав субъектов экономической деятельности. В настоящей работе рассмотрены особенности института Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации. Учтено, что институт бизнес-омбудсмана функционирует на основе принципа федерализма, так как защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе предпринимателей, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В этой связи уделено внимание к результатам работы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Белгородской области.

**Ключевые слова:** Уполномоченный по защите прав предпринимателей, предпринимательская деятельность, защита прав и свобод, противодействие, недобросовестная конкуренция.

Каждый гражданин Российской Федерации имеет право свободно распоряжаться своим имуществом. Кроме того, в Конституции Российской Федерации, в целом, предусматривается экономическая свобода, которая гарантируется каждому жителю нашей страны (статьи 34, 35 Конституции Российской Федерации)<sup>1</sup>. Экономическая свобода, осуществляемая на территории Российской Федерации, напрямую исходит из принципов законности, справедливости, свободы перемещения, защиты частной,

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

государственной и муниципальной собственности и конкуренции [1, с. 151]. На основе указанных принципов строится право граждан Российской Федерации заниматься предпринимательской деятельностью.

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, предпринимательская деятельность – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, предполагающая систематическое извлечение прибыли от продажи имущества, выполнения работ, оказания услуг и предоставления имущества в пользование. Отметим тот факт, что предпринимательская деятельность всегда предполагает государственную регистрацию (ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации)<sup>1</sup>. В случае ее отсутствия, по отношению к нарушившему закон лицу наступают неблагоприятные последствия в виде административной ответственности (ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях)<sup>2</sup> или уголовной ответственности (ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации)<sup>3</sup>.

Предпринимательской деятельностью может заниматься каждый гражданин Российской Федерации. Следовательно, как гражданин обязан соблюдать законы, регулирующие предпринимательскую деятельность, так и государство должно обеспечивать благоприятный климат для них. Подобная деятельность государства выражается в обеспечении комфортной экономической ситуации в стране [2, с. 87], разработке своевременной правовой базы, а также гарантировании защиты предпринимателей от недобросовестной конкуренции и монополизации бизнеса. Безусловно, государство также обязано претворять в жизнь принципы свободного экономического пространства, охраны всех форм собственности, защиты имущественных прав и свобод, а также социальных и налоговых гарантий предпринимателей. Следует отметить, что права и свободы предпринимателей могут быть ограничены государством, однако подобные действия осуществляются лишь с целью обеспечения безопасности общества и государства, а также прав и свобод других лиц и предпринимателей.

Нередко возникают ситуации, когда предприниматели сталкиваются с нарушением своих прав. Соответственно, возникает необходимость в применении мер по их защите. К одной из таких мер можно отнести самозащиту, когда лицо самостоятельно или по представлению другого лица

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 30.11.1995 г. № 51 ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» // Российская газета. 1995, 30 ноября.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2001, 30 декабря.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63 ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 1996, 13 июня.

действует с целью разрешения неблагоприятной ситуации, возникшей в ходе деятельности участника экономических отношений. Также периодически предприниматели прибегают к государственным, административным и общественным формам защиты. Однако, иногда целесообразно обратиться за помощью к Уполномоченному по защите прав предпринимателей – одной из наиболее важных форм защиты прав предпринимателей. Доктрина, рассматривающая настоящий вопрос, указывает на то, что к Уполномоченному по правам предпринимателей следует обращаться в случае, если государственные и административные органы демонстрируют ненадлежащее выполнение своих полномочий в сфере защиты прав предпринимателей или вовсе бездействуют [3, с. 130]. Бизнес-омбудсмен представляет собой институт независимой защиты субъектов экономической деятельности от нарушений.

Функционирование рассматриваемого института осуществляется согласно Указу Президента Российской Федерации «О долгосрочной государственной экономической политике»<sup>1</sup>, принятому в 2012г. Законодательной базой деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей является одноименный Федеральный закон от 7 мая 2013 № 78-ФЗ<sup>2</sup>. Данные нормативные правовые акты предусматривают распространение прав, свобод и гарантий в области занятия предпринимательской деятельностью как на граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан, что указывает на их всеобъемлющий характер.

Согласно вышеупомянутому федеральному закону, бизнес-омбудсмен принимает обращения со стороны субъектов предпринимательской деятельности, рассматривает их в течение десяти дней, а затем реагирует на них. Один раз в два месяца Уполномоченный отчитывается о результатах своей деятельности. Кроме того, данное должностное лицо имеет право запрашивать определенные сведения у органов публичной власти, которые, в свою очередь, обязаны их предоставить. Уполномоченный также посещает учреждения исполнения наказания, а также контрольно-надзорные органы с целью проверки их деятельности.

Если мы обратимся к зарубежному правовому опыту, то заметим интересную особенность. В отдельных странах предусматривается своеобразное «разделение труда» среди уполномоченных по защите прав предпринимателей. Например, учреждены должности Уполномоченных, в

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Российская газета. 2012, 7 мая.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Российская газета. 2013, 7 мая.

компетенцию которых входит защита прав налогоплательщиков, контроль и надзор за деятельностью органов исполнительной власти, внесудебное разрешение отдельных экономических споров и так далее [4, с. 122]. Думается, что подобный подход направлен на снижение уровня загруженности Уполномоченных, что положительно влияет на их продуктивность, следовательно, эффективность. Специализация, в свою очередь, способствует более качественному выполнению своих обязанностей, так как бизнес-омбудсмен, сосредоточенный на определенной сфере, способен более глубоко разобраться в ее тонкостях, что также благотворно сказывается на результативности работы.

Следует отметить особое положение Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Принимая во внимание законодательство Российской Федерации, можно констатировать тот факт, что Уполномоченный является специфическим государственным органом, не относящимся ни к одной из трех официально признанных ветвей государственной власти. Он выступает как самостоятельно и независимо действующий субъект защиты прав и свобод человека и гражданина, занимающегося предпринимательской деятельностью. Настоящий субъект, помимо рассмотрения жалоб, направления запросов, вправе обращаться в судебные органы с целью признания ненормативного акта, нарушающего права предпринимателей, недействительным.

Основываясь на российском законодательстве, можно утверждать, что Уполномоченный по защите прав предпринимателей обладает особым процессуально-правовым статусом. В зависимости от процессуально-правового характера отдельного спора зависит статус и самого Уполномоченного. Соответственно в случае, если бизнес-омбудсмен выступает процессуальным истцом, представителем истца или ответчиком в арбитражном судопроизводстве, то в ходе защиты прав и свобод предпринимателей в иных видах судопроизводства, он в данном статусе не выступает. Так, Уполномоченный имеет право обжаловать постановление о наложении на лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью, наказание за совершение административного правонарушения, вынесенные судом, в соответствии с Кодексом административного судопроизводства и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В настоящем случае Уполномоченный выступает ни в качестве истца или ответчика, ни защитника, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а в качестве специального субъекта отстаивания прав и интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Согласно ст. 21 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»<sup>1</sup> по приглашению проверяемым лицом, уполномоченный по защите прав предпринимателей осуществляет государственный контроль (надзор), направленный на проверку эффективности, законности деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений, взаимодействующих с субъектами предпринимательской деятельности. Функционирование указанных органов и учреждений не должно препятствовать законной предпринимательской деятельности, в чем должен удостоверяться Уполномоченный.

Деятельность государства, направленная на защиту прав и свобод человека и гражданина, находится в совместном ведении Федерального центра и субъектов Российской Федерации. Из данного положения следует, что права предпринимателей защищаются как на уровне Федерации, так и на уровне регионов. Соответственно, в субъектах Российской Федерации также учреждены должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей, а также могут быть приняты законы, регулирующие данный институт. 4 марта 2014 г. в Белгородской области был принят закон № 260 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Белгородской области»<sup>2</sup>. Согласно закону, субъекты предпринимательской деятельности Белгородской области могут реализовать право на защиту в рамках региона. В настоящее время должность бизнес-омбудсмана в Белгородской области занимает Епанчинцев Владислав Викторович.

С целью разъяснения и уяснения целесообразности функционирования института Уполномоченного хотелось бы привести примеры успешной деятельности бизнес-омбудсмана в Белгородской области. В 2016 г., когда должность Уполномоченного занимал Минаев Андрей Владимирович, был успешно проведен комплекс организационных мероприятий, способствовавших развитию малого предпринимательства. Следовательно, на территории Белгородской области образовалось не менее 15 инновационно-малых предприятий, деятельность которых направлена на диверсификацию экономической деятельности и импортозамещение в

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. 2008, 30 декабря.

<sup>2</sup> Закон Белгородской области от 04.03.2014 г. № 260 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Белгородской области» // <https://docs.cntd.ru/document/412300786?ysclid=lb0d8rix1y728617397> (дата обращения 11.11.2022 г.).

регионе. В частности, в октябре 2016 г. при организационном содействии Андрея Владимировича было положено начало успешному функционированию Ассоциации «Биофармацевтический кластер Белгородской области», объединяющей фармацевтические предприятия-резиденты промышленного комплекса «Северный». Деятельность данной ассоциации способствует увеличению объемов производства, снижению издержек и улучшению экономической ценности Белгородской области, в целом.

Кроме того, имеется пример, когда Уполномоченный по защите прав предпринимателей Белгородской области оказал помощь производственному предприятию по присоединению к энергоресурсам. 22 марта 2017 г. в ходе встречи бизнес-омбудсмену Белгородской области поступила жалоба ООО «ФК ВИД» на высокую стоимость технологического присоединения к электрическим сетям, которая была заявлена ОАО «МРСК-Центра» – «Белгородэнерго». В адрес департамента экономического развития Белгородской области Андреем Владимировичем было направлено ходатайство с просьбой предложить альтернативные варианты технологического присоединения предприятия к энергосетям для установления более доступной стоимости работ. Ходатайство рассмотрено Комиссией по государственному регулированию цен и тарифов в Белгородской области. 16 мая 2017 г. состоялась повторная встреча Андрея Минаева с руководителем ООО «ФК ВИД», проработан и согласован вариант технологического присоединения на временной основе. Таким образом, деятельность предприятия не была приостановлена.

Необходимо обратиться к ежегодному докладу Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Белгородской области за 2020 г. Этот год для бизнеса и власти являлся уникальным, в отчетном году образовалась новая реальность, вызванная пандемией новой коронавирусной инфекции. В связи с этим деятельность Уполномоченного была направлена в первую очередь на решение проблем, связанных с поддержкой предпринимательства в условиях карантинных ограничений.

Бизнес-омбудсмен осуществлял мониторинг предоставления государственной финансовой поддержки в рамках принятых антикризисных мер, контроль проблемных вопросов, возникающих при взаимодействии бизнеса с финансово-кредитными организациями, а также проводил анализ соблюдения контролирующими органами моратория на проведение проверок.

Важнейшей составляющей деятельности Уполномоченного в истекшем году по-прежнему оставалась работа с обращениями предпринимателей. В 2020 г. на рассмотрении Уполномоченного находилось 350 обращений предпринимателей, что в 2,5 раза превышало число обращений, полученных региональным бизнес-омбудсменом в 2019 г.

Из общего числа обращений, поступивших в адрес Уполномоченного в отчетном году, 65 единиц составили письменные обращения, в том числе 56 единиц (86 %) были адресованы непосредственно региональному Уполномоченному, 9 жалоб предпринимателей Белгородской области (14 %) получено от Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титова.

Около 37 % письменных жалоб поступило от предпринимателей г. Белгород, 8 % из Губкинского городского округа, 12 % – из Старооскольского городского округа, 7 % – от предпринимателей Белгородского района. Единичные обращения поступили от бизнесменов 6 муниципальных образований (Грайворонский, Валуйский, Новооскольский, Шебекинский, Яковлевский городские округа, Волоконовский район), а также от общественных организаций и предпринимателей, зарегистрированных в других субъектах Российской Федерации. 90 % поступивших письменных обращений отработаны в 2020 г, заявителям даны письменные ответы в соответствии с действующим законодательством. В случаях, когда требовалось участие контрольно-надзорных, правоохранительных, налоговых органов, Уполномоченный направлял обращения в соответствующие организации.

Предприниматели, обратившиеся в Общественную приемную или непосредственно к Уполномоченному в устной форме, получили необходимые разъяснения и консультации.

Доля обращений, по которым Уполномоченным положительно решены вопросы или даны необходимые предпринимателям разъяснения о порядке решения проблем, за 2020 г. составила около 70 % от рассмотренных.

В ходе рассмотрения обращений субъектов предпринимательства более 80 предпринимателей, действующих в сфере розничной торговли и оказания услуг, получили индивидуальные консультации о механизмах дополнительной поддержки бизнеса в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, около 25 предпринимателей получили разъяснения о порядке обращения с твердыми коммунальными отходами. Во взаимодействии с налоговыми органами Уполномоченным была оказана поддержка в решении вопроса государственной регистрации двум малым

предприятиям (г. Белгород), необоснованно исключенным из Единого реестра юридических лиц.

Малое предприятие (г. Старый Оскол) получило поддержку Уполномоченного в вопросе урегулирования взаимоотношений с контролирующей организацией – Центрально-Черноземным межрегиональным управлением Росприроднадзора по Белгородской области в ходе проведения внеплановой проверки, что привело к снижению суммы предъявленного штрафа за незначительные нарушения действующего законодательства. Не менее 5 малых предприятий и индивидуальных предпринимателей при содействии регионального бизнес-омбудсмана в установленном законодательством порядке положительно решили вопросы снижения кадастровой стоимости объектов недвижимости.

В 2020 г. Уполномоченным организованы обучающие семинары старшеклассников и студентов высших учебных заведений по темам «Популяризация предпринимательства», «Технологическое предпринимательство», участниками которых стали не менее 200 человек.

Совместно с органами исполнительной власти и предпринимательским активом Уполномоченным в отчетном году проработаны вопросы совершенствования действующего федерального законодательства в части расширения перечня отраслей российской экономики, наиболее пострадавших от распространения новой коронавирусной инфекции. В результате в мае 2020 г. были направлены предложения в адрес Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титова.

Также Уполномоченным совместно с предпринимательским активом были разработаны и внесены на рассмотрение региональных органов власти предложения о снижении ставок налога по упрощенной системе налогообложения (до 1 % и до 2 % против действующей ставки 6 %) для отдельных категорий предпринимателей, а также при патентной системе налогообложения для розничной торговли в сельской местности (ниже ставки ЕНВД). Данные инициативы получили поддержку и соответствующие законодательные акты области вступили в действие с 1 января 2021 г.<sup>1</sup>

В 2020 г. институт Уполномоченного по защите прав предпринимателя проявил себя достойно. Мы можем отметить, что его функционал был реализован весьма разнообразно. Например, мы наблюдаем успешную

---

<sup>1</sup> Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Белгородской области. Ежегодный доклад за 2020 год. // <http://www.ombudsmanbiz31.ru/news/publikacii/> (дата обращения 11.11.2022 г.).

работу с обращениями лиц, столкнувшихся с трудностями ввиду форс-мажорного обстоятельства в ходе осуществления предпринимательской деятельности; работу, направленную на повышение уровня осознанности в сфере предпринимательства, а также популяризацию данной деятельности среди учащихся учебных заведений, а также деятельность, способствовавшую решению проблем, возникших в ходе взаимоотношений между субъектами предпринимательской деятельности и контрольно-надзорными органами.

Несмотря на, в целом, успешное функционирование рассматриваемого института, хотелось бы обратить внимание на существующие недочеты. Предпринимательская деятельность весьма разнообразна, а ее субъекты сталкиваются с разнообразными ситуациями экономического, организационного и административно-фискального характера. В настоящее время бизнес-омбудсмены как на федеральном, так и на региональном уровнях могут быть перегружены встающими перед ними задачами, носящими разносторонний характер. Данная ситуация способна привести к менее тщательному и эффективному рассмотрению отдельно взятой ситуации. С целью решения изложенной проблемы было бы целесообразно ввести специализацию среди Уполномоченных по защите прав предпринимателей. Подобный подход предполагает учреждение должностей Уполномоченных, нацеленных на работу с отдельными вопросами (рассмотрение обращений и направление письменных консультаций на них, осуществление контроля и надзора за деятельностью органов публичной власти в области взаимодействия с предпринимателями, судебное, а также административное представительство субъектов предпринимательской деятельности, повышение правовой и экономической грамотности населения и т.д.). Следовательно, бизнес-омбудсмены, ответственные за отдельные вопросы, будут более осознанно и результативно справляться с поставленными задачами, что приведет к уменьшению числа случаев нарушения прав предпринимателей, недобросовестного исполнения органами публичной власти своих полномочий в сфере обеспечения свободной экономической деятельности. Помимо указанного, выявленные нарушения будут более быстро и эффективно устранены, что будет способствовать полноценной реализации экономических прав и свобод, что увеличит предпринимательскую активность и улучшит экономическую ситуацию в России.

**Список литературы:**

1. Усманова Р.М. Создание экономических зон как механизм развития Российской Федерации // История федерализма в России. К 100-летию образования Автономной Башкирской Республики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Н.А. Мысляева; зам. отв. ред. Л.Я. Юсупова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018.
2. Усманова Р.М., Бойко Н.Н. Система обеспечения реализации местных интересов. Стерлитамак, 2017. 87 с.
3. Бойко Н.Н., Стуколова Л.С. Общая характеристика деятельности правозащитных организаций в системе защиты прав человека // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. № 3 (78). С. 128-136.
4. Эмих В.В. Омбудсмены, содействующие защите прав предпринимателей: мировой опыт и перспективы развития // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Вып. 3. С. 111-137.

**Мандриков Анатолий Юрьевич,**  
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Пасенов Александр Николаевич,**  
доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»  
кандидат юридических наук  
(Белгород, Россия)

**ИСКЛЮЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА  
ИЗ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:  
ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются значение и причины выхода Российской Федерации из состава Совета Европы и, соответственно, выхода из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Отдельное внимание уделяется вопросу негативных и позитивных последствий для правозащитной системы России в связи с этими изменениями. Выдвигаются предположения о возможном развитии конституционного права граждан

Российской Федерации на защиту своих законных прав и интересов в межгосударственных правозащитных органах в ближайшем будущем.

**Ключевые слова:** международное право, международный договор, национальные интересы, национальная правовая система, Конституция Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека.

Вопрос взаимодействия национальной правовой системы Российской Федерации и международной правовой системы является одним из самых обсуждаемых в отечественной юридической науке.

Конституция Российской Федерации устанавливает: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1]. Вышеуказанное положение, выступая в качестве составного элемента основ конституционного строя Российской Федерации, не может подлежать никакому сомнению. Однако с каждым годом все более дискуссионным является вопрос о форме реализации данных положений. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает содержание части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации: «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Данное конституционное положение, как нам представляется, носит двойственный характер. С одной стороны, гражданам Российской Федерации предоставляется право на обращение в межгосударственные правозащитные органы в случаях, когда государством были нарушены их законные права и свободы. С другой же стороны, на государство возлагается обязанность предоставить своим гражданам соответствующую возможность на обращение в международные правозащитные органы.

На протяжении долгого времени граждане Российской Федерации могли реализовать свое право на межгосударственную правовую защиту путем обращения в Европейский Суд по правам человека. Взаимодействие данного межгосударственного правозащитного органа с Российской Федерации началось с ратификации Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. В результате принятия данного акта Российская Федерация приобрела как право представительства в Европейском Суде по правам человека, так и обязанность по исполнению решений, вынесенных данным органом. Гражданам же Российской Федерации

Федерации было предоставлено соответствующее право на обращение в данный орган за защитой. Вышеуказанным правом граждане Российской Федерации активно пользовались вплоть до 16 сентября 2022 года, поскольку с этой даты Россия больше не является членом Совета Европы. Фактически же уже 18 мая 2022 года Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении пакет из двух законопроектов о неисполнении постановлений ЕСПЧ, вынесенных после 16 марта 2022. На протяжении долгого времени Европейский Суд по правам человека выполнял ряд важнейших функций в правозащитном механизме нашего государства. Более того, данный орган сыграл особое значение в формировании отечественной правовой системы. Активное воздействие на отечественное право началось еще до вступления Российской Федерации в Совет Европы, так как было необходимо прежде всего привести отечественное законодательство к стандартам, установленным в рамках данной организации. Сам же ЕСПЧ играл важнейшую роль в осуществлении правосудия на территории Российской Федерации. Так, при анализе содержания «Обзора практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел» от 8 декабря 2021 года, мы приходим к выводу о крайне значимой роли данного органа при толковании международно-правовых норм и общепризнанных принципов международного права: «...В связи с этим суды учитывали практику Европейского Суда по правам человека, иных международных договорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, формируемую как по делам в отношении Российской Федерации, так и третьих государств...» [2]. Необходимо также отметить, что процедура обращения в Европейский Суд по правам человека всегда оставалась достаточно сложной, что фактически обязывало граждан на обращение к соответствующим специалистам с целью осуществления своего конституционного права.

Исключение Российской Федерации из Совета Европы и, соответственно, выход из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, вызвал крайне неоднозначную оценку среди отечественных политиков и учёных-правоведов. С одной стороны, мы можем говорить о том, что исключение данного межгосударственного органа из правозащитной системы Российской Федерации является серьезным вызовом, поскольку существенно сокращает предоставляемые ранее гражданам Российской Федерации права на международную защиту, при этом не предоставив достойного аналога. С другой же стороны, мы можем говорить и о

необходимости принятия данного решения, что связано с целым рядом причин.

Одной из причин мы можем назвать крайне специфический характер решений, принимаемых ЕСПЧ по делам против России в течение последних десяти лет. Специфика данных решений выражалась в очевидном игнорировании национальных интересов Российской Федерации при вынесении того или иного решения. В связи с вышеуказанными обстоятельствами отечественный законодатель предоставил Конституционному Суду Российской Федерации новые полномочия в вопросе определения возможности исполнения решений межгосударственных органов в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Данное решение, безусловно, направлено именно на проверку решений ЕСПЧ, поскольку он до недавнего времени являлся наиболее используемым инструментом международной защиты. Данные нововведения были закреплены в Федеральном конституционном законе от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [3]. В соответствии с новыми полномочиями, Конституционный Суд Российской Федерации признал несоответствующими Конституции Российской Федерации решения ЕСПЧ по делам: «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» [4][5], «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» [6], «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против Российской Федерации» [7][8] и ряд других. Более того, в политической сфере как Российской Федерации, так и иных государств все чаще поднимается тезис о политизации данного правозащитного органа. Так, например, 1 сентября 2022 года Президент Турции Тайип Эрдоган заявил о том, что решения ЕСПЧ являются в большей мере именно политическими, основанными не на нормах международного права, а на специфике государства, в отношении которого принимается решение: «ЕСПЧ не справедлив в своих решениях, он политический. Когда дело касается Турции, он принимает политические решения, но когда дело касается Франции и Германии, с другой стороны, к сожалению, он принимает противоположные решения» [9]. Среди отечественных политиков также высказывались аналогичные позиции. Так, например, глава Министерства иностранных дел Сергей Лавров заявил: «ЕСПЧ давно утратил способность опираться на принципы правосудия, все больше политизирует свои решения» [10]. Из вышесказанного мы можем прийти к выводу о том, что несмотря на наступление очевидного регресса правозащитной системы в Российской Федерации

Федерации, данное решение является необходимым в условиях обострившегося геополитического кризиса.

Исчезновение такого значимого межгосударственного органа из правозащитной системы нашего государства поставило перед правительством и законодателем новую задачу – предоставить гражданам Российской Федерации соответствующий орган международной защиты. Вышеуказанную задачу подтверждают и высказывания отечественных политиков. Однако даже в этом вопросе мы можем наблюдать две позиции. С одной стороны, представители государственной власти предлагают адаптировать какой-либо национальный орган под функции, ранее осуществляемые ЕСПЧ. Так, например, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Татьяна Москалькова подчеркнула: «...Мне кажется, очень правильно, если мы эти компенсационные процессы продолжим на национальном уровне. А вот кто приобретет это право – Конституционный суд, Верховный суд или институт уполномоченного по правам человека – это предложения, которые должны выработать и обосновать ученые» [11]. С другой же стороны мы можем наблюдать позицию, согласно которой на замену ЕСПЧ должен прийти новый полноценный межгосударственный правозащитный орган. В подтверждение этому служит позиция председателя Ассоциации юристов России Сергея Степашина: «В связи с этим считаю возможным и даже необходимым создание альтернативного Евразийского суда, который не будет политизированным, будет независимым от всех его участников, включая и Россию, а главное - будет реально работать и защищать права человека» [12]. Говоря о создании аналога ЕСПЧ, мы не можем не упомянуть о том, что даже в данный момент у граждан Российской Федерации имеется механизм международной правовой защиты. Универсальной межгосударственной правозащитной структурой является ООН, а именно – её структурные подразделения: Совет ООН по правам человека.

Еще одну группу составляют контрольные органы различных международных договоров: Комитет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет против пыток.

Несмотря на свою значимость, данные правозащитные органы не обрели свою «популярность» среди граждан Российской Федерации.

Если же обращаться к потенциальным аналогам Европейского Суда по правам человека для России, мы можем выделить следующие объединения, в рамках которых может быть создан данный орган: СНГ, ЕАЭС, ШОС или БРИКС.

Особого внимания заслуживает возможность создания межгосударственного органа в рамках СНГ. Стоит отметить, что на данный момент уже существует Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств, на которую, согласно положениям Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, возложена обязанность рассматривать индивидуальные и коллективные обращения любых лиц и неправительственных организаций по вопросам, связанным с нарушениями прав человека любой из Сторон и входящим в компетенцию Комиссии [13]. Фактически на данный момент этот орган не осуществляет свою деятельность, оставаясь закрепленным на юридическом уровне. На наш взгляд, запуск деятельности Комиссии по правам человека СНГ как замены ЕСПЧ имеет как ряд положительных, так и отрицательных сторон. Из позитивных аспектов мы можем выделить фактически оформленную правовую базу для осуществления своей деятельности данным органом. Более того, глубокая историческая связь и традиций стран СНГ могут обеспечить осуществление межгосударственного правосудия, учитывающего особенности стран-участниц СНГ.

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что несмотря на значительный ущерб, причиненный правозащитной системе Российской Федерации в результате исключения из Совета Европы и, соответственно, выхода из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, граждане Российской Федерации до сих пор обладают правом на международную защиту своих прав, пусть уже и не в таких объемах, как это было ранее. Представляется крайне вероятным, что в ближайшие годы будет создан аналог ЕСПЧ, строящийся на аналогичных принципах, но уже на базе иной международной межправительственной организации. Хочется верить, что в процессе образования нового межгосударственного правозащитного органа будут учтены проблемы, проявившие себя за годы действия ЕСПЧ.

### **Список литературы**

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022, № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013?index=20&rangeSize=1> (дата обращения 16.10.2022 г.).
2. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации

- при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 2.
3. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.
4. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) По делу обжалуется отказ национальных властей в предоставлении трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. По делу нарушены требования статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 50. Ст. 6670.
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2
7. Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. Дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» (ОАО Neftyanaya Kompaniya YUKOS) против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.
9. Эрдоган назвал решения ЕСПЧ по Турции политическими // <https://ria.ru/20220901/espch-1813769778> (дата обращения 18.10.2022 г.).
10. Глава МИД Лавров обвинил ЕСПЧ в политизации решений // <https://ria.ru/20220128/espch-1769940708> (дата обращения 18.10.2022 г.).
11. Москалькова призвала создать российский аналог ЕСПЧ // <https://ria.ru/20221006/espch-1821980972> (дата обращения 18.10.2022 г.).

12. Степашин предложил создать Евразийский суд по правам человека// <https://ria.ru/20220413/sud-1783365942> (дата обращения 18.10.2022 г.).

13. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489.

**Труфанова Дарья Алексеевна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация.** Статья представляет собой подробный обзор инновационных направлений развития новых форм голосования, расширения механизмов общественного контроля и внедрения современных информационных технологий, являющихся ключевыми аспектами реформирования избирательного процесса в России. Основное внимание уделяется выявлению наиболее эффективных способов защиты избирательного процесса от внешнего вмешательства посредством совершенствования цифрового механизма проведения выборов за счет исключения негативного влияния человеческого фактора. Автор ставит целью проанализировать характер нововведённых направлений в цифровизации самого процесса голосования. На основе проведенного анализа в статье подтверждаются определенные успехи в повышении комфортности и удобства процедуры голосования, расширения возможностей участия в выборах, создания дополнительных условий для реализации избирателями активных избирательных прав посредством создания цифровых избирательных платформ. В статье приводятся и комментируются мнения разных авторов по поводу оценки ими места и роли, а также перспектив развития цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации. Статья предназначена для широкого круга

читателей, кому интересен процесс реформирования избирательного права и процесса в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** избирательное право, избирательный процесс, выборы, цифровизация, цифровая платформа, цифровая трансформация, инновационные направления.

Стремительное развитие цифровизации и реформирование информационного пространства началось с наступлением 21 века, заложив основу для цифровой трансформации всех значимых сфер жизни общества и государства. Особенно ярким примером инноваций является процесс цифровизации избирательного процесса, который за последние 5 лет претерпел серьезные изменения в части: внедрения автоматизированных систем обработки бюллетеней и подсчета голосов, электронного голосования, систем онлайн-видеонаблюдения и т. д.

Все чаще в каждой из сфер права стали применяться новые технологии и цифровые платформы, без которых в настоящее время также не обходится ни один из существующих институтов гражданского общества. По мнению В.И. Жичкина, цифровизация «является важнейшим и неотъемлемым этапом развития института демократии в современной России» [1, с. 87-91]. В соответствии со всеми требованиями де-факто цифровизация избирательного процесса приносит с собой инновационные технологии, что, как следствие, вызывает цифровую трансформацию в сфере интеграции искусственного интеллекта, влияя на изменения технологий и поведения человека на выборах.

Ввиду существенных изменений в общественной жизни и социальной политике нашего государства, Президент Российской Федерации в своих выступлениях перед Федеральным Собранием неоднократно ставил вопрос о первоочередности модернизации организационно-правовой базы проведения выборов. Предпосылкой к этому стала острая необходимость внедрения инновационных средств электронной поддержки проведения выборов разного уровня с учетом потребностей в текущих реалиях ситуации в стране и в мире. «В целом, включение в российскую избирательную практику механизмов электронного голосования происходит в русле общемировых тенденций в развитии цифровой демократии», - именно такое мнение по этому вопросу высказывал Л.Г. Берлявский [2, с. 478-483].

В 2017 году, с момента принятия Указа Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030

годы»<sup>1</sup>, было положено начало цифровизации избирательного процесса в нашей стране, что инициировало изменения всей системы электронного голосования. В дальнейшем это поспособствовало постепенному увеличению электронной активности избирателей, предоставив им свободу выбора, а именно формы голосования, т.е. весь процесс может осуществляться дистанционно избирателем из любой точки государства. По мнению Е.И. Колюшина: «Практика российских выборов идет по пути изменения избирательного процесса не законом, а техническими решениями, которые априори считаются правомерными либо не допускающими их оценки с позиции верховенства закона» [3, с. 124-150].

В настоящий момент привычные подходы постепенно меняются, им на смену приходят идеи новых решений в различных сферах права, что еще раз доказывает положительную сторону тенденций цифровизации общественной жизни, в том числе и выборов. Как следствие, активное участие граждан в политической жизни государства и доступность избирательного процесса.

В конце 2020 года в российской избирательной системе произошел «цифровой прорыв» благодаря 15 успешно реализованным программам по внедрению цифровых сервисов для всех участников избирательного процесса на портале «Госуслуги» и единой платформе ЦИК России. В качестве примера мы можем привести 6 таких цифровых сервисов, размещённых на сайте ЦИК России, благодаря которым участники избирательного процесса могут быстро найти интересующую их информацию:

- сервис, предназначенный для информирования общества об избирательных комиссиях и комиссиях референдума;
- сервис, направленный на предоставление информации о включении в список на избирательном участке (участке референдума);
- сервис, предоставляющий информацию о подтверждении факта подачи заявления о включении в список избирателей по месту нахождения и результатах его обработки;
- сервис, информирования о сроках проведения выборов и референдумах;
- сервис, информирования о кандидатах и избирательных объединениях;
- сервис, предоставления информации о результатах и сроках проведения выборов (референдумов).

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

В то же время, в ЦИК заявили, что для построения нового уровня избирательной системы в России потребуется 5 лет, но благодаря проведению дистанционного голосования и многоуровневому подходу к анализу использования цифровых технологий в избирательных кампаниях мы уже сейчас видим в этом успех.

В процессе реализации ЦИК РФ федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» направленного на достижение поставленных целей обозначенных указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»<sup>1</sup> был выдвинут перечень основных мероприятий направленных на увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году.

Пока отлично зарекомендовал себя «Мобильный избиратель»: сервис проверки заявлений, которым 11 сентября 2021 года воспользовались более 2 млн человек через портал «Госуслуги» исходя из данных, предоставленных ЦИК РФ. На момент проведения выборов 19 сентября 2021 года, обработанных заявлений о включении избирателя в список избиратели по месту нахождения ГАС «Выборы» обозначил – 3 553 069 млн. Удобство использования данного сервиса заключается в простоте подачи заявления в территориальную или участковую избирательные комиссии, в МФЦ или на портале «Госуслуги», для получения права голоса на любом избирательном участке в пределах избирательного округа, если место жительства избирателей в день голосования не совпадает с местом его регистрации. Данный механизм заменил собой выдачу «открепительных удостоверений».

Инновацией в процессе цифровизации избирательного процесса можно признать внедрение в пользование интерактивного рабочего блокнота «Памятка» для членов участковых избирательных комиссий, СМИ, сотрудников полиции, работников МФЦ, волонтеров и т.д., помогающий участникам данного процесса оперативно решать возникающие вопросы в процессе подготовки и проведения выборов.

Еще одним новаторским направлением стало активное использование избирательными комиссиями в своей работе технологии составления протоколов об итогах голосования с использованием машиночитаемого кода (QR-кода), благодаря чему данная процедура значительно сократила время

---

<sup>1</sup> Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 474. Ст. 4

ввода данных в ГАС «Выборы». Сегодня по эффективности подсчета голосов мы уже давно «догнали и перегнали» большинство развитых стран мира, и это с учетом расстояния и часовых поясов нашей страны. Благодаря внедрению технологии QR-кодирования протоколов участковых избирательных комиссий 98 % протоколов вводятся в систему ГАС «Выборы» к полуночи дня голосования.

Помимо вышеперечисленных механизмов цифровизации избирательного процесса, в настоящее время разрабатываются платформы для проектирования и внедрения цифровых сервисов для участников избирательного процесса, которые специально направлены на решение различных задач при подготовке и проведении выборов. Уже в скором времени на портале «Госуслуги» избиратели смогут проверить и обновить свои данные в реестре избирателей, найти себя в списках избирателей по месту жительства или ознакомиться с информацией об избирательной комиссии. Кроме того, разрабатываются цифровые платформы для представителей СМИ и заинтересованных организаций, которые смогут использовать функцию отправки уведомлений о наличии свободных мест для предоставления кандидатам и избирательным объединениям эфирного времени, рекламных площадок, изготовления агитационных материалов и т.д.

Цифровая трансформация в избирательном процессе путем введения в оборот все новых цифровых технологий приводит к модернизации этого процесса, в следствии чего меняется и законодательный подход к определению способов реализации участниками избирательного процесса своих избирательных прав. «При этом – как выразился И.А. Субочев – применение цифровых технологий в избирательном процессе значительно опережает уровень информатизации в других сферах государственного и муниципального управления, что обуславливает необходимость разработки и принятия соответствующих законодательных решений» [4, с. 129-133].

Как считает Д.М. Худoley: «Наиболее широко цифровые технологии в избирательном процессе в настоящий момент реализованы на стадии проведения голосования» [5, с. 43-50], и это совершенно верное суждение. Ведь сейчас для использования дистанционного электронного голосования требуется специальное программное обеспечение, позволяющее избирателям голосовать, не находясь на избирательном участке.

В пример можно привести технологию блокчейн, достаточно хорошо зарекомендовавшую себя в экономической сфере.

Блокчейн электронного голосования (БЭК) – это систем голосования, при которой каждый избиратель получает свой «кабинет», содержащий данные избирателя и получает один «голос», который может использовать

один раз отдав его в пользу того или иного кандидата. Перед окончательным голосованием избиратель, проголосовавший за определенного кандидата, может изменить свой выбор. Осуществить это можно посредством предоставленного пользователю зашифрованного ключа, что обеспечивает привязку к конкретному избирателю с постоянной, неизменной записью голосования. Доступ к самой системе осуществляется путем распознавания гражданина на основании документов, введенных избирателем в «личный кабинет» при регистрации, а анонимность голосования достигается за счет использования избирателями телефона или компьютера. По мнению В.И Жичкина, «Развитие информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни населения приводит к широкому использованию соответствующих технологий и для реализации своих конституционных прав и свобод, в частности, реализации избирательных прав граждан» [1, с. 87-91].

Теперь же, цифровизация избирательного процесса имеет множество преимуществ. К их числу мы можем отнести:

- создание максимально удобных условий голосования для избирателей, независимо от их местонахождения;
- возможность выбрать дистанционный формат голосования стал правом избирателя и теперь рассматривается как альтернатива традиционному голосованию;
- внедрение в оборот сервиса «Мобильный избиратель», стало достойной заменой институту досрочного голосования и открепительным удостоверениям.

Важнейшим показателем на 2021 год стало увеличение явки избирателей за счет предоставления им дополнительных каналов голосования, а также организации более эффективных и надежных способов передачи результатов голосования. Теперь же взаимодействие субъектов в избирательном процессе, осуществление конкретных избирательных мероприятий, в том числе участие избирателей в голосовании, преобразовались с введением инновационных направлений в организационно-правовых формах посредством использования информационных технологий.

Сегодня российская избирательная система является эволюционным и показательным направлением для граждан, для развития политической конкуренции.

### Список литературы

1. Жичкин В.И. К вопросу использования технологий голосования в избирательном процессе // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: материалы V Всерос. науч.-прак. конф. Саранск: 2020. С. 87-91.
2. Берлявский Л.Г. Избирательные права в цифровую эпоху // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 478-483.
3. Колюшин Е.И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. 2021. № 3. С. 124-150.
4. Субочев И.А. Цифровые новации избирательного процесса в России // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2021. № 18. С. 129-133.
5. Худолей Д.М. Цифровизация избирательного процесса в Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1. С. 43-50.

**Шарутенко Владислав Вадимович,**  
студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Новикова Алевтина Евгеньевна,**  
профессор кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
доктор юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

### **ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫБОРОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**Аннотация.** В данной статье проведен анализ информационного обеспечения выборов в Российской Федерации и зарубежных государств. Рассмотрены вопросы правового регулирования и ответственности за нарушение информационного обеспечения в процессе проведения предвыборной агитации.

**Ключевые слова:** информация, информационное обеспечение, избирательный процесс, выборы, зарубежный опыт, референдум, кандидаты на выборах

Глобализация, интеграция и информатизация являются основными характеристиками современного общества. Сама по себе информация, данные и сведения, посредством которых осуществляется коммуникация между гражданами, обществом и государством, играют важную роль в жизни человека.

Динамичное развитие институтов избирательного права в России также связано с эволюцией информационной среды, внедрением новейших технологий и разработок в повседневную деятельность. Демократическая структура выборов, их состязательность и открытость предполагает равный, свободный доступ граждан к информации, их составляющей, следовательно, в современном обществе особое место занимает политика правового регулирования информационного обеспечения выборов.

Информационное обеспечение выборов - один из важнейших этапов избирательной системы, способствующий осознанному волеизъявлению граждан и обеспечивающий гласность и открытость всего процесса выборов. Тесное пересечение нормативной правовой основы о выборах с законодательством, затрагивающим нормы информационного права, наблюдается в рамках института информационного обеспечения выборов и референдумов. Целью такого взаимодействия является, в первую очередь, правовое регулирование распространения информации, направленное на обеспечение и защиту избирательных прав граждан. В процессе осуществления информирования и предвыборной агитации между организациями, имеющими отношение к средствам массовой информации (далее – СМИ), и непосредственно всеми гражданами складываются особые негласные информационно-правовые отношения, специфика которых заключается в том, что объект данных правоотношений – информация, которая носит самостоятельный характер и нуждается в отдельном правовом регулировании.

Большая часть стран мира провозгласила себя демократическими, поэтому политика проведения и информационного обеспечения выборов в них должна соответствовать установленным требованиям. Сравнение отечественного и зарубежного опыта информирования избирателей позволит выявить наиболее важные элементы данного процесса, которые в совокупности способны обеспечить проведение максимально честных, равных, открытых выборов.

В Российской Федерации «нормативное регулирование данных отношений достаточно развито. Наличие комплекса особых норм, взаимосвязанных друг с другом и направленных на регулирование отношений в сфере информации, позволило выделить информационное

право в качестве самостоятельной отрасли российского права, а законодательство об информации – отдельной отрасли в системе отечественного законодательства» [1, с. 39].

Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ перечисляет элементы, составляющие информационное обеспечение выборов и референдумов, которое «включает в себя информирование избирателей, участников референдума, предвыборную агитацию, агитацию по вопросам референдума и способствует осознанному волеизъявлению граждан, гласности выборов и референдумов» [2].

Избирательные комиссии в числе первых обязаны информировать население о кандидатах и партиях, изъявивших принять участие в предстоящих выборах. Для этого им специально выделяется бесплатная печатная площадь и эфирное время в государственных СМИ. Главная задача избирательных комиссий – довести до как можно большего количества людей информацию о выборах, участниках, порядке и времени голосования. В СМИ публикуются сведения о дате рождения, работе, занимаемой должности кандидатов, материалы касаются доходов и имущества, источников финансирования избирательных кампаний, избирательном объединении и видных его представителях, основаниях регистрации и др. Как показывает практика, граждане, в период избирательной кампании, уделяют больше внимания именно государственным эфирам и программам, но иногда испытывают и дефицит предвыборной информации. СМИ в избирательной кампании играют роль не только производителя информационных услуг, но и юридического гаранта исполнения демократических прав граждан.

Законодательство Российской Федерации предусмотрело даже принципы информирования избирателей. Они закреплены в п. 2 и 4 ст. 45 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ: «Содержание информационных материалов... должно быть объективным, достоверным, не должно нарушать равенство кандидатов, избирательных объединений» [2].

Законодательство Российской Федерации, как уже было отмечено, достаточно подробно регулирует деятельность СМИ в период избирательной кампании. А что же происходит в других государствах? С помощью чего и каким образом зарубежное право координирует аспекты информирования граждан в ходе избирательного процесса? Ответы на эти вопросы позволят использовать зарубежный опыт для возможного решения имеющихся пробелов в отечественном законодательстве.

В США политический инструментарий, используемый в период проведения выборов, достаточно обширен. Особой востребованностью

пользуется стороннее финансирование, к которому прибегают многие кандидаты. Однако злоупотребление данной возможностью чревато репутационными рисками. Фундаментальное право граждан на «свободу слова» в поддержку конкретного кандидата используется не только общественными организациями и авторитетными лидерами, но и конкретными СМИ, открыто заявляющими о своей политической позиции, что также зачастую спонсируется. «Информационное обеспечение выборов и доступ кандидатов к СМИ регулируются «Законом о коммуникациях от 1934 года» (с последующими изменениями и дополнениями), инструкциями Федеральной комиссии по коммуникациям, при этом участие печатных средств массовой информации в освещении выборов законодательством не регулируется» [3]. Каждые выборы или референдум – это, своего рода, рыночная борьба, которая ведется в судах и органах власти на всех уровнях, в штатах и муниципалитетах государства.

Важный элемент американских выборов – дебаты. Это одно из наиболее популярных средств информационного воздействия на избирателей, пользующееся наибольшим интересом. Организацией и финансированием дебатов занимается особая неправительственная организация «Комиссия по проведению президентских дебатов», фактическое руководство которой осуществляют представители Демократической и Республиканской партий.

Особенностью избирательных кампаний в Великобритании является ее принадлежность к англо-саксонской правовой семье, где наряду с писаными правилами, действуют также традиционные и прецедентные нормы. Причем, на институт избирательного права особое влияние оказали нормы международного права, конвенции и договоры.

«От выборов в Европейский союз до формирования местных органов муниципальной власти в Англии действуют различные между собой избирательные системы (относительного большинства, дополнительного голоса, списки, дополнительное членство и др.)» [4, с. 98]. Однако процесс информирования граждан практически везде идентичен.

Вся избирательная система Великобритании строится на Акте о народном правительстве 1983 г., в котором содержится лишь несколько статей, предписывающих регулирование порядка проведения предвыборной агитации с использованием электронных СМИ. Другими словами, фактически отсутствует закон о действиях СМИ в период избирательной кампании, в связи с чем правовое регулирование политического осведомления избирателей через каналы СМИ оказывает существенное

влияние на малые или новообразованные партии, ограничивая их возможности в конкуренции с устоявшейся двухпартийной системой.

Стоит обратить внимание на такую особенность информирования, как предоставление каждому кандидату права бесплатной отправки почтового сообщения избирателям, когда любой пассивный участник, баллотирующийся на выборах, может выслать каждому гражданину письменный документ весом не более 60 граммов и содержащий какую-либо информацию о его предвыборной кампании. Такой способ информирования был создан специально для тех категорий лиц, которые не могут себе позволить ежедневный просмотр телевизора или не имеют других информационных устройств по ряду личных причин. «А вот почту англичане проверяют всегда, никогда не выкинут конверта, не прочитав его содержания» [5, с. 98].

Другой интересной особенностью английского информационного обеспечения выборов является «вербовка». Каждый кандидат может на безвозмездной основе привлечь добровольца, который будет добровольно и бесплатно обходить дома активных избирателей или другим способом агитировать избирателей за конкретного участника.

Кроме того, в Великобритании существенное значение на избирателей оказывает общественная теле-радио корпорация BBC. Главный принцип ее деятельности – беспристрастность и объективность журналистов при освещении в массах предвыборной кампании. Если же организацию подозревают в нарушении выполнения этого правила «...обозреватели (и, в частности, юристы, защищающие интересы политических партий) могут фиксировать преобладание публикаций в пользу (или против) определенной политической позиции» [6, с. 296].

Интернет-агитация в Великобритании появилась относительно недавно и уже успела получить двоякую общественную оценку. Каждая политическая партия на период осуществления избирательной кампании не может вносить какие-либо изменения в свои официальные Интернет-источники. Поэтому кандидаты просто прикрепляют к сайтам активные ссылки на всевозможные зарубежные сервера, где информация постоянно обновляется. Данный способ действует уже в течение многих лет, но законодательного ограничения на него до сих пор не предусмотрели, поэтому отдельные «хитрые» кандидаты отделяются предупреждением или штрафом.

Таким образом, избирательное право Великобритании на национальном уровне достаточно четко регламентирует порядок обеспечения граждан всей необходимой информацией о выборах. Финансирование и возможность получения дополнительных средств для активизации и

улучшения проводимой агитационной политики кандидатами осуществляются в рамках, предписанных законом; какое-либо воздействие на СМИ с целью получения большего числа голосов запрещается. Изменения в данном законодательстве направлены на то, чтобы «научиться жить с новыми проблемами, минимизируя наиболее негативные проявления открытого социума посредством управленческих подходов, имеющих гуманистические основания» [7, с. 239].

Во Франции контроль за соблюдением норм избирательного права обеспечивается посредством сложного административного механизма, который состоит из Государственного Совета, Национальной комиссии по контролю за избирательной кампанией и Совета по телерадиовещанию. Также в него могут быть включены административные и уголовные суды, рассматривающие возникающие споры по поводу поведения СМИ или незаконной агитации конкурентов в соответствии со своей юрисдикцией.

С 1956 года во Франции действует Избирательный Кодекс, достаточно подробно регламентирующий нормы по исключению какого-либо политического доминирования в теле-радио эфире. При обнаружении подобного рода нарушений в работу «включаются» элементы административного механизма: уполномоченные органы рассматривают поступающие жалобы и выносят решение либо обращаются в соответствующие суды. Отмена результатов выборов – самая суровая мера ответственности за нарушение конституционных принципов выборного процесса, гарантирующих всеобщее равенство в информационной сфере.

«В соответствии с избирательным законодательством пятой республики все кандидаты имеют право на равное количество эфирного времени на двух государственных телеканалах» [8, с. 4], причем, им запрещено получать его дополнительно, а также приобретать рекламное время на телевидении. Например, «в первом туре на выборы Президента Франции каждому участнику предоставляется 15 минут на национальном радио и телевидении» [9].

Законодатель предусмотрел определенные финансовые рамки, позволяющие обеспечить равенство кандидатов даже в предвыборной кампании, и ограничил участников закрытым перечнем информационных теле-, радио-, медиа-организаций, с помощью которых может осуществляться информационное освещение выборов: «Законодательство устанавливает для всех кандидатов принцип равного обращения в информационных программах, а также во всех других программах в эфир по средствам аудиовизуальных средств массовой информации» [9].

В процессе изучения информационного обеспечения выборов во Франции было замечено, что Интернет-ресурс не используется как один из основных источников информирования общества наравне с телевидением или радиоэфирами. Возможно, это обусловлено не очень доверительными отношениями граждан к мало проверенным каналам освещения политической жизни либо же просто менталитетом нации, у которой медиа-индустрия проникла еще не во все сферы жизнедеятельности.

Таким образом, процесс информационного обеспечения граждан во Франции не отличается новшествами или иными технологиями от большинства других стран. Достаточно серьезная регламентация избирательной кампании не позволяет допускать коррупционных нарушений, жестко контролируя соблюдение принципа равенства всех кандидатов. Специально созданный административный механизм осуществляет тщательный надзор за соблюдением всех норм избирательного права и гарантирует их соблюдение каждому пассивному участнику выборного процесса.

Кроме того, стоит отметить тот факт, что ряд государств вопрос о совмещении интересов избирателей и кандидатов, а также их прав на публичные высказывания в СМИ в период предвыборной агитации решает на основе международной Декларации «О критериях свободных и справедливых выборов», в п. 3 которой говорится: «Во время выборов государство и его органы должны обеспечивать: свободу передвижения, собраний, объединений и выражения мнений, особенно во время политических собраний и митингов; партиям и кандидатам свободу в распространении их взглядов среди избирателей и возможность равного доступа к государственным и общественным средствам массовой информации» [10]. Российская Федерация отказалась ратифицировать данную конвенцию, решив самостоятельно разбираться в решении всех вопросов регулирования информационного обеспечения прав граждан.

Таким образом, следует отметить, что информационное обеспечение выборов в рассмотренных выше государствах несет в себе большое значение и осуществляется самыми разнообразными способами: вербовка, Интернет-агитация, письменное уведомление избирателей, яркая реклама и др. Многолетняя практика показывает, что у каждого из них есть свои «плюсы» и «минусы», ограничения и запреты. Невозможно определить какой-либо один наиболее действенный способ информационного воздействия на максимальное количество граждан, так как каждая нация индивидуальная, отличается своим правом, менталитетом и традициями. То, что эффективно работает в одном обществе, не обязательно будет давать такие же результаты

в другом. Именно поэтому, сравнивая зарубежные способы информирования избирателей с отечественными, мы пришли к выводу, что любой избирательный процесс всегда подстраивается под время и место его проведения, под общество, его исполняющего, и под гражданина, его осуществляющего.

### Список литературы

1. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник // СПб.: «Юридический центр Пресс», 2001. С. 38-41.
2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Основные темы предвыборной кампании на выборах Президента США // <https://mybiblioteka.su/tom2/10-82713.html> (дата обращения 07.10.2022 г.).
4. Большаков С.В. «Правовое регулирование участия средств массовой информации в избирательном процессе» // Муниципальное право. 2012. № 7. С. 98-100.
5. Вакунов С.С. Агитация в Интернете: мировой опыт и перспективы законодательного регулирования // Избирательное право. 2011. №4 (16). С. 6-8.
6. Орлов А.Г., Кремянская Е.А. «Современное зарубежное избирательное право» монография // М.: МГИМО (Университет), 2013. С. 296-301.
7. Кравченко С.А. «Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности». М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
8. Цомартова Ф.А. Роль средств массовой информации в избирательном процессе: совершенствование информационно-правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 143 с.
9. Красинский В.В. «Общая характеристика основ избирательного законодательства Французской Республики» // [www.krasinskiy.ru](http://www.krasinskiy.ru) (дата обращения 07.10.2022 г.).
10. Декларация «О критериях свободных и справедливых выборов» (принята на 15 сессии Советом Межпарламентского Союза, 1994 г.) // <https://www.democrasy.ru/library/laws> (дата обращения 07.10.2022 г.).

**Швыдкова Валерия Витальевна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Безуглая Анна Артуровна**  
доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**Аннотация.** В данной статье был проведен структурный, смысловой и содержательный разбор юридической категории «конституционализм». Выявлены ее элементы, среди которых, прежде всего, политико-правовая идеология, политический режим и юридическая практика. Уточнено, что основная цель конституционализма сводится к достижению конституционной законности, осуществляемой посредством соблюдения норм Конституции и других нормативных правовых актов. Отмечено, что на формирование конституционализма существенное влияние оказывают политический, юридический, философский, исторический и иные факторы. В ходе исследования был сформулирован вывод, что существенным катализатором для развития конституционализма выступает концепция «Верность Конституции», предполагающая особую поддержку заложенных ценностей в базовом законе. Подчеркнуто, что данная концепция обладает значительным правовым и политическим потенциалом, способствующим развитию и повышению качества правовой культуры общества.

**Ключевые слова:** конституция, конституционализм, верность Конституции, конституционная реальность.

С появлением и развитием Конституции Российской Федерации [1], которая опосредовала принятие иных нормативных правовых актов в виде конституций и уставов субъектов Российской Федерации, правовая система страны обогатилась рядом новых юридических категорий / явлений. Полагаем, что данные обстоятельства легли в основу развития такого фундаментального для любого демократического государства явления как конституционализм. Следует уточнить, что трактовка категории

«конституционализм» до сих пор является предметом научной дискуссии среди конституционалистов уже не один десяток лет.

В юридической науке наличествуют различные подходы к рассмотрению понятий «конституция» и «конституционализм». При этом авторы справедливо полагают, что обозначенные дефиниции не являются тождественными. В данной связи полагаем уместным отразить позицию М.В. Баглая, который сформулировал «разность» данных категорий (но не разновекторность): конституция – это сумма лучших идей, которые закреплены на бумаге, а конституционализм – это реальность, сама жизнь конституции, которая может сильно отличаться [2, с. 10].

Понятие конституционализма складывается на основе нескольких аспектов: политическом, юридическом, философском, историческом и др. Так, Н.В. Витрук характеризовал конституционализм как многогранный и многоэлементный исторический феномен, который должен иметь широкое и ёмкое понятие. Автор рассматривает его в виде научной теории, а также в качестве нормативно-правовой системы. Последняя, по мнению ученого, включает в себя практику реализации Конституции и конституционного права в целом, формируя при этом конституционное мировоззрение, закрепляющее правовое сознание юристов и правовую культуру населения в целом. Следует отметить, что Н.В. Витрук подчеркивал особую роль в развитии конституционализма Конституционному Суду Российской Федерации [3].

Анализ понятийной интерпретаций конституционализма позволил заключить, что среди особенных (авторских) черт выделяются и общие. Среди общих черт конституционализма можно выделить единую цель – это достижение конституционной законности, т.е. полное соблюдение норм Конституции и других нормативно-правовых актов, среди которых она занимает главенствующее положение.

Основываясь на разборе научных и практических источников и литературы, полагаем возможным выявить основные элементы конституционализма и проанализировать их содержание. Считаем, что к названным элементам относятся:

1. Политико-правовая идеология (включает в себя идеи, учения о конституции и основы организации публичной власти в обществе, а также характеристику института естественных и неотчуждаемых прав и свобод личности);

2. Политический режим (определяет основы самого конституционного строя в какой-либо исторический или экономический период) [4];

3. Юридическая практика (включает в себя реализацию применения разнообразных норм, которые закреплены в действующей конституции и в конституционном законодательстве в целом).

Таким образом, можно сделать вывод, что конституционализм играет большую роль в государстве, где есть своя конституция. Конституционализм является самой природой и реальностью, в которой действует этот базовый закон. Он включает в себя основные учения и положения о действующей конституции, определяет основы конституционного строя, а также формирует конституционное мировоззрение и сознание, способствуя развитию правовой культуры. В Российской Федерации конституционализм играет далеко не последнюю роль, ведь в государстве действует и реализуется Конституция Российской Федерации, чью реальность и природу формирует конституционализм.

Как известно, существуют те явления, которые способствуют развитию конституционализма в государстве. Важную роль в этом процессе играет концепция верности конституции. Она была предложена Н.В. Витруком в своей работе «Верность Конституции» [5], тесно связанная с теорией конституционализма. Стоит отметить то, что данная концепция предполагает особую поддержку заложенных ценностей в Конституции, которая в свою очередь обладает огромным правовым и политическим потенциалом. Иными словами, она является тем самым фактором, который способствует развитию и повышению качества правовой культуры общества, в котором действует конституция. Также не стоит забывать, что, исходя из этой концепции, она помогает минимизировать противоречия или расхождения между, непосредственно нормами конституции «на бумаге» и реальной ее действительности. В связи с этим, современные юристы довольно часто обращаются к концепции, предложенной Н.В. Витруком [6].

Для более полного понимания следует разобраться в том, что из себя представляет верность конституции. Это понятие можно толковать по-разному. Например, в виде «исповедования веры» в конституцию или же в значении рационального научного обоснования (соответствия конституции другим нормативным актам и т.д.).

Сама категория «верность конституции» имеет большое количество смысловых оттенков, которые стоит выделить и позднее отталкиваться от них. Некоторые из них выглядят следующим образом:

- 1) верность конституции рассматривается как верность самому нормативному правовому акту;
- 2) верность конституции характеризуется как верность правовым нормам конституционного законодательства в целом;

3) верность конституции определяется верностью идеалам, ценностям и представлениям, которые закреплены в данном правовом акте;

4) верность конституции как верность той действительности, в которой реализуется конституция и ее конституционные нормы на практике;

5) верность конституции как верность установленному конституционализму в государстве, а также поддержанию конституционного порядка.

Из всех этих смысловых аспектов, можно сделать вывод, что явление верности конституции тесно связано с теорией конституционализма по одной простой причине, что верность способствует поддержанию конституционного порядка, а также реализации самой конституции и ее норм на практике. Стоит упомянуть немаловажную вещь о том, что это всё в совокупности сможет свести противоречия между текстом данного правового акта и реальностью, в которой он реализуется, к минимуму. Полагаем, что верность конституции в значении рационального научного обоснования способствует контролю соответствия действующей конституции с другими нормативными правовыми актами.

### Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г., от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.; 2020. № 30 (часть I). Ст. 4202.
2. Баглай М. В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 10-19.
3. Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб. статей / Под ред. В.Ф. Воловича. Ч.1. Томск, 1999. С. 3-23.
4. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. Ростов-на-Дону, 2005. 357 с.
5. Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. М.: РАП, 2008. 272 с.
6. Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н.В. Витрука // Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической

конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. М.: РГУП, 2017. С. 10-14.

7. Кравец И.А. Конституционная телеология, верность как постоянство и обновление конституции (проблема конституционной герменевтики и наднациональной юрисдикции) // Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. М.: РГУП, 2017. С. 48-56.

**Шейна Екатерина Александровна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Безуглая Анна Артуровна**  
доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

## **ВКЛАД Н.В. ВИТРУКА В ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

**Аннотация.** В статье была отражена роль Н.В. Витрука в процессе формирования конституционно-правового мировоззрения, сопряженного с правовой культурой. В ходе исследования был сделан акцент на рассмотрении профессиональных, научных, общественных достижений автора. Был сделан вывод, что Н.В. Витрук формировал не только конституционно-правовое мировоззрение, но и участвовал в развитии общественного сознания.

**Ключевые слова:** конституция, конституционно-правовое мировоззрение, национально-правовая культура, верность Конституции, конституционные ценности.

Конституция Российской Федерации представляет собой фундаментальную социально-правовую ценность, в которой найден компромисс различных интересов социальных слоёв путём длительных системных преобразований. Данные изменения, как представляется, неокончательны, поскольку развитие государства и общества априори детерминирует обновление конституционных положений. Одно из таких

произошло в 2020 году, когда были внесены поправки в Конституцию Российской Федерации. Это событие имеет большую значимость, потому как является ответом на процессы, происходящие в государстве и мире. Конечно, изменения в базовом законе вызвали повышенный интерес у населения, особенно у юристов и будущих представителей данной профессии, и оказали влияние на их конституционно-правовое мировоззрение.

Прежде чем говорить о конституционно-правовом мировоззрении современной юридической общественности, важно отметить тех, кто стоял у истоков его формирования, совершенствовал конституционное право, поднимал важные вопросы не только в сфере самого государства, но и образования.

Одним из таких людей был Н.В. Витрук, деятельность которого навсегда осталась в истории России. Будучи государственным деятелем, учёным и педагогом он оставил след во многих сферах жизни нашей страны. Его работы служат базой для формирования конституционно-правового мировоззрения нынешней юридической науки. Как отмечал сам автор, «конституционно-правовое мировоззрение представляет собой философско-правовое осознание сущности конституции, конституционных ценностей, их роли и назначения в построении справедливого общественного строя» [1].

Трудясь в Институте государства и права АН СССР, Н.В. Витрук был членом рабочей группы, которая разработала текст проекта Конституции СССР 1977 г. Николай Васильевич принял активное участие в обобщении материалов его всенародного обсуждения. Таковую же работу проделал и над проектом Конституции РСФСР 1978 г. В начале 90-х гг. был руководителем коллектива авторов по подготовке проекта закона «О гражданстве Российской Федерации». Разработка научно-теоретической концепции новой Конституции России тоже не обошлась без его внимания.

Самый значимый период в жизни Н.В. Витрука начался в 1991 года, когда его избрали на должность судьи Конституционного Суда, а в 1993 году он возглавил его. Это было тяжелое для страны время, и такой человек, как Н.В. Витрук не мог стоять в стороне. Он высказал особые мнения, а также стал одним из трёх судей, которые не признали неконституционным Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ». В 1994 г. он представлял в Государственной Думе проект Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также в Европейской комиссии «За демократию через право». Это нашло своё отражение в монографии «Верность Конституции», которая до сих пор привлекает интерес исследователей конституционализма [2].

2003 год ознаменовался отставкой Н.В. Витрука по достижении предельного возраста по осуществлению полномочий судьи Конституционного Суда и продолжением его деятельности в качестве ученого и педагога. Возглавляя кафедру конституционного права Российской академии правосудия в 2005 г., Николай Васильевич продолжал усердно работать над формированием у юристов старшего и нового поколений конституционно-правового мировоззрения и конституционно-правовой культуры. Под его личной редакцией создавались учебники, учебные пособия и курсы лекций по конституционному праву. В это же время были выступления с докладами на международных научных конференциях, публикации статей в журналах, издания сборников научных работ по вопросам судебной власти, судебного конституционного контроля и конституционного судопроизводства. Его исследования во многом были новаторскими, отвечали потребностям государственно-правовой практики и логике развития научной мысли, переводились на многие языки [3].

Значительная часть жизни Н.В. Витрука посвящена ученой и преподавательской деятельности. Он внес огромный вклад в развитие юридического образования в СССР и в России, в подготовку юристов новой формации. Разработанный им учебный курс «Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс», он лично читал в ряде высших учебных заведений, в том числе и в Белгородском государственном университете.

Научные работы и идеи Николая Васильевича стали основой для конституционного права и судебного процесса, выражаясь как в образовательной среде, так и практической. Он стал руководителем различных научных исследований и подготовил ряд достойных юристов, ныне работающих во многих городах России.

Общественная, судебная, научная и педагогическая деятельность Н.В. Витрука всегда отличалась высоким профессионализмом, честностью и принципиальностью. Неудивительно, что такой человек, как Николай Васильевич, в силу своего труда и таланта, формировал не только конституционно-правовое мировоззрение, но и общественное сознание нового правового государства.

### **Список литературы**

1. Витрук Н.В. Конституционно-правовое мировоззрение в системе правовой культуры // Литературная газета, 2005. 16–22 февраля. Режим доступа: [https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2009\\_Sbornik/003\\_Sekcii/003\\_Sekcia\\_3/005\\_Viturk\\_NV.pdf](https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2009_Sbornik/003_Sekcii/003_Sekcia_3/005_Viturk_NV.pdf).
2. Российский юридический журнал. Режим доступа: <http://www.ruzh.org/?q=ru/node/55>.

3. Ершов В.В. Николай Васильевич Витрук: Ученый, Педагог, Судья, Человек // Право, демократия и личность в конституционном измерении (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991-2012 гг.) / Н.В. Витрук. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 5-15.

**Шепель Есения Николаевна,**  
студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:  
**Безуглая Анна Артуровна**  
доцент кафедры конституционного и международного права  
юридического института НИУ «БелГУ»,  
кандидат юридических наук, доцент  
(Белгород, Россия)

### **«ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ» – ВЗГЛЯДЫ Н.В. ВИТРУКА НА КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Аннотация.** В данной статье осуществлен анализ положений монографии Н.В. Витрука «Верность Конституции» на предмет выявления структурных, содержательных и концептуальных особенностей. В ходе исследования отмечено, что автор придавал российской Конституции правую, морально-нравственную и социально-политическую ценность, указывал на сосредоточение в базовом законе стране ценностей и идеалов российского общества и государства.

**Ключевые слова:** Конституция, верность конституции, онтология конституции, аксиология конституции, конституционные правовые нормы.

Одной из выдающихся работ доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Н.В. Витрука является монография «Верность Конституции». Её неоспоримая значимость для конституционно-правовой науки заключается в том, что автором была осуществлена комплексная работа по исследованию онтологии конституции, ее социально-правовой сущности, рассмотрены предмет, содержание и формы, юридические свойства, порядок принятия и изменения Базового закона нашего государства, а также раскрыты тенденции развития российского конституционализма. Кроме того, обозначенной монографией Н.В. Витрук положил начало развитию новой научной концепции, которая носит одноименное название «Верность Конституции».

Следует отметить, что само наименование работы «притягивает» авторов к ее изучению и анализу. Так, М.В. Мархгейм в своей рецензии на монографию отмечает, что «В точном слове «верность», приложенном к Конституции, соединились правовое и нравственное отношение Н.В. Витрука к базовому Закону нашей страны, а также к процессам и перспективам ее конституционных преобразований» [1, с. 38].

В отношении содержания работы И.А. Кравец полагает, что: «Верность конституции как правовая и культурно-семантическая концепция позволяет выявлять конституционные и моральные ценности, которыми руководствуются при толковании, реализации или актуализации конституционных норм, заложенных Н.В. Витруком» [2, с. 67].

Следует отметить, что Н.В. Витрук также выделял в монографии социально-политическую ценность Конституции России. Он указывал, что «Социально-правовая ценность Конституции РФ заключается в том, что она представляет собой результат достигнутого согласия всех политических сил, сочетания различных интересов. В силу этого Конституция является основой стабильности общества, его политической системы, общественного и государственного развития» [3, с. 131].

Одновременно с этим автор отмечал, что в Конституции России закрепляются многие правовые институты. Но предстают они не как что-то уже достигнутое, а как цель, которая должна быть реализована в будущем. Так как любая конституция в мире осуществляет определенные функции, Н.В. Витрук выявил и раскрыл соответствующие функции: конституирующую (учредительную), системообразующую, программно-целевую, регулятивную, обеспечительную, охранительную (защитную). Как видно из представленного перечня, одной из функций российской Конституции ученый считал программно-целевую, которая и заключается в том, что в ней установлены стратегические цели и задачи перед обществом и государством. К таким положениям Конституции России относятся преамбула, положение о демократическом федеративном правовом государстве, положения, закрепляющие перечень основных прав и свобод человека и гражданина и так далее [4]. Автор справедливо полагал, что именно Конституция России содержит те ценности и идеалы, к которым должно стремиться общество и государство.

Рассматривая весь перечень функций российской Конституции, можно отметить, что Н.В. Витрук указывал на всеобъемлющий характер её положений. Конституционные нормы представляют собой единый, ценностный акт, имеющий первичный характер. Она обеспечивает единство и сбалансированность всех элементов правовой системы. Кроме того, она

определяет субъекты конституционных отношений, устанавливает гарантии прав и обязанностей субъектов конституционных отношений, а также специальных охранительных (защитных) механизмов, целью которых является предупреждение конституционных правонарушений.

Одна из глав монографии посвящена решениям Конституционного Суда Российской Федерации. Н.В. Витрук в данной главе рассматривал влияние решений высшего судебного органа конституционного контроля в России на содержание Конституции. Он отрицал позицию ряда авторов, полагавших, что решения Конституционного Суда могут становиться частью конституции. В рамках анализа данного вопроса Н.В. Витрук отмечал, что: «Принципиально нельзя согласиться с теми, кто считает, что содержание Конституции РФ можно изменить или трансформировать, модернизировать и т.д. путем принятия федеральных законов либо посредством правопримительной практики, какой бы авторитетной она не была» [3, с. 145]. Так он еще раз подчеркивает высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации, содержание которой невозможно с такой легкостью изменить.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что невозможно полноценно оценить в рамках данной работы взгляды Н.В. Витрука на Конституцию Российской Федерации, которые он изложил в своей монографии. Но однозначно он придавал Конституции России правую, морально-нравственную и социально-политическую ценность, указывая на сосредоточение в ней ценностей и идеалов российского общества и государства.

### **Список литературы**

1. Мархгейм М.В. Рецензия на монографию Н.В. Витрука «Верность конституции» // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13. С. 38-40.
2. Кравцев И.А. Верность Конституции и проблема конституционной легитимности // Верность Конституции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. М.: РГУП, 2018. С. 66-76.
3. Витрук Н. В. Верность Конституции: монография. М.: Изд-во РАП, 2008. 272 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:  
СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Ответственный редактор – профессор М.В. Мархгейм

Подписано в печать 25.11.2022  
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 15  
Тираж 200 экз. Заказ № 1114.

Отпечатано в типографии ООО «Гик»,  
г. Белгород, ул. Калинина, 38-а,  
Тел. (4722) 58-71-25 [www.gikprint.ru](http://www.gikprint.ru) [girichev69@mail.ru](mailto:girichev69@mail.ru)  
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.